АЛЕКСАНДР КУЛЕШОВ

*

СЫСКНОЕ АГЕНТСТВО

АЛЕКСАНДР КУЛЕШОВ

СЫСКНОЕ АГЕНТСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Сыскное агенство

Александр Петрович Кулешов

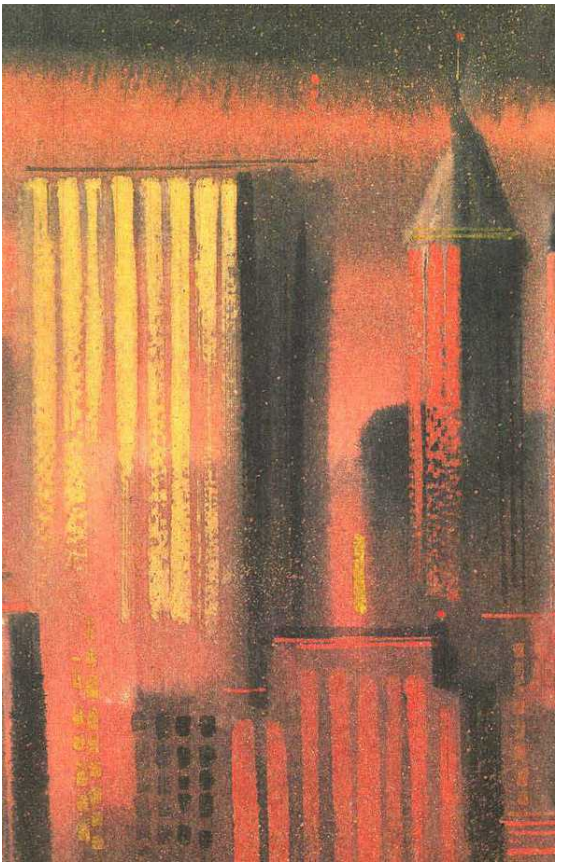
Аннотация
Александр Кулешов. СЫСКНОЕ АГЕНТСТВО
Глава I. СНЫ
Глава II. ВСТРЕЧА
Глава III. «ОКО»
Глава IV. ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ
Глава V. ОЧЕНЬ ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ
Глава VI. НЕВЕРОЯТНО ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ
Глава VII. ПУСТЯКОВОЕ ЗАДАНИЕ
Глава VIII. ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО
Глава IX. ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ
Глава X. АКЦИЯ «ПОРТФЕЛЬ» И ДРУГИЕ…
Глава XI. СЧЕТ
Глава XII. ДЖУНГЛИ

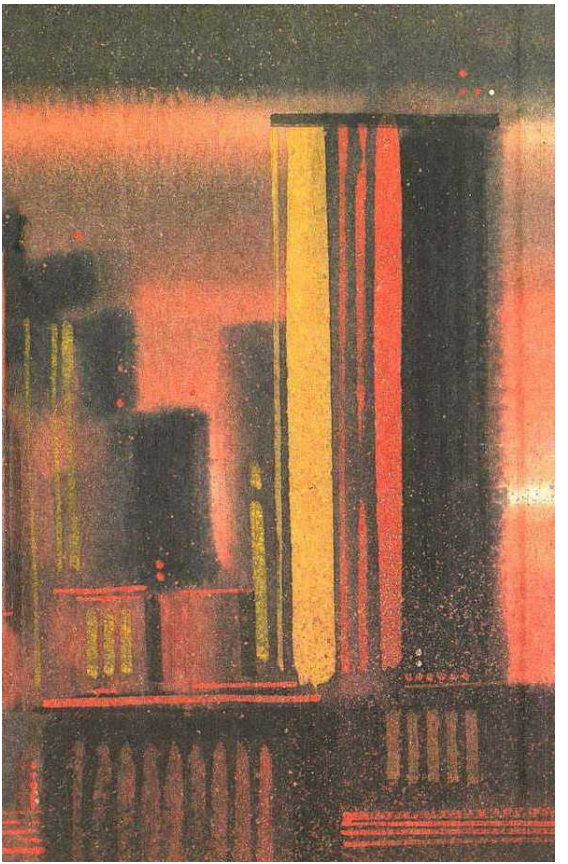
Аннотация

Остросюжетный роман Александра Кулешова рассказывает о крупном частном детективном агентстве, каких ныне много на Западе, точнее, об одной тайной стороне их деятельности, тщательно скрываемой от широкой общественности.

Писателю Александру Кулешову во время его многочисленных поездок за рубеж довелось познакомиться с работой подобных агентств, что дало ему оригинальный материал, использованный в романе.

Художник *М. Лисогорский.*





БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1991

АЛЕКСАНДР КУЛЕШОВ

СЫСКНОЕ АГЕНТСТВО

РОМАН

· ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ·

Александр Кулешов
СЫСКНОЕ АГЕНТСТВО

Глава I
СНЫ

Он спал и видел сны. Всю дорогу, всю эту бесконечную дорогу он спал. Когда самолет совершал посадку, он выходил, дышал жарким воздухом аэродромного поля, глядя на мерцающие в вышине звезды, или, шатаясь, прохаживался по душным галереям аэропортов, и все равно спал на ходу.

Стоянка заканчивалась, пассажиры снова загружались в гигантский пятнистый транспортный самолет, ревели двигатели, и он, повозившись в неудобном, наспех установленном кресле, снова засыпал.

Ему хотелось выспаться за все эти долгие месяцы, которые он теперь видел во сне… Страшные месяцы.

Ему снились нарезанные ломтями рисовые поля с их блестевшими водяными проплешинами, хороводы тонконогих сахарных пальм, порой с листьями, а порой коротко постриженных, как новобранцы, отдавших свою богатую шевелюру для крыш хижин. И сами эти хижины — жалкие постройки на сваях. Серые, из высохших паль-

мовых листьев, крыши, серые стены, шаткие лестницы с всегда нечетным, чтоб не прогневить богов, количеством ступенек… А под домом между сваями станок, лежак, привязанный буйвол, вокруг огородик, одна-две кокосовые пальмы, манговое дерево…

Как это все здорово горело в брызгах напалма! Как торопливо, в безумном страхе, скатывались с шатающихся веранд голопупые карапузы, старухи, хромые старики, женщины, похожие на девчонок, и девчонки, уже расцветшие как женщины. Скатывались, отбегали, отползали, словно жуки или, как их там, ящерицы, что ли. Кричали, плакали…

Умора!

Женщины! Какие же красивые там были женщины с их точеными фигурками, густыми черными волосами, спускавшимися ниже пояса, с их большими грустными глазами и ослепительно белыми зубами.

И такие женственные, такие очаровательно изящные.

Он видел этих женщин невозмутимыми, ловкими, твердыми в бою, когда они целились из своих старых винтовок, а он завороженно следил за ними в мощный бинокль и не всегда разряжал

в них свой автомат.

Он торопливо уходил от всех, не желая видеть каменные лица этих женщин, их намертво слепленные губы и зажмуренные глаза, когда ребята, захватив двух-трех в плен, громко гогоча, поджаривали им спины зажигалками, прежде чем прикончить.

Ему казалось, что он ловко притворяется, но все всё замечали, и его прозвали чистоплюем и тихоней.

Впрочем, в бою он был смел, искусен и не раз выручал товарищей, так что его все-таки уважали. В конце концов, его дело, может, у него дома богатая ревнивая невеста…

Невесты у него не было, тем более богатой. Была мать, да и та умерла, пока он успешно приканчивал чужих матерей в этом богом проклятом краю, был старший брат, благополучный, женатый, отец троих детей, нахлебавшийся в мировой войне в Европе, раненый и потому не понимавший, как это Кар по своему собственному желанию завербовался в армию. Он что, ненормальный? Или самоубийца? А может, скрывается от полиции? То, что Кар никак не мог найти работы по душе, а точнее, вообще работы, что его манили приключения, дальние страны,

хороший заработок, брат не понимал.

— Тебе никогда не дырявили живот штыком? — серьезно спрашивал он Кара. — Нет? А по госпиталям с капельницей ты не валялся? Тоже нет? Вот если б ты все это прошел, ты бежал бы от вербовочного пункта быстрей рысака.

— Что ж ты мне прикажешь — подохнуть, чтоб сообразить, что умирать не рекомендуется? — возражал Кар. — Не всех же штыками пыряют. Вон кое-кто вернулся с орденами и привез кое-что. Да и не так просто со мной справиться.

И он выпрямлялся во весь свой без малого двухметровый рост, поигрывал могучими мышцами футболиста. Да уж, когда он бросался в ноги противника, тот не только мяч терял, а иной раз и сознание.

На вербовочном пункте его оценили и определили в парашютисты. В этих войсках хрупких мальчиков не держали, но даже там он выделялся своей силой и выносливостью.

А уж чего-чего, но выносливость здесь лишней не была.

Не все выдерживали, ох, не все.

Чего только не приходилось на долю будущих парашютистов! Бег с тяжелейшими ранцами на десятки километров, ползание в грязи, в бо-

лоте, в гнилье на десятки метров, перелезание, перепрыгивание, перетаскивание, переходы и еще множество пере… Их учили рукопашному бою, учили убивать голыми руками, лопатами, палками, гитарными струнами, свернутыми в трубку бумажными рулонами, ремнями, самопишущими ручками, словом, оказалось, что всем на свете, начиная от заколки для галстука и кончая цветочным букетом, можно убивать!

Учили допрашивать. Когда инструктор демонстрировал методы допроса, Кара едва не стошнило, хотя особой сентиментальностью он не отличался, да и кто сохранит человеческие чувства после многомесячной вот такой подготовки?

Между прочим, выдерживать допросы тоже учили. После этого двое ребят покончили с собой.

Но главное — учили ненавидеть. Всех. Каждого. Товарищей по роте, инструктора, командиров, встречных, прохожих и, уж конечно, «потенциальных врагов» — белых, черных, желтых…

Выстраивали и заставляли хором кричать: «Убей их! Ненавижу их! Зарежу их!» Под «их» понимали всех возможных и невозможных врагов. Врагов страны, величайшее счастье родиться

гражданином которой выпало на их долю.

— Если теперь, — сказал им инструктор по окончании учебы, — вы способны пожалеть собственную мать, значит, мы потратили все это время даром. Запомните, вы — цвет нации, лучшие граждане нашего государства. Ясно, кретины? Вы — хищные звери, а потому лучшие граждане! Все понятно, сборище мерзавцев? Ну хорошо, идите и воюйте! Да как следует. Когда будете убивать врага, представьте на его месте меня, тогда наверняка убьете, подонки! Ха-ха-ха! — Инструктор разражался оглушительным смехом, а Кар и ребята с тоской думали о том, нельзя ли посчитаться с их мучителем уже теперь.

Случаи убийства инструкторов «неизвестными лицами» порой бывали.

Когда наконец Кар и другие ребята, навьюченные, словно мулы, с автоматами в руках погрузились в самолет, они представляли собой банду законченных убийц. Но внешне это были рослые парни, мускулистые, загорелые, белозубые, в лихо заломленных набок беретах цвета надежды.

Такими они прибыли и к месту назначения, на другой конец земли. Сошли, окунувшись словно в сауну, и отправились в свой лагерь.

Вот тогда началась для Кара его кошмарная жизнь. Впрочем, вначале она вовсе не казалась кошмарной. Уже одно то, что кончились нечеловеческие тренировки, издевательства инструктора, постоянное напряжение, было облегчением. Теперь они вымещали на других накопленную бессильную злобу…

В городе, вернее, поселении, где по пальцам перечтешь нормальные двух-трехэтажные дома, а так все больше хижины, деревянные бараки или, наоборот, роскошные, но, увы, недоступные им виллы, имелись ресторанчики, пивные, а в глухих переулках — дома, наполненные местными красавицами, пытающимися вырученными грошами хоть немного помочь своей бесчисленной голодной родне.

Кар и его друг Лоридан, или Лор, по сравнению с другими еще сохранившие остатки порядочности, немного жалели этих миниатюрных беззащитных девушек и, выбрав себе постоянных подруг, во время нечастых визитов заносили им банки консервов, сигареты, разную снедь, были щедры в оплате.

Кто знает, может, именно тогда Кар впервые задумался. О чем? Ну, вообще, о себе, о своей жизни, о дальнейшей судьбе, о том, что он делает

и правильно ли живет, о том, наконец, что есть на свете и другие страны, кроме его собственной, и другие люди, кроме него и его ребят; и, быть может, они тоже имеют право на жизнь.

Мысли эти возникли после одного разговора, который состоялся у него с Рарой, его подругой.

В свободный день они отправились вчетвером на служебном джипе километров за сорок от города.

Лоридан гнал машину, словцо в конце пути его ждал приз. А может, так оно и было? Мелькали деревушки, пальмовые рощи, уходили за горизонт рисовые поля, встречные волы, испуганные клаксоном, медленно отворачивали в сторону, а голые малыши провожали машину задумчивым взглядом. Они приехали к коричневым развалинам древнего храма, где и сейчас, по военной поре, в узких приделах возле статуй будд курились ароматические палочки и молча сидели калеки, протянувшие за подаянием увечные руки.

Огромное дерево с серым стволом роняло смешные, похожие на ушастую заячью голову не то листья, не то зачатки будущих плодов. Они уселись в тени его гигантской кроны, вытащили припасы, которыми можно было, наверное, накормить полдюжины деревень, пили пиво,

хохотали, бросали объедки не решавшимся приблизиться детишкам. Те смотрели огромными печальными глазами. Покорность, безнадежность, тоска застыли в этих глазах.

Следующий привал устроили на берегу гигантской реки, катившей свои желтовато-бурые воды не одну тысячу километров.

По реке плыли длинные лодки с полукруглым навесом — жилища рыбаков. Здесь жили, добывали рыбу, рождались и умирали.

Одинокий гребец в широкополой соломенной шляпе, стоя, ловко гнал свою лодку веслом. У берегов плескались в мелкой воде мальчишки, что-то кричали.

Вдоль берега росли невысокие редкие заросли. Чего? А черт его знает! Кар так и не узнал за долгие месяцы пребывания в этом краю ни названия здешних деревьев, кустов, трав, цветов, животных, ни названия городов и деревень. Да и истории страны он не узнал. А зачем? Все эти маленькие желтокожие люди, их детишки, вообще их жизнь были отделены от него словно стеклянной стеной. Как они жили и жили ли вообще, его интересовало так же мало, как судьба вечно мотавшихся по столу в столовой муравьев. Нет, муравьев, пожалуй, больше — еще залезут

в тарелку… Кар убивал порой этих людей — что ж поделаешь, он приехал сюда воевать. Но во время операций, когда приходилось стрелять из своих автоматов по зарослям, забрасывать их гранатами и минами, он же не видел тех, кого эти мины убивали. А что касается пленных, то, как уже говорилось, он не любил смотреть, что с ними делают.

Ну, а сейчас, на берегу реки, где легкий ветерок скрадывал жару, он, глядя вдаль на зеленые поля, изящные пальмы, слегка пьяный, довольный, просто радовался жизни, ни о чем не задумываясь. Вот рядом Рара, такая нежная и покорная, чуть поодаль Лор, надежный и верный друг, друг навеки, впереди веселый вечер. Их часть на отдыхе, а значит, в ближайшую неделю нет опасности, дома его ждет в банке приличный капиталец и каждый день капают новые монеты, расходов же нет.

Скоро кончится эта дурацкая война, он вернется… Впрочем, пусть еще немного продлится, пусть капиталец подрастет. Да, честно говоря, и работать не очень хочется, здесь-то разве это работа! А дома придется, там без дураков. Он, правда, давно оторвался от родины и не очень представляет, что и как, но все же он достаточно знал свою страну, ее порядки и законы и понимал, что таким, как он, если хочешь жить, надо работать. Впрочем, чего сейчас об этом думать?

Тогда-то и произошел этот знаменательный разговор.

Лор со своей подругой пошли к берегу реки, а Кар притянул к себе Рару. Она послушно села возле него по-турецки, стала опахивать банановым

листом, смеяться. Но ему вдруг захотелось поговорить, эдак пофилософствовать, что случалось с ним не часто.

— Вот ты, Рара, ты зачем живешь?

— Зачем? — Она удивленно посмотрела на него. — Чтоб жить…

Этот простой ответ сбил Кара с толку. Вообще-то, он знал, что Рара была неглупой девочкой, у нее было какое-то образование, она неплохо владела его родным языком, но старательно изображала простушку, так как поняла, что белые солдаты не любят умных девушек. «Чтобы жить…»

А он зачем живет?

— А я зачем живу? — спросил Кар.

— Чтобы убивать, — последовал простодушный ответ. — Ты ведь солдат, ты должен убивать.

— Но я убиваю только врагов, — возмутился Кар.

Рара помолчала и нерешительно пробормотала:

— Враги — те, кто делают тебе плохо.

Кар опять задумался. А кто ему делает плохо? Вот инструктор — мерзавец, да! Вот кто уж враг так враг! А что, собственно, плохого сделали ему собратья этой миниатюрной красавицы, что

сидит здесь рядом, устремив задумчивый взгляд на широкую желтую реку, на уходящие за горизонт поля, на неподвижные высокие пальмы? Ну ему, положим, ничего, но его родине, которую он защищает тут? Тут? За тысячи километров, на чужой земле?

В конце концов, решил Кар, он действительно солдат, она сама так сказала. А солдат не должен рассуждать. Его дело выполнять приказы. Если каждый солдат будет говорить командиру: «В того стрелять буду, мне его физиономия не нравится, а в этого не буду, он мне ничего плохого не сделал», ничего себе получится война! Ха-ха! Лучше уж тогда вообще не воевать. А может, действительно лучше?

— Как ты относишься к войне? — задал он уже совсем дурацкий вопрос.

— Воюют мужчины, — ответила Рара. Логика ее была обезоруживающей.

— Как ты жила до войны?

— Хорошо, — быстро ответила она и тут же добавила: — И сейчас хорошо, есть ты.

Она, видимо, испугалась, что может обидеть его.

— Война кончится, я уеду, будешь скучать? — Он притянул ее к себе.

— Буду, — ответила она тихо.

Черта с два! Не скучать она будет, а каждый день свечку ставить, или, как у них там, палочку эту пахучую, радуясь, что он уехал, он и его товарищи. Это для него они товарищи, а для нее, для всех здесь — убийцы, разорители, завоеватели. И не будет она скучать по нему, не любит его, может быть, ненавидит, может быть, мечтает, чтоб его убили.

— Ты б хотела, чтоб меня убили?

— Нет, нет, что ты, — испуганно запричитала Рара, — ты хороший, ты добрый, ты щедрый…

Вот! Он щедрый, значит, не надо его убивать, придет другой, будет меньше платить. Простая логика. Но настанет день, он уедет домой или на тот свет, и он и его товарищи, здесь настанет мирная жизнь, у нее будет любимый жених, муж, такой же бедняк, как она, без щедрот, и вот с ним будет счастлива.

— У тебя есть жених? — спросил он.

Рара долго молчала.

— Есть?

— Был, — еле слышно ответила она.

— А где он теперь? Отвечай!

— Он там… — Она неопределенно махнула рукой. Но Кар понял: «там» — в партизанах, воюет.

— Он воюет против нас? — Кар усмехнулся. — Может, он когда-нибудь убьет меня или я его. А? Рара?

Рара закрыла лицо руками и заплакала. Все. Против этого неотразимого женского аргумента он уже ничего не мог поделать. Он просто обнял ее за слабые плечи и привлек к себе.

Но потом долго почему-то вспоминал этот нелепый разговор.

А все шло по-прежнему — душные джунгли, болотистые поля, немыслимая жара, тучи комаров, полчища насекомых всех родов, проливные, бесконечные дожди, неожиданные засады, выстрелы неизвестно откуда, хитро спрятанные мины, ловушки и волчьи ямы, какие делают здесь обычно для диких зверей, а теперь делали для них. Почему бы нет? Разве они не дикие звери, замаскированные под людей? Разве они не отрезали уши раненым врагам, не вгоняли раскаленные иголки под ногти пленным, не сжигали убогие деревушки, не расстреливали детей и стариков, не насиловали женщин, не заливали бескрайние леса и поля химикатами так, что еще десятилетия ничего не сможет расти на этой земле?

Войска старались менять здесь почаще, но это

не всегда получалось, и порой долгие недели приходилось вести жестокие бои на этой чужой, враждебной земле.

Порой Кару казалось, что он уже мертв, попал в ад и вот теперь навечно обречен мучиться в этом аду, беспросветно страдать. Но наступал момент, когда их отводили в город, то, что еще день назад было реальностью, превращалось в кошмарное воспоминание, и снова начинались кутежи, пьянки, начинался «отдых».

— И это жизнь? — с тоской вопрошал он своего друга Лора. — Ведь если нас здесь не убьют и не искалечат, мы все равно вернемся уродами, душу-то не вылечить. И болячек небось в нас засядет миллион. А работа? Где и какую мы найдем работу?

— Брось, — успокаивал его Лоридан. — Мы ж герои. Нас ждут. Не успеем сойти с корабля, как все директора банков будут нас умолять стать их пайщиками, и вообще…

— Вот именно, — усмехался Кар, — «и вообще». Ради чего мы здесь торчим?

— Это ты брось, не прибедняйся. — Теперь Лоридан говорил серьезно. — Во-первых, я каждый день, проснувшись, прикидываю, сколько скопилось у меня на счету. Прямо скажу, немало,

теперь немало, а ведь с каждым днем становится все больше. Вот почему у меня всегда с утра хорошее настроение. Во-вторых, мы здесь много чему научились.

— Чему это, интересно?

— Пожалуйста: метко стрелять, справляться голыми руками с любым противником, незаметно подкрадываться к врагу, выживать во всяких условиях…

— …убивать сотнями способов, особенно детей, поджигать, грабить, — продолжил Кар.

— А что? Чем не наука? Вернемся, организуем с тобой банду. — Он опять начинал острить. — Будем миллионеров грабить, похищать детей для выкупа, наймемся в сыскное агентство — неверных жен выслеживать…

— Вышибалой в кабак ты наймешься, — вяло подхватывал Кар.

— Да хоть бы так! — Лоридан был полон энтузиазма. — Вышибалой тоже можно неплохо заработать. Только вот зачем самому работать, — замечал он после паузы. — Пусть другие работают. Нет, серьезно, Альберт, у нас все же кое-какой капиталец будет, сложимся и откроем сыскное агентство. А? Назовем «Карло», Кар — Лоридан. «Карло»? Красиво. Почти Монте-Карло. А? Най-

мем каких нибудь подонков из наших же ребят, ну которые деньги прокутили, не то что мы. Сами будем командовать. Снимем контору, будем сидеть сигарой попыхивать, клиентов принимать. — Лор размечтался. — Представляешь, приходит эдакий расстроенный толстяк: «Ах, ах, моя жена мне изменяет, помогите!» А мы ему: «Конечно, господин, только осторожней, не заденьте рогами за притолоку!» Ха-ха-ха! — заливался Лоридан.

Но его мечты наводили Кара на другие мысли.

— А ты не думаешь, что неплохо бы и жену подыскать. Пора бы. Вернемся, дом будет, с работы возвращаюсь — она встречает, в фартучке, обед на столе. Эх! А там, глядишь, наследник появится…

— Ладно, размечтался, — неожиданно зло прерывал Лор, — сначала надо вернуться, а не подохнуть в этой чертовой стране. И зачем только мы здесь торчим?

— Вот именно, зачем? — заканчивал пустые беседы Кар.

Над этим вопросом задумывались не только они и не только здесь, но и на их родине. И каждый раз, как в каком-нибудь удаленном аэропорту очередной самолет выгружал очередную партию запаянных, прикрытых национальным

флагом гробов, вопрос звучал все громче.

Но пока что они воевали. И бои становились все более затяжными, все более ожесточенными. Пока им везло — живы, целы, не ранены. А уж скольких ребят они проводили на кладбища и в госпитали! И чем меньше оставалось им воевать на этой земле, а они чувствовали, что скоро войне придет конец, тем отчаяннее им хотелось сохранить жизнь.

Они уже не только не рвались в бой, в ночной поиск, в разведку, они старались отсидеться в укрытии, в укрепленных лагерях. Они сказывались больными, ссылались на любые причины, лишь бы не идти под пули.

Вот карательные экспедиции — это пожалуйста. Они смело и самоотверженно поджигали деревни расстреливали мирных жителей, травили поля, забивали скот. Они считали себя цивилизованными людьми и искренне возмущались, когда их местные союзники в борьбе с восставшими совершали дикие жестокости. «Звери!» — негодовал Лоридан, не задумываясь о том, что только что загруженный им химикатами самолет обречет на мучительную смерть сотни людей. Теперь у них была новая цель — выжить! Не капитал накопить, а именно выжить. Иначе

на кой черт любой капитал.

В один из дней отдыха, удобно устроившись на велорикше, что катил их по вечернему городу, они озабоченно обсуждали эту проблему.

Велорикша быстро крутил педали, непонятно как избегал бредущих по улицам людей, встречных рикш, улегшихся посреди дороги собак, неподвижно застывших волов. Они проехали, не замечая, мимо проснувшихся после дневной сиесты уличных торговцев, которые, раскрыв лотки, полулежали на невысоких столах-платформах, явно не надеясь на покупателей. Правда, изредка кто-то подходил к лоткам выпить воды со льдом или сахарного напитка, который засуетившийся хозяин тут же выжимал из стеблей сахарного тростника с помощью маленьких агрегатов, похожих на швейные машинки.

Облезлые, обшарпанные дома зияли окнами без стекол и дверными проемами без дверей, сквозь них были видны колченогие столы, стулья, лежаки, почерневшая от грязи домашняя утварь, сетки против комаров.

Редкие пальмы, могучие деревья, цветы, кусты, названиями которых Кар никогда не интересовался, немного оживляли унылый городской пейзаж.

Да и зачем ему было знать названия здешних растений, городов, улиц, имена людей?.. Разве это люди? Муравьи. Что ему их судьбы, дела, заботы… Он уедет, и плевал он на то, что с ними тут будет, да и будут ли они вообще… Главное — уцелеть.

Но Лоридан заговорил о другом: тут один предлагает по дешевке всякие камушки, каких-то богов из серебра, ну, будд древних.

— Как ты думаешь, дома небось можно неплохо содрать за них с дураков всяких. А?

— Брось, — лениво отмахнулся Кар, — кому это все нужно? Да и где хранить, как везти? Могут подсунуть какое-нибудь барахло. Ты что, специалист, можешь отличить изумруд от бутылочного стекла?

— Нет, конечно, — неуверенно промямлил Лоридан, — но посоветоваться можно. Вон сержант из второй роты, он у ювелира спрашивал…

— Ерунда все это, — подвел итог Кар.

Он давно заметил, что его друг последнее время ведет какие-то таинственные переговоры с непонятными людьми, что-то покупает, прячет, куда-то ходит. Когда Кар спрашивал, Лоридан бормотал в ответ всякую ерунду и переводил разговор на другую тему. Ну и черт с ним! Банкир нашелся!

Солнце клонилось к закату. Быстро темнело, но духота не спадала. Наконец они прибыли в отель «Лотос» — одно из редких убежищ, где европейцы могли, по выражению Лора, «высунуть голову из дерьма и глотнуть свежего воздуха».

За решеткой, окружавшей отель, оставались пыльные раскаленные улицы, мешки с песком и мотки колючей проволоки вокруг немногих правительственных домов (назвать их «зданиями» язык не поворачивался). Перед террасой отеля, обвеваемой мощными вентиляторами, голубел в свете фонарей бассейн. Фонари не гасли, вентиляторы не останавливались — отель имел собственный генератор, и постоянные выключения электричества его не затрагивали.

У бассейна лежали в шезлонгах здоровенные загорелые парни и молодые женщины — сержанты и рядовые вспомогательных служб, секретарши разных боссов и гражданских шишек, слетевшихся сюда, как коршуны на падаль.

Миниатюрные красотки, завернутые по щиколотки в свои черные юбки, разносили лимонад, спиртные напитки. Звучала музыка, из бассейна слышался смех, крики.

Кар и Лоридан небрежно бросили рикше комок смятых бумажек — местные деньги давно пора

было измерять килограммами. Рикша кланялся, благодарил. Потом медленно, тяжело дыша, двинулся по улице, высматривая новых пассажиров. На его тощем, высохшем теле можно было без труда сосчитать ребра.

Кар и Лоридан, скинув одежды, бросились в бассейн. И хотя вода была очень теплой, напоминала только что снятый с плиты суп, она все же была прохладней воздуха.

Потом они лежали на облезлых, плохо надутых матрацах, пили ледяное пиво и лениво болтали с соседями.

Главной темой разговора был строго засекреченный, но всем известный приказ — готовиться к эвакуации.

Пока они тут убивали и погибали, где-то там, в кабинетах, велись переговоры, проходили конференции, на которых торговались, искали предлог, чтобы поприличнее уйти из этой страны, куда их никто не звал, куда вторглись оккупантами, где весь народ, кроме кучки продажных чиновников, был им враждебен, сражался против них с оружием в руках, требовал их ухода.

А они, оккупанты, мечтали о возвращении домой. Но все ли? Нет, конечно. Вот еще один из их роты, длинный, жилистый, как моток проволоки,

лейтенант, уже изрядно хлебнувший, а потому излишне откровенный, жаловался:

— Черт бы их побрал (это о своем высоком начальстве). Они понахватали — ордена, чины, барахлишко, монеты. Все, мерзавцы, на себя работали, на свою фирму. Повыкачали отсюда, а теперь их ждут теплые местечки. Между прочим, в бою я их что-то не видел. Им к фронту ближе ста километров приближаться категорически запрещено. А мне вот нет, дуй в пекло. И то, что мне всего ничего накопить осталось, им на это плевать! Сволочи! Знал бы, давно этими камушками занялся. Дак все мы задним умом крепки…

Он еще что-то долго бормотал плаксивым голосом.

Наконец Кар не выдержал:

— Хватит ныть! Знаю я тебя, небось уже дома две железные дороги купил. Радуйся, что цел остался. Я вот все трачу и твоим грязным бизнесом не занимаюсь. Вернусь, уж как-нибудь устроюсь, о ветеране позаботятся. — И он хитро посмотрел на своего приятеля.

Но Лор смущенно промолчал, внимательно изучая ящерицу, нелепо распластавшуюся на облезлой стене, окружавшей бассейн.

Они снова окунулись и потом долго молча

лежали, устремив взгляд в черное небо, украшенное мерцавшими крупными звездами.

Кар размышлял о том, что где-то идет настоящая жизнь, работают, учатся, любят, путешествуют, читают, коллекционируют марки, а он болтается в этом богом забытом краю, в джунглях, в болотах, в комарах, в жаре и духоте, в ненависти тех, кого здесь убивают его соотечественники и кто убивает их. Бессмысленное житье, пропащие годы, неосуществленные мечты, ушедшее здоровье…

Впрочем, здоровье пока не ушло. Кар самодовольно поиграл мощными бицепсами, напряг железные мышцы живота, погладил могучие ляжки. Ребром ладони он легко рассекал кирпич, ребята изо всей силы ударяли ему по животу бамбуковой палкой, и палка ломалась, как тростник. Тэквондо, каратэ, айкидо, джиу-джитсу — все эти вековые искусства драться и побеждать голыми руками не были для него тайной. Он был мастер в этих делах, впрочем, как и многие другие в его прославленной дивизии. Он освоил все это еще там, в лагере (спасибо инструктору, чтоб крокодилы его съели по частям!), и потом усовершенствовался здесь, в схватках с противником. Да, кое-чему он научился. Вернется, попросится в личную охрану главы государства. На худой

конец, какого-нибудь министра, ну ладно, черт с ним, вышибалой в пивную или деньги будет выколачивать для мафии из несостоятельных должников.

Он рассмеялся. Лоридан с удивлением посмотрел на него.

— Ты чего?

— Ничего, замки строю. — Кар опять рассмеялся. — Воздушные, такие грандиозные замки. Как возьмут меня на государственную службу. А если не возьмут, так гангстером стану.

— Да брось ты… — Лоридана явно раздражали фантастические планы друга. — Я вот думаю открыть ресторанчик или бар…

— Точно. — Кар продолжал смеяться. — А я к тебе пойду вышибалой! А?

— Опять ты балаганишь, — поморщился Лоридан, — я ведь серьезно. Не могу только название придумать. Ты учти, — озабоченно продолжал он, — название — половина дела. Публика клюет на название. Я уже десяток перебрал, все не то: «Попугай», «Обезьяна», «Ветеран», «Будда», «Кокос», «Под пальмами»…

— Что ты все какие-то здешние названия берешь? — Кара увлекла игра. — Есть же и другие…

— Нет, надо, чтоб экзотика была, понимаешь,

чтоб клиенты чувствовали атмосферу. Они пришли в бар, где хозяин — ветеран, прошел огонь и воду, ему все нипочем, он отчаянный малый. Понимаешь — входит человек в бар, полутьма, со стены смотрит на него тигриная голова, под потолком вентиляторы, а лопасти как пальмовые листья, на стенах лианы, чучела птиц, официантки косоглазенькие, почти голенькие! Ух!

— Нашел! — неожиданно вскричал Кар и даже вскочил на ноги, — Нашел название! Ставишь пиво?

— Если название хорошее, разрешу тебе в моем баре пить пиво бесплатно. Только не напиваться! А то какой из тебя вышибала. Ну?

Кар сделал эффектную паузу и торжественно произнес:

— «Джунгли»! «Джунгли»! А?

Некоторое время Лор молчал, переваривал услышанное. Потом вскочил, хлопнул себя по ляжкам, заорал:

— Гениально! Здорово! Молодец! Будешь и виски пить бесплатно! «Джунгли»! Это то, что надо. Одену официанток в шкуры, табуреты обтяну змеиной кожей, нет, пусть чучела змей свешиваются с потолка. Пить будут из половинок кокосовых орехов. Это, кстати, выгодно, поло-

винки-то большие, не то что рюмки, — деловито добавил он. — Молодец, Ал, просто здóрово!

Просто здóрово! Название есть, остались пустяки: выжить, вернуться домой, заиметь деньги, купить бар, приобрести клиентуру… А так порядок — название есть!

Кар участливо посмотрел на друга.

Вдруг события помчались стремглав. Лоридан провернул какую-то особенно удачную «операцию» и перевел домой солидную сумму. А тут вышел как раз приказ о возвращении на родину. Солдат начали быстро-быстро эвакуировать. По алфавиту. Кар шел раньше Лоридана, но в силу лишь господу богу известных высших соображений начальства первыми уезжали те, кто по алфавиту стояли дальше, и настал день, когда Лоридан вернулся из штаба сияющий как медная кастрюля, уже успевший где-то набраться, размахивающий официальным предписанием. Через три дня он уезжал.

— Не грусти, Ал, — он обнял Кара за плечи, — ты бы посмотрел, что там делается! Очередь! Всех так спешат отправить, словно повстанцы уже в городе. И недели не пройдет, тебя отправят. Встречу у трапа — и прямо ко мне в бар, шейкер привезу на аэродром. Ха-ха!

Кар действительно расстроился. Уезжал друг. А ему еще сидеть здесь…

Лоридан уехал, обещав прислать письмо; они долго прощались на аэродроме у гигантского зеленого, маскировочного цвета самолета, хлопали друг друга по плечам, обнимались, прикладывались к фляжке…

Кар смотрел вслед таявшему в синем небе самолету и размышлял о том, что скоро такой же самолет унесет и его в родные края. В конце концов, оставалось ждать недолго.

Эх, если б он знал!

Недаром в его стране бытует поговорка: «Если у вас все хорошо, не расстраивайтесь — это скоро пройдет».

Неожиданно на следующую ночь роту подняли по тревоге: группа партизан напала на военные склады. Сонные, недовольные, живущие уже в будущей мирной жизни, они примчались в деревню в нескольких километрах от города, где находились эти чертовы склады. Все горело. Сухие деревянные стены пылали, словно политые бензином (а может, их действительно полили). Растерявшаяся охрана, к тому же не очень, как выяснилось, трезвая, разбежалась. Партизаны прятались в окрестных рощах и пускали оттуда

мины. Огонь грохотал, мины рвались, жители деревни, боявшиеся за свои жалкие домишки, кричали. Столпотворение!

Прибывшее подкрепление открыло беспорядочную стрельбу по зарослям, увеличив сумятицу. Кар, проклиная все на свете, строчил из автомата в темноту и вдруг почувствовал сильные удары в ногу, в спину, в ягодицу, в шею. Боль была адская, и он потерял сознание.

Он пришел в себя в госпитальной палате, где было светло, прохладно от привычно жужжавшего кондиционера, где хорошенькие сестры в зеленых халатах спешили выполнить любое его желание…

Но особых желаний не было. Кроме одного: скорей уехать. Оказалось, что шальная мина, разорвавшаяся у него далеко за спиной, добросила до него несколько осколков. Осколки были на излете и серьезных ран не нанесли, но все же впились в мышцы. Пустяковые, но очень болезненные, эти раны не давали спать, жгли, и Кар ругался, стонал, капризничал и вообще вел себя как слюнтяй, сознавал это, а потому злился еще больше.

По ночам в городе слышались выстрелы, взрывы, свет то и дело гас, останавливался кон-

дицонер, жара наваливалась невыносимая, услужливые сестры куда-то исчезали, раны начинали жечь огнем, словом, жизнь становилась не мила.

И вот однажды под вечер во двор с ревом въехали крытые брезентом грузовики, раненых без особой нежности погрузили в них и отвезли на аэродром. Наконец-то! Наконец-то домой, Кар готов был стерпеть все на свете, лишь бы скорей покинуть этот чертов край, которому причинил столько зла и на который был так зол. Впрочем, логически мыслить он сейчас не мог. А мог бы. Все равно, по его и его товарищей логике, виноваты во всем были эти проклятые красные, которые почему-то не хотели понять, что когда их пытают, убивают, насилуют их женщин и сжигают их деревушки — это делается во имя их же блага. И что вообще Кар и его соотечественники всегда и во всем правы. Ну да ладно, главное — он летит домой!

Оказалось, шиш! Не домой его везли, а на какой-то островок, тоже чужой, но где пока что имелась военная база, над которой развевался флаг его родины.

На голом, унылом плато, за колючей проволокой и рвами стояли бараки. Здесь долечивали

вывезенных с материка раненых.

Ерундовые ранения, а провалялся он с ними еще два месяца. Особенно угнетало Кара то, что шрамы у него останутся на спине, на икрах, на ягодицах. Подумают еще, что он убегал, мол, улепетывал со всех ног, а его сзади достали.

Пришел день, когда угрюмый пожилой военный врач, осмотрев его, долго писал что-то, ставил печать и наконец сказал:

— Все, парень, считай здоров. Топай домой и постарайся не снимать штаны на людях, а то еще подумают, что ты не из храбрых.

Тогда-то и настиг Кара новый удар. Комендант госпиталя посмотрел справку, выданную врачом, и сказал:

— Поздравляю с выздоровлением. А вот с отъездом придется подождать. У нас тут народу не хватает. Охраны. Так что ненадолго выздоровевших задерживаем. Ты не бойся, ненадолго. Очередной выздоровеет и на твое место, а ты домой.

Он внимательно и сочувственно выслушал бурные протесты Кара и, когда тот выдохся, сказал:

— Все? Больше ничего? Ну и прекрасно. Ты еще тихий, вежливый, другие не то кричит. А теперь иди служи. Оружие получишь в шестом бараке.

И не стесняйся, как захочется ругаться, приходи… я привык. А то что-то скучновато.

Кар поплелся в шестой барак, получил автомат и стал «служить».

Служба была легкой. Раз в два дня он заступал на пост. Шел к складу, к штабу, в порт, садился в тенек и, отложив автомат, сладко спал. Остальное время бездельничал.

И в этой дыре он проболтался еще без малого полгода.

Но постепенно поток раненых иссяк. Выздоровевших отправляли домой, и пришел день, когда, как всегда, в жуткой спешке весь госпиталь да и вообще всю эту временную базу стали эвакуировать.

Кто-то грузился на серые длинные военные корабли, которые, покачавшись у пирсов, уходили в море и исчезали за горизонтом.

Кто-то грузился на вертолеты и после пересадки на другом большом острове улетал на транспортных самолетах.

Кару постепенно все стало безразлично. Ну завтра улетит, ну через неделю — какая разница…

Он знал все — газеты приходили, радио работало, — знал, что дурацкая война, да какая война, какой-то нелепый, никому не нужный

карательный поход закончился, непрошеным гостям пришлось убраться. И ему в том числе.

Первые восторги дома — вернулись герои — прошли, и все эти отучившиеся работать, но научившиеся безобразничать вояки всех раздражали. Количество «рабочих мест», как изящно выражались газеты, сокращалось, безработных и так хватало.

Словом, ждать теперь на родине восторженного приема не приходилось. Хорошо, если Лоридан окажется верным другом, тогда на первых порах он найдет у него пристанище. А у кого ж еще? Родителей, жены и детей у Кара не было. Жаль, а может, как раз наоборот, хорошо. К благополучному брату он ни за что не поедет — тот и написал-то ему раз-два за все время.

Немного тревожило, что от Лоридана нет вестей. Кар писал ему, послал телеграмму, но ответа так и не получил. А ведь прошел уже без малого год…

Вертолет, поболтавшись часа два над морем, опустился на полевой аэродром большого голого острова. Им выдали сухой паек, напоили водой и загнали в гигантский транспортный самолет, выкрашенный во все оттенки зеленого цвета.

Кар покрутился, стараясь поудобнее усесться в

наспех установленном кресле, застегнул ремни и почти мгновенно заснул.

Так он и спал всю дорогу, спал и видел сны…

Глава II
ВСТРЕЧА

Кар спал и не видел под крылом самолета синие и изумрудные заливы, не видел безбрежную океанскую ширь и безбрежную ширь Аравийских пустынь, ослепительно белые города и слившиеся с землей бурые поселки.

Не видел волшебных красок восхода, когда небо начинает светлеть, золотиться, желтеть, розоветь, потом кроваво-красные полосы расходятся по горизонту и сначала медленно и неуверенно, а потом настойчиво и требовательно пунцовое от натуги солнце выталкивается из-за дальних пределов, рвется в вышину и наконец заливает все вокруг золотым светом. И ночи он не видел, и заката, и черного звездного неба… Самолет летел долго, а он все спал, просыпался, снова окунался в дрему.

Порой его расталкивали на обед (или завтрак то был, а может, ужин, он потерял ощущение времени). Но и ел он с закрытыми глазами.

Сквозь сон слышались песни, громкий смех, шум, крики. Многие из ребят не только ели, но и пили, и не только лимонад…

Путь их закончился рано утром.

Самолет опустился на бетонную полосу какой-то военной базы, долго катил по рулежной дорожке и наконец, качнувшись, остановился в дальнем конце аэродрома. Люди зашевелились, собирая пожитки, надевая снятые на ночь ботинки. Выходили сонные, протирая опухшие от вчерашней пьянки глаза, спускались по трапу. Было свежо, дул легкий, напоенный ароматом далеких, невидимых гор ветерок, доносился колокольный звон — наступило воскресенье, — лай собак, шелест грузовиков с близкого шоссе.

Огляделись, взяли огромные зеленые мешки, заменявшие им чемоданы, и двинулись к автобусам. Автобусы, тоже зеленые, армейские, долго везли их и наконец доставили к длинному одноэтажному зданию.

Тут начались бесконечные, как им казалось, формальности: сдача одних документов, выдача других, заполнение каких-то бумаг.

— Куда билет нужен? — спросил Кара ошалевший от всей этой ранней суеты сержант.

— Какой билет? — не понял Кар.

— Ты что, думаешь, тебе здесь «мерседес» подадут? — разворчался сержант. — Небось все миллионерами там стали, разбаловались! В

какой город поедешь? Куда железнодорожный билет выписывать? Или господин генерал предпочитает самолет? Тогда плати разницу.

В какой город? Действительно, в какой? Кар был озадачен. В конце концов он назвал торопившему его сержанту тот город, в котором, по его предположениям, заимел свой бар Лоридан. Большой приморский город, кстати, не столь уж далеко расположенный от этой авиабазы.

Сержант бросил ему какую-то бумажку, заставил расписаться в толстой книге, не преминув заметить, что пишет «господин генерал» как курица лапой.

Кар забрал бумажку, поднял свой мешок и двинулся к автобусу, чтобы ехать на вокзал.

Торжественная встреча, о которой столько болтали офицеры перед их отправкой домой, не состоялась. Ни знамен, ни оркестров, ни ковровых дорожек. Только ворчанье сержантов, вонючий автобус да железнодорожный билет в третий класс.

На вокзале многие прощались друг с другом, все разъезжались в разные края на разных поездах.

Кар сел в пустой вагон — еще бы, семь утра воскресного дня — и через два часа прибыл в выбранный им город. Всю дорогу он смотрел в

окно. Слева шел берег — пустынные пляжи, заставленные полосатыми кабинками, барами под соломенными крышами, бассейны, вырытые в двух-трех десятках метров от берега, с вышками и искусственными волнами для тех, кто боялся настоящих волн. Вдоль пляжей, параллельно железной дороге, бежало шоссе. Справа из окна были видны огромные отели, рестораны, лавки и лавчонки, словом, обычная для курортных мест архитектура. Изредка городишки и поселки перемежались высокими сосновыми рощами или уходящими к горизонту фруктовыми садами.

Наконец поезд остановился, и Кар торопливо выбрался из вагона — стоянка одна минута.

Он прошел через прохладный зал вокзального здания, вышел на площадь и огляделся.

Куда идти?

Город, в который он приехал и в котором бывал лишь однажды и очень давно, был и курортный, и промышленный, и портовый, нечастое сочетание.

Он напоминал слоеный пирог. Центральную его часть занимали жилые кварталы. Здесь все шло вперемежку — были целые улицы двухтрехэтажных намертво приклеенных друг к другу домов; были скопления новостроек — пя-

ти-шестиэтажек; были улицы дорогих красивых особняков; скопления небоскребов — банков, отелей, страховых обществ, судовладельческих компаний, всевозможных контор; были в городе и величественные площади с памятниками посредине; захламленные пыльные кварталы бедноты; бульвары, парки, свалки и пустыри. Как в любом большом городе.

Словно набор больших и малых конфет, по всей его территории были рассыпаны магазины, универсамы, рестораны, бары, кафе, кинотеатры, казино, кабаре с их яркими кричащими вывесками, рекламами и днем горевшими иллюминированными фасадами.

Это было, так сказать, ядро города. За этим слоем ближе к горной цепи, у подножия которой он раскинулся, размещался следующий слой — промышленный — скопище заводов, фабрик, мастерских, складов, гигантские газовые резервуары, нефтехранилища, теплоцентраль… Над всем этим шумным, пыхтящим, свистящим, стучащим муравейником висел густой ржавый смог, уходили к небу столбы фабричного дыма, расплывались плотные белые облака пара.

Наконец, от моря центр города отделял порт. Тут бесконечной лентой вытянулись пакгаузы,

в море врезались десятки причалов, словно гигантские комары застыли подъемные краны, беспрерывный поток грузовиков, автокаров, мототележек бороздил асфальтовую набережную, а облезлые огромные сухогрузы, прижавшиеся к причалам, заглатывали в свои трюмы контейнеры, машины, мешки, ссыпали зерно, заливали горючее…

Вокруг города, и слева, и справа, и сзади, карабкаясь в горы, шла курортная зона. Здесь, вдалеке от шумного жаркого центра, от порта, от заводов, в тишине, на легком свежем ветру покоились роскошные виллы и виллы поскромней, высились белоснежные отели, в глубине густых парков стояли дворцы, золотились частные и общественные пляжи, голубели бассейны.

Здесь раздавалось только пение птиц, приглушенная музыка, щелчки ракеток по мячам, мягкий шелест дорогих машин, крадущихся по широким тенистым пустынным улицам.

Еще дальше от города раскинулись эдакие городки-спутники, дортуары, как их называли. Их молниеносно возводили предприимчивые дельцы: пятьдесят-сто домов, все коммуникации, свои ресторан, магазин, школа, церковь, своя частная служба охраны и антенна, принимающая

полсотни телепередач из трех десятков стран. И все окружено оградой.

Таким вот был этот город с почти миллионным населением. Он гордился своим портом, своими пляжами и своим знаменитым на весь мир Университетом, в котором училось более сорока тысяч студентов из многих десятков стран.

Университет находился в южной части города и имел собственный стадион, теннисные и баскетбольные площадки, спортзалы, бассейны и одну из лучших футбольных команд страны, не раз занимавшую второе или третье место в национальном первенстве, а однажды, о чем все помнили, ставшую чемпионом.

Университет был достопримечательностью города. И название города многие в стране знали лишь по названию Университета.

Хотя порт был одним из крупнейших в стране, а продукция некоторых заводов, особенно военных, рекламировалась вовсю, да и дивные пляжи привлекали туристов со всех концов света, все же главной гордостью города был Университет.

Вот в этот город и прибыл, чтобы начать новую жизнь, Альберт Кар, демобилизованный солдат, прошедший огонь, и воду, и медные трубы, знавший множество способов убивать без оружия,

без промаха попадавший в монетку с пятидесяти метров, умевший выбить любые признания из любого виновного или невиновного, неважно, но больше не умевший ничего.

Главные свои надежды он возлагал на Лорида-на, но где он, его дружок, и достиг ли, чего хотел?

Нет, на друга надейся, а сам не плошай.

Между прочим, и он, Кар, тоже не нищий. Хоть он и не занимался там, в этой мясорубке, сколачиванием капитала, но кое-что все же скопил, да еще добавили при увольнении. Он может зайти сейчас в банк и получить наличность. Кстати, не мешает это сделать. Негоже начинать новую жизнь (а желательно жизнь вообще) с пустым карманом.

Кар перешел дорогу и вошел в Городской банк, открытый в воскресенье. Проникнуть в неге было не так-то просто. Надо было нажать звонок у двери, войти в кабину из пуленепробиваемого стекла, из которой в помещение собственно банка вела еще одна стеклянная дверь. Охранник с огромным пистолетом у пояса, стоявший за этой дверью, подозрительно оглядел Кара и, в конце концов, нехотя открыл дверь.

«Ну и ну, — подумал Кар, — в мое время таких предосторожностей не было». Он подошел к ба-

рьеру, за которым что-то деловито подсчитывали, писали, подшивали клерки, заполнил разные формуляры и направился к кассе. Кассир тоже сидел в будке из непробиваемого стекла и общался с клиентами с помощью маленького вращающегося блюдца, вделанного в стекло — клиент клал на него бумаги, кассир поворачивал блюдце к себе, клал на него деньги и снова поворачивал к клиенту. Таким образом, он все время был отделен своим непробиваемым стеклом. Кар заметил, что блюдце имеет резиновые края и плотно прилегает к пазам, в которых вращается. Зачем?

— Зачем? — спросил он кассира.

Тот настороженно посмотрел на Кара и, сообразив, что перед ним дремучий провинциал, усмехнувшись, ответил:

— Это чтоб ты в щель не подпустил, например, парализующего газа. Понял?

Кар ошарашенно уставился на кассира. Потом огляделся. Он увидел скрытые телекамеры, бойницы в стенах, за которыми притаились, наверное, снайперы, еще одного охранника, спрятавшегося за колонной… Ничего себе!

Все это время не спускавший с Кара внимательного взгляда охранник у двери успокоился — Кар получил свои деньги, значит, нормальный

клиент.

Когда Кар дошел до выхода, он спросил:

— Слушай, парень, много ты здесь получаешь?

— А что? — спросил охранник. — Хочешь знать, сколько моей вдове пенсию будут платить, когда меня ухлопают?

— Да здесь ухлопаешь! — усмехнулся Кар. — Тут и с танком не ограбишь.

— Эх ты, небось оттуда прибыл, я же по мешку вижу. — Охранник вздохнул. — Ничего, привыкнешь, тогда поймешь, что у нас побольше на тот свет отправляют честного народа, чем вас там.

— Ну-ну, — неопределенно пробормотал Кар и покинул банк.

Ему казалось, что у охранника замечательное местечко — тепло, тихо, такая оборона, что бояться нечего. Красота, сиди себе весь день, дверь открывай, уж платят тут небось побольше, чем вышибале в баре, а риска никакого. Врет он все, этот охранник, за место держится!

Правда, вдова Кара пенсии получать не будет. Потому что во вдову может превратиться только жена, а жены у него нет. Пока…

Кар зашел в будку телефона-автомата, открыл невероятной толщины справочник, прикованный к стенке цепью, и стал листать раздел баров

и ресторанов. Вдруг увидит «Джунгли»? Не нашел. Тогда, подойдя к вывешенному около туристического бюро плану города, начал размышлять, где может жить Лоридан, в свое время случайно назвавший ему какую-то улицу.

Наконец он бросил это пустое занятие и, снова зайдя в телефонную будку и опустив монетку, набрал номер справочной. Все оказалось очень просто: господин Лоридан жил в доме №19 в одном из дортуаров — городов-спутников.

Кар вернулся на вокзал, зашел в бюро компании «Герц» и взял напрокат недорогую машину.

Он медленно катил по улицам города. Курортный сезон еще не начался, и бездельников было мало — констатировал Кар. В основном то были обычные прохожие, спешившие по каким-то своим делам, не очень богато одетые, не очень молодые. Лишь изредка попадались стайки студентов, все больше девушки, в джинсах, свитерах, кедах. Многие с сигаретами в зубах, порядком растрепанные. Они кричали, смеялись, что-то оживленно обсуждали… Порой с ними шли долговязые парни. Кар миновал центр с его густыми бульварами и широкой центральной площадью. Теперь он ехал окраинными улицами в районе новостроек, где стояли похожие как близнецы

шестиэтажные дома. Все балконы были увешаны сушившимся бельем, крыши напоминали бамбуковые заросли — столько там теснилось телевизионных антенн. Зелени не было совсем, между домами пролегали пыльные пустыри, кое-где висели качели, стояли машины, детские коляски, мотоциклы и велосипеды, множество маленьких ребятишек, галдя, носились по пустырю, гоняли мяч, визжали, что-то строили из консервных банок, ревели, дрались, играли… Немногие женщины, больше старухи, усиленно жестикулируя, громко разговаривали, кричали на детей, перекрикивались из дома в дом. Иногда из подъезда торопливо выходил мужчина, дожевывая на ходу, забирался в свою подержанную машину и запускал мотор или шагал к остановке автобуса. Брели какие-то старички с сумками. И повсюду носилось множество собак и кошек, по-видимому вполне уживавшихся друг с другом.

Еще километров семь-восемь Кар проехал по великолепному, бежавшему вдоль моря шоссе. Пляжи были пустынны, в кафешках и ресторанчиках, что тянулись вдоль шоссе, посетителей тоже было немного. Свежий ветерок залетал в открытое окно машины, из приемника лилась тихая музыка…

Кар почувствовал, как он выражался, благолепие (что случалось с ним все реже и реже). Вот он на родине, угроза смерти и ран осталась позади. В бумажнике похрустывают купюры, в банке кое-что еще лежит. Красивый город, хороший, большой. Он едет к другу, который уж как-нибудь позаботится о нем. Сейчас они выпьют по стаканчику, вспомнят старые общие дела, веселые и печальные дни. А потом съездят в бар Лоридана (и чего он прицепился к этому бару?), еще хлебнут немного, а со следующей недели он приступит к работе — надо же хоть два-три дня отдохнуть! Да, вот такую бы работенку, как тот охранник в банке.

Наконец он подъехал к распахнутым воротам частного поселка, носившего помпезное название Солнечный. У въезда возвышалась двухэтажная кирпичная будка, где сидели частные охранники в коричневых куртках и бежевых брюках, с эмблемой поселка на рукаве и пистолетом у пояса. Возле будки стояла тоже коричнево-бежевая машина с такой же эмблемой на дверце и синим фонарем на крыше. Патруль. С утра до вечера несколько таких машин колесили по улицам Солнечного, бдительно следя за порядком.

Видимо, ни машина Кара, ни он сам не вну-

шили охране тревоги, потому что никто его не остановил. Машина покатила дальше, тяжело перевалившись через перегораживавшие дорогу врытые в асфальт сверкающие бамбушки, похожие на шляпки огромных винтов, которые остряки прозвали «мертвый полицейский».

Некоторое время Кар рыскал по дортуару, разыскивая дом №19.

По обеим сторонам улиц стояли совершенно одинаковые двухэтажные дома розового, коричневого, бурого цвета, перед каждым — безупречно подстриженный газон, позади угадывался небольшой садик. Над подъездом — балкон, сбоку железные воротца в подземный гараж, возле дорожки из широких плит, ведущих к дому, несколько кустов ярких синих, желтых, красных цветов.

Кар остановил машину, выключил мотор и несколько минут сидел неподвижно, разглядывая дом. Он слегка волновался.

Окна дома были зашторены, точнее, затянуты тюлевыми занавесками, никаких признаков жизни — ни жильцов, ни собак, ни кошек.

Он вылез из машины, подошел к подъезду и позвонил. Никто не отозвался, позвонил снова. Тот же результат. Подождав немного, он решил

обойти дом.

Садик оказался еще меньше, чем он думал. Три-четыре дерева, несколько кустов, отделявших участок от такого же, выходившего на другую улицу. Под деревьями летняя мебель: стол, стулья, шезлонг. А в шезлонге дремала молодая женщина. На ней был зеленый купальный костюм и огромная соломенная шляпа. Она, видимо, почувствовала постороннее присутствие и открыла глаза.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

Потом женщина вскочила — в глазах ее плеснулся страх.

— Кто вы? — голос у нее срывался. — Что вы делаете в моем доме?

— Успокойтесь, — Кар улыбнулся. — Я не грабитель, во всяком случае, пока. Я ищу своего фронтового друга Лоридана. Мне дали этот адрес. Я звонил в дверь, вы не слышали.

Женщина облегченно вздохнула и тоже улыбнулась.

— Господи, как вы меня напугали! — Она покачала головой. — Знаете, сейчас такие времена… Месяц назад у нас в поселке убили человека, ограбили дом. Да что ж мы стоим! Идемте. — Она

бросила взгляд на часы. — Лор скоро приедет обедать. — Она снова улыбнулась.

Кар внимательно разглядывал женщину. Она не отличалась особенной красотой, в ее лице была какая-то не женская твердость, даже жестокость, которую не могла стереть приветливая улыбка. Красивая фигура, но впечатление портила слишком мощная мускулатура. Сколько ей лет? Под тридцать, прикинул Кар. Не удержавшись, он спросил:

— Вы, наверное, занимались кэтчем или дзюдо?

Женщина рассмеялась:

— Заметно? Вижу, у вас глаз наметанный. Я действительно одно время участвовала в матчах по кэтчу. Но вовремя остановилась — видите, все зубы и волосы целы. — Она улыбнулась еще шире, обнажив ряд таких ослепительно белых зубов, что Кар грешным делом подумал, не фарфоровые ли они. Женщина сняла свою огромную шляпу, и густые черные волосы рассыпались по плечам.

— Идемте, — сказала она и повела Кара в дом. Не оборачиваясь, она представилась: — Меня зовут Элизабет, Бет для друзей. Я жена Лора.

Жена? Быстро же его друг завел семью, хотя почему быстро, уже больше года прошло, как Лор

демобилизовался. И тут Кар почему-то вспомнил ее первые слова: «…в моем доме…» В ее доме. Может, она очень богата, и Лор погнался за этим? А ведь и он не беден. Странно. Но в конце концов, какое ему, Кару, дело? Мысль о том, что его друг мог жениться по любви, даже не пришла ему в голову.

— А меня зовут Альберт Кар, — объяснял он ее затылку. — Мы вместе с Лором воевали, в одном взводе (черт, как трудно говорить с человеком, который обращен к тебе спиной!). Потом он уехал, а меня ранило, и я там задержался в госпитале, а потом…

Он замолчал, злясь на себя — ну к чему он тут рассказывает все эти, наверняка совершенно неинтересные ей, подробности своей совершенно неинтересной ей жизни?

Они вошли в дом, в прохладную гостиную, Элизабет подошла к бару, открыла.

— Пейте, что хотите, я пойду оденусь.

Она скрылась за дверью, а Кар налил себе какого-то ликера — среди всех этих бутылок он ничего подходящего не нашел — и сел в кресло.

Как-то все глупо получается. Только что приехал, даже не побрился (неудивительно, что она приняла его за грабителя), у него нет дома, и этот

нелепый зеленый мешок — все его имущество. Какая-то полуголая женщина в «своем доме», «хозяйка» его лучшего, да, пожалуй, и единственного друга…

Элизабет оделась очень быстро (прямо как пожарный, подумал Кар). На ней была легкая, без рукавов, зеленая блузка, обнажавшая ее мускулистые руки, и зеленые обтягивающие вельветовые брюки. Все зеленое! Ах, вот в чем дело — у нее были густо-зеленые, как определил Кар, глаза. Кошачьи. Они-то и придавали ее лицу выражение жестокости.

Впрочем, сейчас она улыбалась и, словно угадав недавние мысли Кара, предложила:

— Слушайте, вы небось с дороги. Подите-ка примите душ, побрейтесь, я пока накрою на стол.

Кар с благодарностью принял приглашение.

Но только он забрался под душ, обливаясь то горячей, то холодной водой, как за дверью раздался шум, крик, и в ванную комнату влетел Лоридан. Не обращая внимания на хлеставшие из душа ледяные струи, он бросился к Кару, зажал его в объятиях, громко крича:

— Ах, черт, старый черт! Наконец-то ты здесь! Почему не отвечал на письма? Как нашел? Где ты теперь работаешь? Когда приехал? Черт! Вот

черт!

Кар задыхался от объятий, от воды, от холода, он безуспешно пытался вставить слово. Наконец не выдержал и выскочил из ванны, отряхиваясь, весь мокрый и замерзший. А Лоридан в намокшем элегантном костюме продолжал орать, хлопать Кара по плечам и раскатисто хохотать.

Он был рад, искренне рад, и Кар растрогался, к горлу подкатил комок, он тоже хохотал, стараясь скрыть волнение, тоже хлопал друга по плечам.

Наконец вся эта нелепая сцена закончилась.

Властный голос Элизабет донесся из кухни:

— Вы еще долго? Все остынет. Марш за стол!

Лоридан обрядил Кара в один из своих халатов. Халат оказался маловат, не запахивался на груди, и могучие руки Кара торчали из рукавов чуть не до локтей. Он немного стеснялся оценивающих взглядов, которые бросала на него Элизабет.

Уселись за стол. У Кара разыгрался аппетит, но он мог не волноваться: Элизабет, в отличие от большинства хозяек, не приговаривала, что салат она пересолила, мясо недожарила, картофель недоварила, ожидая, разумеется, бурных протестов. Но и не угощала какими-нибудь изысканными деликатесами. На столе возникли гигантские бифштексы, горы овощей, все было

просто, но в таком количестве, словно не один Кар прибыл в этот дом, а весь их взвод.

Болтали обо всем и ни о чем, тщательно избегая военных воспоминаний. Это было их сокровенное, и никто, в том числе и жена Лоридана, не смел в этом участвовать.

Но что удивило Кара, так это стремление Лоридана избегать разговоров и о том, как протекала его жизнь после возвращения, как они встретились с будущей женой, как поженились, даже о том, чем он занимается теперь.

— Еще обо всем поболтаем, и о работе, и о тебе, и о том, как здесь живем. Времени-то впереди пропасть, — отвечал Лоридан на все вопросы друга.

Поэтому разговор вертелся вокруг каких-то пустяковых дел, цены, например, на бензин, обсуждали, куда поехать отдохнуть, где снять Кару квартиру, где купить одежду, в каком банке хранить деньги… Когда обед закончился, Элизабет сказала:

— Ты бы позвонил в агентство, Лор. Скажи, что сегодня на работу не придешь, мол, бабушка приехала. Идите в сад, я вам туда кофе принесу, у вас есть о чем поговорить, а я тут разберусь с посудой и съезжу в колледж ненадолго.

— Давай, давай, — усмехнулся Лоридан, — смот-

ри, чтоб рука не отсохла. Мы тебя дождемся.

«Почему у нее должна отсохнуть рука? Может, преподает в колледже гимнастику? — недоумевал Кар. — И что это за агентство, куда хочешь — ходишь на работу, не хочешь — не ходишь?»

Но удивление его достигло предела, когда он услышал телефонный разговор Лоридана с таинственным «агентством».

— Вот что, детка (видимо, секретарша), скажи шефу, что я сегодня в нашу контору не пойду, а поеду в морг, посмотрю, как эти ребята его отделали, можно ли хоть физиономию разглядеть. А завтра утром буду в девять, как всегда. Привет.

«Интересно. — Кар был заинтригован до последней степени. — Вот так прямо при мне сообщает, что на работу сегодня не пойдет? И при чем тут морг?»

Все время он задавал вопросы себе, но не Лоридану. Наступит время, Лор расскажет. Время это наступило очень скоро, не успели они удобно разлечься под деревом в шезлонгах возле низкого столика, уставленного десятком бутылок, как Лоридан сказал:

— Так вот, Ал, я работаю в сыскном агентстве «Око». Слыхал о таком?

Кар, как и все в его стране, разумеется, знал о

существовании сыскных агентств, их деятельности, читал кучи детективных романов о частных сыщиках, об агентстве «Пинкертон» и тому подобном, но сам со всем этим не сталкивался.

— «Око»? — переспросил он. — Нет, что-то не слышал.

— Это потому, что оно новое. Сравнительно новое, — поправился Лоридан. — Но сейчас одно из самых больших. Мы имеем филиалы по всей стране, и у нас вот в городе тоже, даже за границей. Будь здоров предприятие. Оборот почище, чем в какой-нибудь нефтяной компании.

— Интересно, — неопределенно пробормотал Кар. Пусть Лоридан сам рассказывает.

И Лоридан начал свой рассказ.

Путь домой был тот же, что у Кара. Огромный самолет с немногими стоянками перенес его на родину, где у него тоже близких родственников не было. Лоридан потолкался по разным городам и поселкам и в конце концов осел здесь, в этом городе, о котором еще «там» толковал Кару. Ему сказали, что на побережье рестораны, бары, кафе растут как грибы. Их не хватает, и, если есть деньги, можно неплохо устроиться.

— Ерунда, оказалось! — Лоридан криво усмехнулся. — Ресторанов-то и баров действительно

много, но ребят с деньгой, оказывается, больше, в том числе и наших. Словом, потыкался я туда-сюда, деньги идут. Вот тогда меня один умник надоумил: «Открыл бы ты сыскное агентство. Парень здоровый, воевал. Тут большого ума не надо. А я помогу. Хоть и старый, а следственного опыта у меня хватает. Тридцать лет в полиции проработал».

Дальше следовал довольно грустный рассказ о том, как Лоридан пытался превратиться в Шерлока Холмса. Сначала все шло вроде бы хорошо — он проявил явные способности в слежке за неверными супругами, взбунтовавшимися дочерьми, пристрастившимися наркотикам сыновьями, скрывавшимися должниками, даже потерявшимися особо ценными собаками. Но однажды его пригласили в местный филиал — один из крупнейших в стране — сыскного агентства «Око». Состоялся странный разговор.

— Понимаешь, — повествовал Лоридан, — сидит такой симпатичный господинчик и беседует со мной так, будто я действительно Шерлок Холмс. И энергичный-то я, и умный, и талантливый, а главное, зачем мне в одиночку заниматься всеми этими хлопотными делами? Преступники народ опасный. Иногда помощь нужна, всякая

информация, техника. Вот у них в агентстве все это есть. Шел бы я к ним работать, и жалованье хорошее, и премии, и страховка всяческая, и работы меньше. Уговаривал он меня, уговаривал, а я, болван, не соглашаюсь — чего мне на кого-то работать? Лучше на себя. «Ну как знаете…» Поцокал языком, посмотрел на меня эдак сочувственно, вежливо до двери проводил.

И с тех пор у Лоридана дела пошли хуже — тот господин принес ему несчастье, Лоридан был суеверен, как все ветераны, и понял: его преследует злой рок, недаром у господинчика на одном глазу была катаракта. Ох, не к добру!

То выслеживаемые им мужья и сыновья откуда-то узнавали об этом, то кто-то предупреждал его клиентов, что Лоридан человек ненадежный — может и нашим и вашим, то преследуемые им должники устраивали на него засаду так, что он еле уносил ноги…

— Короче, как я ни глуп был, — с горечью усмехнулся Лоридан, — но, в конце концов, понял, что рэкетом занимаются не только преступники. Очень уважаемые бизнесмены тоже. Они не любят конкурентов и, если могут, быстренько с ними расправляются, особенно с такой мелюзгой, как я. Видишь ли, Ал, — продолжал философствовать

Лоридан, наливая себе очередной бокал, — что такое вообще бизнес? Ты никогда не задумывался? Так вот, я тебе скажу, бизнес — это та же война! Да, да. Просто там не взрывают, не стреляют, не убивают, хотя и это, заметь, бывает. Но там тоже уничтожают врага и, между прочим, оружие особенно не выбирают. Главное, выиграть рынок, отхватить заказ, установить монополию. Ну сам посуди, огромное агентство, все обращаются к его услугам, а тут какие-то частники путаются под ногами, да еще, бывает, находят кого-нибудь, кого агентство разыскать не сумело. Плохая реклама.

И у Лоридана хватило ума понять безнадежность борьбы. Надо было или уезжать в провинцию, или искать другое дело.

Он выбрал второе. Решил открыть школу дзюдо.

Вот тогда-то он и познакомился со своей будущей женой. Элизабет была женщиной энергичной и предприимчивой. Она несколько лет участвовала в матчах кэтча, зверской борьбе, где на потеху публике молодые красивые женщины бьют друг друга, таскают за волосы, ломают друг другу руки, ноги. И хотя все это сплошная липа, и после «сокрушительного» удара жертва тут же вскакивает и сама наносит такой же «сокруши-

тельный» фальшивый удар, но все же травмы, вывихи, уж не говоря о синяках и ушибах, здесь дело обычное.

Элизабет преуспела в кэтче, сумела накопить хороший капиталец, вовремя бросила борьбу и открыла школу дзюдо. Она приумножила свой капитал, но, ввиду конкуренции со стороны понаехавших откуда-то японских инструкторов, работать стало трудней, тогда она решила продать кому-нибудь школу. И как раз подвернулся Лоридан. Элизабет обрадовалась — этому не очень-то разбирающемуся в деловых вопросах парню она быстренько «толкнет» свое начинавшее приходить в упадок заведение. Пусть потом сам выкручивается. Но вмешались совершенно неожиданные обстоятельства — любовь! Ну, не совсем, наверное, любовь. Лоридан был парень легкомысленный, привыкший к быстрым и легким победам, менявший женщин с такой быстротой, что даже Кар удивлялся. Да и уровень увлечений Лоридана был невысокий. И вдруг интересная, умная, властная женщина, к тому же (о чем он не догадывался) поставившая себе целью сделать из него мужа.

Что касается Элизабет, то она все рассчитала, как на компьютере (много позже, смеясь, она

откровенно рассказала об этом своему новоиспеченному супругу, слегка шокированному таким цинизмом, но быстро утешившемуся). Лоридан был видным, интересным, неглупым, но и не настолько умным парнем, чтобы она не могла поймать его в свои сети. По ее мнению, Лор устал от бесконечных донжуанских похождений и, следовательно, их браку ничто не может помешать. К тому же он был увлечен ею, влюблен (тут она ошибалась лишь отчасти). Словом, надежный человек. А главное (но в этом она себе не признавалась), Элизабет сама была увлечена.

Сделка с продажей обанкротившейся школы не состоялась, зато сыграли свадьбу. Лоридан переехал в этот, принадлежащий Элизабет дом. Нашел хорошую работу. Элизабет тоже. И зажили они спокойной жизнью. Пусть и с не очень большими радостями, зато и без больших огорчений. Надежной жизнью без опасений за завтрашний день, чем в их стране могли похвастаться немногие.

— Все это прекрасно, — сказал Кар, — но главное, ты мне все-таки не рассказал — кем работаешь? Ну погорел ты со своим детективным предприятием, со школой дзюдо а теперь? Чем вы живете? Неплохо, судя по всему, живете.

— Это особый рассказ, — Лоридан хитро улыбнулся. — Я приберег его на конец, тем более и тебя касается…

— И меня? — удивился Кар.

— И тебя, и тебя. Да не торопи ты меня. — Лоридан налил себе бокал. («Чего-то много он наливает», — подумал Кар.) — Я тебе сейчас подробно расскажу, что было дальше. После свадьбы. Это, брат, целая эпопея. Но веселая. Точнее, счастливая. Для меня. Продали мы теперь уже мы эту школу. За хорошие деньги, между прочим. Скажу тебе прямо, Альберт, жена у меня — голова. По части бизнеса ей директором банка быть. Ух, голова! Сумела-таки объегорить какого-то япошку. Они теперь монополисты по этой части. А народ, сам понимаешь, чего он ко мне пойдет, когда есть японский учитель! Учитель! Японец, дзюдо он же знает наверняка лучше меня, дураки рассуждают. И потом, эти япошки умеют навести тень на плетень — всякие таинства, разные церемонии, да и обещают горы: и неуязвимым станешь, и могучим, и то, и сё. Пояс присваивают, даны. Ну, ладно, продали школу. Деньги есть, но работать-то все равно надо. И вот однажды раздается звонок: «Господин Лоридан? Не найдется ли у вас времени заглянуть к нам?» Как ты думаешь,

кто? Ни за что не догадаешься! Тот господинчик из «Ока». Ну и ну! Что ж, терять мне нечего. Иду.

Когда Лоридан явился в «Око», его любезно встретили, провели к «господинчику». Состоялся разговор.

— Господин Лоридан, — «господинчик» был весь любезность, — во-первых, разрешите поздравить вас с браком. Ваша жена, как мы слышали, очаровательная и уважаемая женщина. Мы знаем, что она была такой замечательной кэтчисткой (следовал перечень всех побед Элизабет), а позже так умело руководила школой дзюдо, которую теперь так удачно продала (следовали мельчайшие подробности деловой жизни Элизабет. Все это, разумеется, чтобы показать замечательную осведомленность о жизни Лоридана). Во-вторых, дорогой друг, хочу вам выразить искреннее сочувствие в связи с неудачами в вашей детективной работе, о которых мы случайно узнали. (Ну не наглость!) Но согласитесь, я вас предупреждал. В наше время только мощная организация, вроде «Ока», в состоянии выдержать все трудности, связанные с сыскной деятельностью. Одиночкам это не под силу. Ваш печальный опыт тому доказательство. — «Господинчик» вздохнул и помолчал. — Но может быть, теперь,

— продолжил он после паузы, — вы снова подумаете о нашем предложении? Ваши неудачи были объективны, они отнюдь не умаляют ваших способностей, которые мы высоко ценим. Кое-какие дела нам случайно стали известны (последовал детальный перечень разных дел, которыми занимался Лоридан). Мы с удовольствием предложим вам место. Платить будем хорошо (последовало подробное перечисление всех финансовых преимуществ работы в агентстве). Подумайте. В наш век растущей безработицы такое место нелегко найти. А? Что скажете? Посоветуйтесь с женой, она хорошо разбирается в делах.

Лоридану показалось, что в глазах «господинчика» мелькнул иронический огонек.

— Покочевряжился я для виду, — продолжал он, — посоветовался с Бет, и мы решили дать согласие. («Как же, «мы»! — подумал Кар.) И теперь я там работаю. И доволен. Даже очень доволен. Платят хорошо, есть свободное время, рисковать особенно не приходится. Конечно, и у нас бывает стрельба, погони, случается, даже гибнут люди, но как-то все это незаметно. Больше рутинной работы. Я тебе как-нибудь подробно расскажу. Так что доволен. Деньжата кое во что вложили. А того, что зарабатываем оба, на жизнь хватает.

— Оба? — переспросил Кар. — Элизабет работает?

— Работает. — Лор лукаво улыбнулся: — Еще как работает. Не покладая рук. — Он не выдержал и громко расхохотался.

— Чего ты смеешься? — не понял Кар. — Она кем работает?

— Па-ла-чом! — Лоридан не мог говорить от смеха. — Средневековым палачом экзекутором. Совершает казни! Ох-хо-хох!

Кар неодобрительно смотрел на друга.

— Ты что, воздухом поперхнулся? Я тебя серьезно спрашиваю, не хочешь — не отвечай. Подумаешь, тайна вселенская.

— Да я не шучу. — Лоридан перестал смеяться. — Поркой она занимается. Порет розгами…

Кар остолбенел.

— Ну чего ты не понимаешь? Здесь недалеко частный Женский колледж. Там применяют телесные наказания. Чего уставился? Это в государственных школах отменили и где родители против, а где родители согласны, там оставили. Да, да, не удивляйся — очень многие родители за то, чтоб их шалопаев пороли. В основном, конечно, в мужских школах, но вот и в некоторых женских. Знаешь, там, где отцы эдакие бывшие

колониальные офицеры с усами и стеком в руке, разные старомодные аристократические дамы, которые сами в таких школах учились. И потом, прямо тебе скажу, уж не говоря о мальчишках, есть такие девчонки, которых я бы с утра до вечера порол. Стервы! Пьют, курят, с парнями в четырнадцать, пятнадцать лет водятся, а то еще колются… Жуть! Вот родители в некоторых школах и потребовали сохранить телесные наказания. В этом колледже тоже. Секут девчонок с восьми до четырнадцати лет. Старше уж вроде неудобно. За разные там дела, нарушения, уж не знаю, за что им ставят минусы в журнале. Знаешь, как в пятиборье очки начисляют. И два раза в неделю — пожалуйте к столу: одной пять горячих влепят, другой десять, бывает и двадцать, но это редко. Розгами секут. А у мальчишек и плеткой, потом день-два не сядет. Так-то.

— И Элизабет?

— И Элизабет ходит туда два раза в неделю и приводит в исполнение приговор. Иногда, говорит, по пятнадцать — двадцать порок набирается. Девчонкам не завидую — у Бет рука тяжелая! — Лоридан расхохотался.

— И что, хорошо платят? — поинтересовался Кар.

— Неплохо. Сдельно платят, — деловито пояснил Лоридан, — в зависимости от количества.

— Да, ну и дела. — Кар не мог прийти в себя от изумления. — Может, мне такую работу подыскать? — спросил он в шутку.

Но Лоридан шутить не собирался.

— Невыгодно, — серьезно пояснил он, — не мужское дело. Я для тебя лучше найду. Поверь. Есть у меня одно местечко на примете. Надо только кое с кем поговорить, выяснить. Да это недолго, дня два-три. А пока надо заняться твоим обустройством. Тут Элизабет поможет.

Действительно, Элизабет помогла.

В тот день, когда они уже вечером сидели втроем в саду, она долго и обстоятельно расспрашивала Кара, чего бы он хотел — какую квартиру, с какими удобствами, какую может заплатить цену, хочет снять, купить или арендовать домик.

— Ты прямо как агент по продаже недвижимости, — довольно улыбался Лоридан.

(Да, с женой ему повезло — деловая женщина.)

В конце концов Кар заявил, что ему все равно, лишь бы не очень далеко от города.

Они сидели под деревом. Скрытые лампы подсвечивали зеленые ветви, откуда-то доносилась музыка, негромко гудели невидимые жуки, на

столе выстраивались новые ряды запотевших пивных банок…

В шезлонге, откинувшись, полулежала Элизабет в коротких шортах и блузке без рукавов. При вечернем освещении она казалась удивительно красивой. Рядом с ней, покачиваясь на стуле, улыбался Лор, верный старый друг, с которым столько дорог пройдено вместе — и джунгли, и болота, и кровавые атаки, и сожженные деревни, и бары, и пивные тоже. Теперь Кару ничто не грозит — ни выстрел из-за дерева, ни волчья яма под ногой, в кармане у него чековая книжка, толстенький бумажник… Его ждет уютная квартирка, которую ему подыщет Элизабет, и хорошая интересная работа, на которую его устроит Лор. Эх, хорошо жить на свете! В его благословенной стране! Хорошо иметь друзей, и ты не знаешь, что такое болезнь, а девушки заглядываются на тебя, красивого и могучего!

У Кара от пива слегка туманилась голова. Он все время улыбался, испытывая блаженство от этой ночи, от друзей, от приятных мыслей.

LEIR

В конце концов наступила пора ложиться спать. Слегка поломавшись — где, мол, ближайший отель, — он, конечно, принял приглашение переночевать у Лориданов. Его отвели в комнату для гостей, на втором этаже, с ванной и туалетом. И, погружаясь в сладкий сон, Кар успел помечтать — эх, остаться бы в этой комнате, в этом доме навсегда…

Проснулся он по привычке мгновенно и несколько секунд лежал, прислушиваясь — не подкрадывается ли враг. Но тут же все вспомнил и продолжал лежать уже спокойно, блаженно и, словно утренний джюс, пил это давно не испытанное им блаженство.

Потом встал, посмотрел на часы — шесть! Чтоб не разбудить хозяев, тихо прошел в ванную, долго брился, плескался под душем, а когда вышел, услышал внизу шум, сквозь дверь доносились божественные ароматы — яичницы с ветчиной, кофе, жареного хлеба.

Он оделся мгновенно и спустился вниз, ощущая неловкость из-за своей грубой военной куртки, тяжелых башмаков, мятых штанов.

Элизабет, свежая, причесанная, благоухающая дорогим мылом, накрывала на стол в кухне. Из сада доносилось тяжелое уханье, словно кто-то

рубил дрова, и Кар сразу догадался, что это Лоридан делает утреннюю зарядку.

— А вы? — Кар, улыбаясь, мотнул головой в сторону окна.

— А мне нужно? — спросила Элизабет и посмотрела на него с вызовом.

Кар оглядел ее мускулистое тело и с чистым сердцем ответил:

— Не нужно. — И, вспомнив, что еще не поздоровался, добавил: — Доброе утро, Элизабет.

— Доброе утро, Ал, садитесь. — Она снова завозилась у плиты, а Кар в ожидании Лоридана включил телевизор и стал смотреть утренний выпуск последних известий.

Шла как раз уголовная хроника, ежедневная сводка городского полицейского управления.

«…Двенадцать изнасилований, двадцать шесть вооруженных ограблений, четыре самоубийства, похищен ребенок, девочка шести лет, передаем приметы…»

В этот момент в кухню вошел Лоридан, закончивший наконец свои гимнастические и водные процедуры.

— Всем привет, всем привет! — громогласно воскликнул он. — Как спал, Ал, кошмары не снились?

— Кошмары — вот, — ответил Кар, показывая на экран телевизора, где диктор столь же бесстрастно продолжал перечислять не воображаемые, а подлинные ужасы, посетившие город в ту ночь.

— А что ж ты думал. — Лоридан с удовольствием занялся яичницей. — Эх, брат, помнишь, мы с тобой собирались назвать мой будущий бар «Джунгли»? Ты ведь придумал. Так вот, когда я приехал сюда, то скоро понял, что не там у нас джунгли, а здесь. Да еще какие! Поживешь — сам увидишь. Здесь столько хищников, змей, скорпионов разных, что те наши джунгли райским садом кажутся. Ты, между прочим, привыкай, Ал. А то съедят с потрохами. Впрочем, тут я тебе помогу…

— Не порть ему аппетит, — недовольно заметила Элизабет, — и вообще прибавьте темп, мужчины. Мы сейчас с Алом поедем в город, его нужно прежде всего одеть, а то встретят такого в городском парке, в темном углу, сами все кошельки отдадут. А потом займемся квартирой. Так что поживей!

Квартиру нашли легко. В двух кварталах от внушительного здания, где помещалось сыскное агентство «Око». Кар об этом не знал, зато знала Элизабет, давно догадавшаяся, куда ее муж соби-

рается пристроить своего старого друга.

В респектабельном трехэтажном доме на последнем этаже они сняли аккуратную квартирку из двух комнат и большой кухни-столовой. Окна выходили в тихий двор. Квартира сдавалась с обстановкой, бельем и посудой.

Нельзя сказать, чтобы она была дешевой, но по нынешним, временам и не столь уж дорогой. Во всяком случае, Кар мог себе позволить снять ее.

Формальности, связанные со «вступлением во временное владение», как высокопарно значилось в договоре, заняли полчаса.

Затем началось главное — приобретение гардероба. Тут Элизабет проявила чудеса вкуса, экономии, знания жизни вообще и мужских потребностей в частности. Она заходила в магазины и окидывала продавцов столь властным взглядом, что все начинало ходить ходуном, откуда-то что-то извлекалось, отбиралось, примерялось и упаковывалось на предмет срочной доставки Кару на новую квартиру. Приобрели все, начиная от плащей и костюмов и кончая туалетными принадлежностями и ночными пижамами. Когда Кар пытался выразить в том или ином случае собственное мнение, Элизабет обрывала его:

— Ты (они уже были на ты) ничего не пони-

маешь! Сейчас носят только такие (или «такие сейчас не носят»), именно этот цвет тебе к лицу. Посмотри в зеркало — у тебя какого цвета глаза? (Действительно, какого?) Голубые? Значит, галстук и носки…

В конце концов Кар сдался и, молча кивая, соглашался с ее выбором.

— Все, — констатировала наконец Элизабет, — Осталось купить машину. Но это позже, пока поезди на арендованной. Теперь поехали обедать. Лор сегодня занят. Так что пообедаем в ресторане вдвоем. Ты меня приглашаешь? Заслужила?

Глава III
«ОКО»

Войдя в ресторан, Кар остановился пораженный. Элизабет смеялась, довольная произведенным эффектом. Она наверняка заранее выбрала это место и предвкушала реакцию Кара. Зал находился в подвале и был декорирован под джунгли. Густые заросли тропических растений сплошь закрывали его стены, с потолка спускались лианы, в небольшом водоеме покоились величественные виктории-регии. В ветвях чирикали, пели, щелкали, хлопали крыльями экзотические птицы, некоторые даже перелетали с ветки на ветку, а в одном из углов в клетке с тщательно замаскированными прутьями ворчал тигр.

Не было здесь никакой жары, духоты невыносимой, свежо и прохладно, веяло едва уловимым ароматом влажных тропиков. Бамбуковые столики были расставлены так, что посетители чувствовали себя уединенно. Царила полутьма. Лишь растительность слабо и искусно подсвечивалась.

Обстановку дикой природы нарушали разве что стоявшие на каждом столике телефоны.

Официантки-негритянки, единственной одеждой которых были крохотные юбочки из перьев и пальмовых листьев, словно призраки скользили в полутьме.

Кар и Элизабет сели за столик, заказали обед, и только тогда Кар пришел в себя.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Как они все это высадили! И дышать можно.

Элизабет рассмеялась.

— Совсем потерял голову, ничего не соображаешь. Вот и Лор так же: «Ах, ах! Настоящие джунгли!» Это же все искусственное! И лианы, и кусты, и виктория-регия, и птицы, и попугаи. Только тигр настоящий, да и то его с утра до вечера духами поливают.

Кар был поражен — искусственные джунгли! Надо же. Чего только не придумают!

— И птицы?

— И птицы. Они механические, заведены на разные программы. Двигаются, поют. Здорово, да?

— Не говори. — Кар никак не мог успокоиться. — Могу себе представить, во сколько это обошлось!

— Не пытайся, не представишь, — усмехнулась Элизабет. — Ты думаешь, как я нашла этот ре-

сторан? Когда мы встретились с Лором, он мне рассказал о своей задумке — это ведь ты ему подсказал, чтоб ресторан назвать «Джунглями». Тогда я вспомнила, что года три назад у нас с шумом-гамом открыли этот ресторан — «Африка». Мы зашли, посмотрели, поговорили с хозяином. Он нам все рассказал. «Настоящие джунгли ведь не сделаешь, — говорит, — не приживутся, да и кто захочет сидеть в жаре и духоте!» И он с разными инженерами, дизайнерами, специалистами все это соорудил искусственно. Очень гордится и очень доволен, гребет деньги лопатой…

— Ну и что же? — поинтересовался Кар.

— Да ты знаешь, сколько это стоило? Тут одна лиана — пять тысяч, одна птичка — десять! Сплошная электроника…

— И тигр, наверное, жрет будь здоров… — ни к селу ни к городу заметил Кар.

— Так что надо иметь миллионы, чтоб такой ресторан открыть, — продолжала Элизабет. — Но теперь он гребет, этот хозяин! Небось уже вернул все. Ты поймешь, когда счет принесут. — Она усмехнулась: — Да вот он и сам идет, орангутан. Его неплохо здесь на ветки посадить — вписался бы.

К ним крадущейся походкой приблизился су-

тулый человек маленького роста, с непомерно длинными руками. Смокинг выглядел на нем нелепо, и Кар улыбнулся — действительно, как обезьяна!

— Рамирес, — представился хозяин ресторана. — У вас все в порядке? Есть пожелания? Давно не были у нас, госпожа… — Он вовремя удержался, чтоб не назвать Элизабет по фамилии — мало ли с кем она пришла, зачем подчеркивать ее семейное положение?

— Все прекрасно, Рамирес, — Элизабет широко улыбнулась. — А это господин Кар, друг моего мужа.

— Рад видеть вас в нашем скромном заведении, — вежливо поклонился Рамирес. — Вы всегда желанные гости.

Он проследовал дальше, останавливаясь у каждого столика, приветствуя посетителей одной-двумя любезными фразами. Кар провожал его задумчивым взглядом. Хотя Рамирес был низкоросл, уродлив, стар, но было в его обезьяньем облике, в умных холодных глазах, в бархатном голосе что-то такое, за чем угадывалась такая сила, беспощадность, жестокость, что Кар подумал: «Да, этот бедняга тигр, что хрюкает там в углу, ему в подметки не годится. Съест и не поморщит-

ся». И еще он подумал о том, что нелегко будет пробиваться в этом городе, в этой стране, на этой его родине. Там, на войне, убивали, но не всегда из-за угла, а здесь…

Полной мерой предпринимательские таланты Рамиреса Кар оценил, когда принесли счет; он, конечно, ждал, что цены здесь не как в столовках «Макдональд», но чтобы такие!..

Кряхтя, полез за бумажником. Элизабет тихо рассмеялась и остановила руку.

— Считай, что сегодня я тебя пригласила!

Кар стал настаивать на своем мужском праве уплатить, но Элизабет с улыбкой сказала:

— У меня здесь кое-какая скидка, Ал, не упрямься, — и, поставив на принесенном счете какую-то закорючку, вернула его официантке.

В машине она приоткрыла ему тайну:

— Лор как-то оказал Рамиресу маленькую услугу, с тех пор мы пользуемся в «Африке» особым расположением. В городе многие рестораторы так поступают.

— За маленькие услуги? — не без иронии спросил Кар.

— Не только, — серьезно ответила Элизабет. — Например, известные актеры, журналисты, всякие знаменитости почти нигде не платят. То,

что они едят в этом ресторане, — уже реклама, уже прибавляет заведению престиж. Так что впору еще им доплачивать…

«Да, — подумал Кар, — век живи, век учись».

Они ехали по зеленым улицам города, мимо бесчисленных лавок, магазинов, кафе, баров, отелей… Мимо облезлых домов окраин и скрытых за высокими оградами вилл. Ехали просто так — «переварить» обед, как выразилась Элизабет.

Наконец подъехали к дому, в котором Кар с сегодняшнего утра стал владельцем квартиры. Поднялись, зашли, Элизабет вновь придирчиво все осмотрела — как с постельным бельем, столовой и кухонной посудой, всякими мелочами, без которых невозможно жить.

— Ну вот, — сказала она наконец, — вроде бы все в порядке, можешь вступать во владение. Сегодня отдых, у Лора ночная работа, а завтра с утра или когда он там сможет жди звонка. Пойдешь наниматься на работу. — Она рассмеялась, чмокнула Кара в щеку и ушла.

Оставшись один, Кар стал наслаждаться жизнью и решил посвятить этому занятию весь остаток дня.

Во-первых, он залез в ванную и лежал в ней так долго, что очень горячая вначале вода

совершенно остыла. Потом он включил телевизор, поставил возле себя банки с пивом и стал смотреть все подряд, без конца переключая программы. На экране мелькали несущиеся на лошадях ковбои, высаживающиеся на землю инопланетяне, ослепительно красивые девушки, обязанные своей красотой зубным пастам, духам, помадам, дезодорантам, лакам и кремам, счастливые домохозяйки, обязанные своим счастьем замечательным пылесосам, кухням с программным управлением, неразбиваемым тарелкам и непачкающимся салфеткам. Потом на экране возникали, пожары, демонстрации, автомобильные и авиационные катастрофы — хроника, какие-то элегантные седые господа с дипломатами в руках — знатные визитеры, прибывшие в США из Франции, во Францию из Алжира, в Алжир из Англии или в Англию из Саудовской Аравии, те же господа за столами переговоров, на трибунах заседаний, наконец, машущие прощально рукой перед тем, как сесть в самолет…

И снова ковбои, инопланетяне, грабители и полицейские, помады и кремы, пылесосы и кастрюли…

Иногда прорывался футбол, и тогда Кар задерживал изображение — и как бывший профессио-

нал восхищался «коллегами» — техника игры за эти годы шагнула далеко вперед!

Но к сожалению, не только техника футбола. Кара удивило количество всех и всяческих преступлений, рассказами о которых был заполнен экран. Господи, что только не происходило в мире! Вот очаровательный щекастый мальчик, убивший из пистолета своих родителей, и ангелоподобная девочка, отравившая сестренку, а вот красивый элегантный парень — ну прямо чемпион по гимнастике, — проникший в монастырь и изнасиловавший, а потом задушивший тринадцать монахинь, безработный, зарезавший жену, троих детей, а потом себя, мрачноватый тип, вошедший в ресторан и перестрелявший из автомата половину посетителей… Но тут же шли сцены суда над похитителями миллионов, над миллионерами, обманувшими налоговых инспекторов, над сенаторами-взяточниками — все это были солидные, представительные джентльмены, безупречно одетые, холеные, окруженные адвокатами и советниками; заседания суда напоминали заседания правлений крупных компаний, которые тоже демонстрировались на экране. И снова мелькали ослепительные зубы и пасты, сверкающие волосы и лаки, аппетитно

зажаренные гуси и электрические духовки.

Свою продукцию рекламировали все — магазины и фабрики, рестораны и кабаре, парикмахерские и отели, автомобильные, винодельческие, сигаретные, оружейные, строительные фирмы, банки, частные предприятия.

В какой-то момент на экране возникла мрачная картина: по вечерней улице шли молодая красивая женщина и элегантный молодой человек, неожиданно из-за угла выскочили трое верзил в масках, ударом ножа они покончили с мужчиной, а затем, схватив женщину, навалились на нее и начали срывать одежду. И сразу на экране появилась ужасающая картина разгромленной и разграбленной квартиры и рыдающие хозяева в дверях, судя по чемоданам у их ног, только что вернувшиеся из поездки… И новые кадры: нянька, гуляющая с ребенком, машина, под визг тормозов останавливающаяся возле, и трое замаскированных похитителей, хватающих ребенка и заталкивающих его в машину. Затем из левого верхнего угла экрана, постепенно увеличивающийся и вскоре заполняющий весь экран, возникает человеческий глаз. Секунду глаз, не мигая, смотрел на Кара, а потом исчез, уступив место надписи —

«ОКО».

Диктор за кадром вещал бьющим по нервам голосом: «Ничего этого ни с вами, ни с вашими близкими, ни с вашим имуществом не случится, если вас будет охранять недремлющее око! «Око» — самое надежное сыскное агентство в мире! «Око» — гроза преступников! «Око» — оплот безопасности, гарантия спокойной жизни! «Око» — любые сведения, информация, раскрытие любых преступлений. Тайна обслуживания гарантирована. «Око» — к услугам всех честных граждан!»

Все это длилось одну-две минуты и заканчивалось эффектным кадром — страшные небритые верзилы в наручниках уныло плетутся, сопровождаемые могучими красавцами в мягких шляпах, с эмблемой агентства на пиджаках. Затем изображение таяло, и оставалась во весь экран только эмблема: недремлющий глаз, окаймленный изображением наручников и Фемиды над ними.

В том, что глаз широко открыт, а у Фемиды на глазах повязка, создатели агентства, видимо, никакого противоречия не усматривали.

Кар выключил телевизор и некоторое время сидел, не меняя позы, а глядя на погасший экран.

Затем внезапно поднялся, подошел к телефону и, полистав справочник, набрал номер.

Ответили сразу, мягкий женский голос доверительно произнес:

Добрый вечер, к вашим услугам сыскное агентство «Око», телефон не прослушивается. Что вас интересует?

Подумав секунду, Кар произнес:

— У меня есть враги, я опасаюсь за свою жизнь, вы могли бы что-нибудь сделать?

— Разумеется. — Голос женщины звучал уверенно. — Сообщите данные, повторяю, телефон не прослушивается. Но если хотите, наш сотрудник приедет к вам или вы можете посетить нас.

— Я предпочитаю зайти к вам.

— Извольте, мы открыты двадцать четыре часа в сутки, — приветливо сообщила женщина. («Небось они специально тренируют голос», — подумал Кар.) — Наш адрес…

— Спасибо, я знаю, — сказал Кар и повесил трубку.

Он подошел к раскрытому окну, понаблюдал за вечерней улицей. В каждом прохожем ему чудился теперь преступник или, наоборот, бдительный агент «Ока». Он все время ждал выстрела, визга тормозов, крика. Но улица оставалась безлюдной

и спокойной, блекло светили фонари, желтели окна домов напротив, откуда-то доносилась музыка. Вот проехало такси, какая-то женщина в тренировочном костюме вывела гулять огромного сенбернара… И опять никого.

Кар порыскал по квартире — может, какой журнал завалялся от прошлых хозяев, полистать бы. Но те, видимо, не были поклонниками легкого чтива, а стоявшие на полках толстенные тома служили, скорей, для меблировки — словари, учебники, справочники. Судя по последним, хозяин был техником или инженером. А впрочем, какая разница.

Кар допил последнюю банку пива и, ощущая в голове легкий туман, отправился спать.

Не успел он залезть под простыню, как зазвонил телефон.

— Не спишь еще? — услышал он голос Лоридана.

— Нет, — промямлил Кар.

— Бет сказала, что у тебя все в порядке — сыт, одет, обут и крыша над головой.

— Твоя жена — чудо, — искренне сказал Кар, — я понимаю теперь, почему ты на ней женился. Неясно только, почему она вышла за тебя замуж. Позаботилась обо мне, как о любимом сыне. Лор,

вы не хотите меня усыновить?

— Можно. Но учти, она ведь специалист по порке, так что ты два раза подумай, стоит ли иметь такую мать. Ха-ха! — Лор громко рассмеялся собственной шутке, потом, став серьезным, добавил: — Завтра заеду за тобой в девять часов. Поедем наниматься на работу. Я тут кое с кем уже поговорил. Есть перспектива. Покойной ночи.

— Покойной ночи, — ответил Кар и, положив трубку, мгновенно провалился в сон.

На следующее утро Лоридан заехал за Каром на машине, и они отправились в «Око». Агентство находилось рядом, но путь, учитывая причуды уличного движения, занял минут пятнадцать.

— Шли бы лучше пешком, — ворчал Кар.

— Все равно я на машине, — резонно отвечал Лоридан.

Наконец подъехали.

Сыскное агентство «Око» занимало большой десятиэтажный дом в ультрасовременном стиле, коричневого цвета, с непросвечивающими золотистыми стеклами на окнах, со множеством хитроумных и сложных антенн на крыше.

У входа на выдвинутой на тротуар огромной бронзовой доске красовалась рельефная эмблема агентства — недремлющий глаз, наручники,

Фемида — и название.

Над подъездом на добрых полдюжины метров выдвигался массивный козырек, чтобы дождливым днем подъехавшие на машине клиенты, не дай бог, не промокли.

Войдя в широкие стеклянные двери, автоматически открывшиеся перед ними при их приближении, они попали в огромный холл. Само здание, холл, широкие лестницы, колонны, интерьер — все говорило о процветании предприятия. У входа не было никаких охранников, курьеров, швейцаров, лишь стайка хорошеньких девушек в строгих коричневых костюмах с эмблемой агентства над грудным кармашком.

Стоило несколько оробевшему клиенту войти в холл, как к нему тут же устремлялась одна из девушек и, ослепительно улыбаясь, осведомлялась о цели визита. Затем отводила посетителя в нужный кабинет.

Далеко не все знали, что и величественный подъезд, и огромный холл, и лестницы, и красотки — все это было лишь рекламной вершиной айсберга, имевшей целью поразить простофиль. Клиенты, предпочитавшие не афишировать себя, проникали в нужные кабинеты прямо из подземного гаража, куда въезжали через тщательно

охраняемые неприметные ворота с обратной стороны здания, предварительно договорившись с кем следует по телефону. Или встречались с сотрудниками агентства на тайных, рассеянных по городу квартирах, в загородных виллах, наконец, у себя на дому.

Разумеется, таких было большинство, поэтому через холл входили больше адвокаты, журналисты — официальные слуги закона — или клиенты, которым нечего было скрывать, — владельцы украденных картин, жертвы громких ограблений, директора, желавшие обезопасить свои банки…

Сыскное агентство «Око» не могло похвастаться долгой и славной историей, как, например, американское агентство «Пинкертон». Зато в его активе были железная хватка, бульдозерный напор и, как бы это деликатней выразиться, отсутствие предрассудков в выборе средств.

Агентство работало по принципу ультрасовременных предприятий — шумная реклама, могучие усилия по приобретению клиентуры, хорошо оплачиваемый, но беспощадно эксплуатируемый штат высококвалифицированных сотрудников, широкие, не всегда явные, связи с государственным аппаратом — полицией,

прокуратурой, судом и розыскными службами страховых компаний. Конкуренты ликвидировались безжалостно, что Лоридан в свое время испытал на себе. В полиции и других государственных учреждениях «Око» имело свои «очи» — платных осведомителей, в том числе весьма высокого ранга.

В какой-то степени это был транснациональный картель, так как агентство имело филиалы в ряде стран, в том числе в США, Англии, Франции, Италии, ФРГ, на Ближнем Востоке, в Азии и даже в Африке. А уж у себя на родине чуть не в каждом городе.

Агентство процветало. Дело в том, что ряд таинственных преступлений, над раскрытием которых безуспешно билась долгие месяцы, а то и годы полиция, «Око» с блеском раскрывало, о чем широко трубили газеты, радио, телевидение (агентство было щедрым к репортерам).

И уж конечно, никто не знал, что какой-нибудь очень талантливый полицейский следователь, найдя преступника, порой предпочитал поделиться этим открытием с агентством, нежели выполнить свой служебный долг. Это приносило весьма ощутимый доход. Если же следователь терял из-за этого свое место, «Око» немедленно

зачисляло его в свой штат с жалованием, о котором в полиции он мог только мечтать.

И вообще в полиции знали, что человек способный и лояльный по отношению к агентству, уйдя в отставку, мог рассчитывать там на теплое местечко, а потому, кроме заядлых службистов, наивных идеалистов и дураков, никто в полиции с агентством отношений старался не портить.

Было у агентства, по сравнению с официальной Фемидой, и еще одно существенное преимущество. Сотрудники «Ока» могли себе позволить такие методы работы, которые полиция, не рискуя скандальными разоблачениями, применять не могла.

Наконец существовал ряд дел, которыми официальные органы просто не занимались, например, добывание доказательств для возбуждения дела о разводе, слежка за мужьями, женами, детьми, конкурентами, в чем-то заподозренными служащими. Или личная охрана. Имелись и еще кое-какие, совсем уже тайные дела, о которых речь впереди.

«Око» было оснащено по последнему слову науки и техники. Электроника, криминалистические лаборатории усовершенствованное оружие, средства связи, транспорт — всем рас-

полагало агентство. В нем работали эксперты, ученые, инженеры, психиатры, спортивные инструкторы высшей квалификации. Работали педагоги, переводчики-полиглоты, режиссеры, гримеры, художники, специалисты по рекламе, по прессе, консультанты по всем вопросам быта, общественной жизни, техники. Имелись богатые библиотеки, архивы, картотеки.

И конечно же, в штаб-квартире, в столице, в глубоком подвале находился мощнейший электронный мозг, хранящий в своей бездонной памяти миллионы различных, но необходимых сведений.

Вот таким было это знаменитое сыскное агентство «Око».

Когда-то, много лет назад, когда частные предприятия вроде агентства «Пинкертон» насчитывались единицами, компашка полицейских-отставников решила учредить агентство по охране перевозимых ценностей. Они слышали, что в Соединенных Штатах такое существовало — «Американ экспресс», — правда, со временем оно превратилось в туристическую компанию.

Собрали небольшой капиталец из своих скромных пенсионных фондов и кое-каких накоплений, возникших, как бы это сказать, не всегда

ортодоксальным путем, сняли помещение, приобрели автомобили и стали работать. Сначала просто сами с пистолетами в руках сопровождали инкассаторов. Потом начали укреплять автомобили, а позже и заказывать специальные — бронированные, с литыми шинами.

Расширили помещение, наняли служащих — не самим же ездить!

Доходы росли: банки, ювелирные магазины предпочитали обращаться к услугам компании и платить тысячи, чем рисковать потерять миллионы. Несколько эффектных операций (быть может, не без помощи режиссуры, но кто об этом знает?), шумно разрекламированных в газетах, увеличивали престиж агентства, а следовательно, и доход.

Сначала агентство называли «Стражи порядка», потом «Бдительные», потом «Гарантия»… Все это было не то. Наконец родилось «Око»! Название сразу приобрело популярность, понравилось газетам и клиентам.

Постепенно «Око» превратилось в огромное современное предприятие со многими филиалами, с миллионным оборотом, с тысячами сотрудников.

Вот таким его и застал Кар.

...Они прошли к лифтам и поднялись на пятый этаж. Затем длинным коридором, устланным коричневой (видимо, любимый цвет в агентстве) дорожкой, добрались до стеклянной двери с номером «30». Подобные же двери с двух сторон выходили в коридор.

— Жди, — сказал Лоридан. Он был напряжен, то и дело вытирал потный лоб.

Его волнение передалось Кару. «Черт возьми, — успокаивал он себя. — Подумаешь, дело! Ну не возьмут, что я, другой работы не найду?» Но когда Лоридан снова вышел в коридор и почему-то шепотом позвал его, он опять начал волноваться.

Войдя в небольшой светлый кабинет, Кар остановился, не веря глазам. Перед ним за столом сидела молодая интересная женщина в строгом черном костюме. Не старый «господинчик», не менеджер, холодный и энергичный, не бывший полицейский с бульдожьей челюстью — именно так он представлял себе кадровиков из «Ока», а молодая привлекательная женщина. Невероятно!

— Садитесь, Кар, — произнесла она негромко и устремила на него внимательный взгляд.

Кар сел. Лоридан продолжал стоять, поскольку в комнате было всего два жестких металлических

стула — тот, на котором сидела хозяйка кабинета, и тот, на который опустился Кар. Кроме этих стульев, вся мебель состояла из металлического письменного стола с телефонами и канцелярским компьютером, большого шкафа со множеством ящичков, сейфа и, к удивлению Кара, тренажера, применяемого в атлетической гимнастике. На стене — календарь с японскими пейзажами, большие электронные часы и рекламный плакат с эмблемой «Ока».

Молчание затянулось, и Кар начал ерзать на стуле. Наконец женщина произнесла:

— Рассказывайте.

— Что рассказывать? — растерялся Кар.

— О себе.

Он взял себя в руки и коротко, не отвлекаясь на детали, поведал нехитрую историю своей жизни. Женщина внимательно слушала. Когда Кар закончил рассказ, она стала задавать вопросы. Самые неожиданные.

— В драках до войны участвовали?

— Бывало.

— Кроме каратэ, какими видами рукопашного боя владеете?

— Нас учили не только каратэ, а целой системе.

— Приходилось применять?

— Да, — Кар уже понял, что женщине нравятся короткие ответы.

— Убивать приходилось?

— Да.

— Пытать?

— Тоже.

— Не жалели?

— Врагов?

— Стреляете?

— Да, я снайпер.

— Из каких марок оружия?

— «Кольты», «браунинги», «узи», «Токаревы».

— Ножом, палкой, дубинкой умеете пользоваться?

— Да, специально обучен.

— А как с бегом, плаванием, велосипедом, машиной?

— Бегаю хорошо, плаваю тоже, на велосипеде не ездил, машиной и мотоциклом управляю как гонщик.

— Значит, кроме брата, родственников нет?

— Нет.

— Невесты, любовницы?

— Тоже нет.

— Женщинами увлекаетесь?

— Как все.

— Это не ответ. Меня интересует, как вы. Я имею в виду не физические связи, а, так сказать, сердечные.

— Да нет, пожалуй. — Кар задумался. — Нет.

Он нарочно говорил резко. Женщина начинала раздражать его своими дурацкими вопросами. Но она не обратила на его тон никакого внимания.

— Пьете много?

— Как все… Нет, умеренно, — поправился он.

— Что пьете?

— Ну, пиво, иногда виски, джин, водку.

— Наркотики?

— Не употребляю.

— Как долго можете не спать?

— Не спать? — Кар задумался. — Ну, там приходилось и сутками, а так… — Он не знал, что ответить. Одно дело — не спать ночь в джунглях, в засаде, или в доме во время веселья, другое… Что другое?

— Как у вас с деньгами?

— Кое-что есть, на первое время хватит.

— С жильем, машиной все в порядке? — Этот вопрос она обратила почему-то к Лоридану.

— Все, все, сняли квартиру, машина пока из проката, — поспешно ответил тот.

Время от времени женщина делала какие-то заметки в блокноте.

— Ну что ж, — сказала она наконец. — Пройдите к нашим специалистам, потом вернетесь ко мне. Проводите его, Лоридан.

Слегка обалдевший после этой странной беседы, Кар последовал за Лориданом.

Они снова вошли в лифт.

— Умнейшая баба! Прямо рентген, — толковал Лоридан. — Все эти вопросы — это так, формалистика. Она за это время тебя всего просветила. Понимаешь, ее интересует не то, что ты рассказываешь, а то, как рассказываешь. Ты вот не заметил, а она за каждым твоим движением следила. Между прочим, хоть и в отделе персонала работает, а доктор или там магистр, словом, какая-то шишка в своей психологии.

На этот раз лифт опустил их в подвал.

И начался экзамен, какого Кару не приходилось держать еще никогда в жизни!

Его провели в великолепно оборудованный тир, где заставили стрелять из винтовки, автомата, разных систем пистолетов и револьверов, потом в спортивном зале, переодев в кимоно, демонстрировать на манекене и в схватке с инструктором свое знание каратэ. Он метал ножи,

орудовал палкой, поднимал штангу, бегал по дорожке-автомату, прыгал через препятствия… Добрых два часа его мучили врачи, проверяя зрение, слух, сердце, легкие, брали анализы, даже заставили пройти детектор лжи.

Были и совсем странные испытания. Например, найти небольшой предмет в совершенно темной комнате, незаметно подкрасться к человеку.

В кинозале перед ним на экране быстро мелькали десятки людей, а он должен был после описать их внешность, одежду, походку.

Предлагали разные тесты с цветными кубиками, кружочками, фигурками, задачи на сообразительность, загадки, шарады.

Вывели во двор, где на небольшом автодроме он продемонстрировал свое искусство езды на машине и мотоцикле.

И все время рядом были врачи, экзаменаторы, все фиксировалось какими-то приборами, снималось кинокамерой.

Когда, наконец, испытания закончились, Кар понял, что еще минута — и он бы не выдержал.

Наступил перерыв, и Лоридан повел его обедать. В огромном кафетерии, расположенном на крыше, было безлюдно. Кар долго наслаждался ледяным лимонадом (ни пива и тем более че-

го-либо покрепче в кафетерии не было). Потом набросился на еду так, словно год не ел.

— Скажи, — спросил он Лоридана, — и ты тоже все это прошел?

— Это все проходят, — нравоучительно тыкая вилкой в сторону Кара, пояснил Лоридан. — И женщины, и мужчины, и начальство, и рядовые. Пойми, «Око» — это избранные. Здесь все, в том числе служащие, — только высшего сорта. Не знаю, в какой отдел тебя определят — думаю, в мой, — но работать придется до седьмого пота. Зато платят больше, чем в любом другом агентстве, премии за хорошо проведенные операции, страховка, в случае если изувечат, а если убьют, страховку получит жена.

— У меня нет жены, — проворчал Кар. Последняя фраза друга немного испортила ему настроение.

— Нет, так будет, — уверенно сказал Лоридан. — Видишь ли, — продолжал он, — здесь без семьи нельзя. Это тебе не война. Кто будет готовить, убирать, покупать…

— Погоди, — не сдавался Кар, — есть рестораны, уборщики и вообще, что мне связываться с одной, когда их вон сколько! Я смотрю, в вашей фирме прямо как в доме моделей сплошные ма-

некенщицы.

— Вот в нашей фирме я и собираюсь тебе коекого подыскать. Между прочим, браки внутри агентства у нас поощряются.

— Ладно, — Кару надоело спорить, — будущая жена от меня не убежит. Куда дальше идти?

Закончив обед, они продолжили свой поход.

Пришлось побывать у психолога, у сексолога, у какого-то все время загадочно улыбающегося человека, задававшего уж совсем нелепые вопросы по истории страны, по международному положению.

— Кто сейчас лидер оппозиции? — спрашивал он, например.

— Не знаю, — растерянно признавался Кар.

— А каковы политические платформы коммунистов и социалистов?

Кар смущенно пожимал плечами.

— Вам знакомы такие имена, как Маркс, Энгельс? В США сколько политических партий? А во Франции? С какими странами граничит Россия? В каких арабских государствах обучают террористов? Почему молодежь, студенты — главные бунтовщики? Как вы относитесь к черным? А к желтым? Вообще к иностранцам, заполонившим нашу страну?

Почти ни на один вопрос Кар ответить не смог. Он никогда этим не интересовался.

Кар очень расстроился, он не ожидал такого подвоха. Блестяще пройти все испытания и погореть на каких-то дурацких вопросах, никакого отношения к его будущей службе не имеющих!

Но, как ни странно, ему показалось, что экзаменатор остался доволен. Он удовлетворенно похлопал Кара по плечу и на прощание даже пожал ему руку.

— Остался начальник отдела. Ну, с этим ты общий язык сразу найдешь. Он из наших.

Снова проплутав по коридорам и этажам, разобраться в которых Кар давно потерял надежду, они добрались до очередной двери уже с трехзначным номером.

Снова Лоридан зашел первым и вскоре пригласил войти Кара.

Комната была такая же, как у той женщины из отдела персонала, — металлический стол, пара стульев, шкаф, компьютер…

Только за столом он увидел не молодую женщину, а немолодого мужчину, усатого и бородатого. Он сразу напомнил Кару их полковника.

— Привет, — сказал мужчина густым басом, — Я — Шмидт, так и зови меня. — Он привстал, пожал Кару руку. Ростом он почти мог сравниться с Каром, а после его рукопожатия у того затекли пальцы. Сесть он не предложил. — Думаю, сработаемся, я про тебя все знаю, уже сообщили результаты. — Он кивнул на дисплей. — Рад, у нас тут много ветеранов, наших ребят. Ты-то где шкуру подставлял?

Они еще долго беседовали, если это можно было назвать беседой. Сначала Шмидт задавал вопросы о военных подвигах Кара, но потом диалог превратился в монолог, из которого стало ясно, во-первых, что главная роль во всех военных успехах принадлежала ему, Шмидту, бывшему майору, а во-вторых, дай волю ему, а не этим трусишкам и капитулянтам, которые прекратили войну, сдались, дезертировали, сбежали, он бы уж точно показал этим косоглазым, он бы уж всех их на тот свет отправил, всех до последнего, если нужно, он бы уж…

И хотя в какой-то момент Кар стал испытывать раздражение, но все же это был «свой», таких он встречал, с такими воевал. Под конец «разговора» Шмидт сказал:

— Давай, парень, оформляйся, сейчас позвоню,

скажу, что ты нам подходишь. И прямо завтра начинай службу, пока боевой дух не растерял. — И он громко захохотал.

На этот раз Кар входил в кабинет женщины более уверенно.

— Что ж, поздравляю, — сказала она. — Вы приняты. С завтрашнего дня будет начисляться жалованье. Подпишите эти бумаги и идите фотографироваться.

Кар подписал еще дюжину бумаг, у него сняли отпечатки пальцев, сфотографировали для специального удостоверения.

Лишь к вечеру они покинули с Лориданом здание.

У Кара было такое чувство, словно он участвовал в сражении или совершил многокилометровый поход в гуще джунглей. Ну и проверочка! Теперь ясно, что в сыскном агентстве «Око» работают только отборные люди! И он — один из них!

— Пошли отпразднуем победу! — радостно воскликнул Лоридан. — Напротив хороший бар, мы все туда частенько заходим. А потом поедем ко мне. Сейчас позвоню Бет, пусть готовит ужин.

Ужин прошел оживленно. Лоридан в преувеличенно восторженном тоне повествовал о том,

как замечательно сдал труднейшие экзамены Кар, как восхищались все экзаменаторы, как была потрясена даже «эта гадюка» — инспектор отдела персонала. И какие теперь перспективы открываются перед Каром.

Постепенно под ироническим взглядом жены он этот свой тон снижал и в конце концов перешел на деловой.

— Ладно, — сказал Кар, — я понял, что такого замечательного работника в агентстве не было, нет и не будет: что оно должно быть тебе вечно благодарно за то, что ты меня туда приволок. Но все-таки хотелось бы узнать, чем я буду заниматься, ну какая работа, черт возьми!

— Работа? Работа замечательная! — с энтузиазмом воскликнул Лоридан.

И он поведал следующее.

Во главе агентства стоял президент — генеральный директор. То было божество. Как и о каждом божестве, все знали, что он есть, но никто не удостаивался чести его лицезреть. Только высшее начальство. Президент возглавлял Совет директоров.

Доступ туда имели лишь управляющие отделов. По названиям многих из этих отделов трудно было бы догадаться о характере предприятия. Был,

например, отдел персонала, с которым Кар уже был знаком. Были отделы рекламы, снабжения, научно-технический, юридический, международных связей, безопасности, финансовый и т. д. Как в любой крупной фирме.

Разумеется, в работе отделов существовала своя специфика, присущая только «Оку». Но разве нет такой специфики на любом предприятии? Разве отдел снабжения автомобильного завода не поставляет, скажем, резину для шин или стекло для дверей? Ну а в «Оке» поставляются патроны для пистолетов, подслушивающие устройства, бронированные автомобили.

Существовали в агентстве отделы, присущие только ему. Например, отдел наблюдения и слежки, розыска, охраны клиентов, восстановления документов и дешифровки, предотвращения нападений, сопровождения ценностей…

Были и секретные отделы, названия которых Кар не понимал, — внедрения, сбора неофициальной информации, связи с официальными органами, закрытых переговоров.

— Не понимаю, — сказал слегка ошалевший от всей этой информации Кар. — Отдел розыска — понимаю, а отдел закрытых переговоров — не понимаю. Что это значит?

— Все не объясню, — усмехнулся Лоридан, — чего-то и сам не знаю, а что-то не имею права говорить. Ты ведь тоже сегодня подписал обязательство хранить служебную тайну агентства. Так и я. У нас каждый знает свое дело, а в чужое нос не сует, не положено. Но вот про эти закрытые переговоры могу сказать. Когда, скажем, похищают ребенка, то похитители требуют, чтобы родители не заявляли в полицию, в противном случае они ребенка убьют.

И все переговоры о выкупе идут через «Око». Или там картины какие-нибудь знаменитые украли. Продать их воры не могут — картины весь мир знает. И они за какую-то сумму согласны вернуть украденное музею или коллекционеру. Опять переговоры ведет «Око». Ну вот, в таком роде. Ясно?

— Более или менее, — неуверенно заметил Кар.

— Знаешь, Ал, — понизив голос, сказал Лоридан, — у нас в «Оке» много всяких секретов. Так ты особенно не любопытствуй, да и о своих делах помалкивай. Можно вылететь, между прочим, а можно и… похуже. В отделе безопасности ребята серьезные, и лучше с ними дела не иметь. Ясно?

— Ясно, ясно, — проворчал Кар, ему с самого

утра многое стало ясным.

Он уже понял, что будущая его деятельность имеет немало схожего с прошлой, фронтовой.

— Сначала мне поручали всякие ерундовые дела, — поучал его Лоридан, — хотя говорили, что дело сложное, чтоб не расслаблялся. Так ты не валяй дурака, делай вид, мол, понимаешь, какая ответственность. Главное, чтоб видели, что стараешься. Между прочим, могут проверить, к чему больше способностей, к слежке, там, к драке, к охране. У нас тут был один отчаянный парень, все в драку рвался. Вроде тебя — и снайпер, и каратист. Его на самые опасные дела отправляли. А однажды, чтоб отдохнул, приставили для охраны собачки…

— Собачки? — переспросил Кар, не веря ушам.

— Чего ты удивляешься, у нас все бывает. Мне рассказывали, один миллионер нанял охрану для дерева, да, да, — дуба. Этот дуб посадил у них в парке его прапрапрадед. Миллионер жутко суеверный, и вот какая-то гадалка ему предсказала: если дуб срубят, он на следующий день умрет. Так не поскупился, чудак, нанял специального агента у нас оберегать дерево! Ну? И знаешь, чем кончилось? Год охраняли, а потом как-то ночью разразилась буря и в дуб этот молния ударила,

сожгла. Этот миллионер чуть с ума не сошел, священника на следующее утро вызвал, чтоб причаститься. Теперь уж лет двадцать небось прошло, а он жив-здоров. Так вот, какая-то графиня, княгиня, уж не знаю кто, но тоже здорово богатая, имела собачку очень ценной породы, чао-чао называется.

Она наняла у нас охранника, чтоб сопровождать эту собачку, когда горничная выводила ее гулять. Ну и приставили того парня, о котором я тебе говорил. Работа не пыльная, сиди себе в доме, попивай пиво да три-четыре раза в день сопровождай эту чао-чао на прогулку.

Так вот, гуляют они однажды по аллее, вдруг останавливается возле них здоровенный лимузин, выскакивают из него двое, бац-бац горничную и нашего парня из пистолетов, хватают собачку и привет! Потом уж, много позже, выяснилось: наследнику той графини, шалопаю, надоело ждать, пока ему ее миллионы достанутся, и он здраво рассчитал — случись что с собачкой, старуху хватит удар и можно бежать к нотариусу. И ведь, что ты думаешь, правильно рассчитал! У графини-таки случился инфаркт, и через два месяца он ее схоронил. Но нашего-то парня уже не воскресишь. Вроде бы такая тихая работенка

— собачку охранять, а вон что вышло…

— Ну и чем все это кончилось? — Кар был откровенно заинтересован. — Ты говоришь, выяснилось про наследника.

— Э, брат, дело в том, что такие дела «Око» не прощает. Если нашего человека убивают, да еще похищают охраняемое имущество, это скандал, катастрофа! Такой удар по престижу агентства — хуже нет! Заметь, если б он погиб, а собачку сохранил — совсем другое дело. Все наоборот — героическая смерть во имя спасения имущества клиента! Ура, ура! А так… Поэтому тут уж вся машина заработала. Словом, и полгода не прошло, как разыскали наши этих наемных убийц и втихую задержали, в нашем подвальчике поговорили с ними и вышли на этого наследника.

— А дальше?

— А дальше передали дело полиции, был суд. Получил он двадцать лет и живет себе в тюрьме. Условия хорошие, еда домашняя, камера с телевизором… Наследство-то он законно получил, так что деньжата у него водятся, и живет он сносно. Но, конечно, в тюрьме.

— А убийцы?

— Те получили пожизненное. Как же, два убийства! Это их счастье, иначе давно бы на тот свет

отправились.

— Не понимаю.

— Чего тут понимать, Кар! Неужели ты думаешь, наши их бы не прикончили? Сначала нельзя было, требовались свидетели, чтоб этого наследника изобличить. А потом уж и их самих осудили.

— Ты хочешь сказать, — Кар продолжал не понимать, — что наше агентство в случае чего само, так сказать, вершит правосудие?

— Что ты удивляешься, — теперь не понимал Лоридан, — если убивают полицейского и другие полицейские задерживают убийцу, они что ж, оставят его в живых? Тебе известен хоть один такой случай? Да если он даже сам прибежит и у прокурора или судьи в кабинете спрячется, так все равно его пристрелят при попытке к бегству, когда перевозить будут, или он покончит с собой, или отравится тухлой колбасой в тюрьме, или еще что-нибудь. Полицейские убийства своего товарища никогда не прощают. А мы чем хуже?

— Понятно, — задумчиво произнес Кар. — Во всяком случае, после твоего рассказа я лучше в пекло буду проситься, чем у богатых старушек птичек и собачек охранять…

Лоридан расхохотался.

— Эх, брат, в нашем бизнесе никто ничего сказать наперед не может. Так что работай, а в конце недели получай денежки. Женись, заведи детей…

— То-то ты, я смотрю, целую дюжину завел. Нет уж, с этим спешить не собираюсь.

— Ну с детьми ладно, я, как видишь, тоже не спешу, да и Бет считает, что из-за них фигура портится. А вот жениться советую.

— Еще бы, теперь, когда я знаю, что моя вдова получит пенсию, — не без сарказма заметил Кар.

— Эх, хорошие девчонки есть у нас в «Оке». Ты даже представить себе не можешь, какие! — Лор мечтательно вздохнул.

Этот разговор друзья вели, воспользовавшись тем, что Элизабет вышла из комнаты.

Когда она вновь зашла, то, словно подслушав их разговор (а может, и действительно так), сказала:

— Знаешь, Ал, у них в агентстве есть несколько красоток для специального использования, так, смотри, не попадись им в лапы.

— Для специального использования — это как понять? — Кар насторожился.

— Ну, — пояснил Лоридан, — надо, скажем, добыть для бабы, которая хочет разойтись с му-

жем, доказательства супружеской измены. Вот нашу красотку и подбрасывают такому супругу. Она живой свидетель, да еще там всякие фото, письма. И привет, сгорел голубчик. А довольная разведенная отваливает «Оку» приличный куш из денег, которые ее лопух платит ей теперь как алименты.

— Но ведь может быть и наоборот, — подумав, сказал Кар, — когда разойтись хочет муж и подбросить липового любовника надо жене? Верно?

— Верно, и такие услуги оказываем, — рассмеялся Лоридан, — для этого у нас тоже существуют спецкрасавчики. Дай бог работа!

— Интересно… — Кар покачал головой. — Чем только твое, прости, теперь и мое, агентство не занимается!

— Погоди, — заметил Лоридан, — ты еще много чего узнаешь. Мой тебе совет — не удивляйся, не задавай вопросов, а главное, помалкивай, не лезь со своим мнением. На заводе директор не любит, когда рабочий начинает его учить, как завинтить гайку. Вот и наше дело — выполнять, что говорят. Но главное — помалкивать. Ясно?

— Ясно, — проворчал Кар и встал. — Пойду спать. Завтра у меня первый рабочий день. Негоже опаздывать.

Глава IV
ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ

Итак, в жизни Кара началась новая полоса.

Он стал служащим, служащим большого частного предприятия, маленьким его винтиком.

Это было удачей. Когда в стране ходили сотни тысяч безработных, здоровых, в расцвете сил, имеющих профессии людей, он сразу получил работу. Хорошо оплачиваемую, хоть порой и хлопотную. У него была отличная квартира, собственная машина, кое-что в банке. Был верный и надежный друг.

Позади остались кошмары дурацкой войны, из которой — еще одна удача — он вышел без болезней и увечий (и, между прочим, живым).

Словом, все было прекрасно. Не хватало только завести подружку, чтоб не было одиноко, чтобы пойти с ней в кино или погулять в парк, покататься вдоль моря на машине или полежать на пляже. Чтоб ему было приятно просто посидеть с ней, поговорить и чтоб от одной мысли о ней у него становилось радостно на душе.

Да что это он, совсем рехнулся! — встряхивался Кар. Так недолго и до женитьбы, к которой

его мягко, но настойчиво толкала Элизабет. Жениться! Это же бред, конец спокойной веселой жизни!

А может быть, как раз начало?

Кара раздирали противоречия. Он поймал себя на том, что со своими новыми товарищами по работе, а их появилось немало, он частенько заводит «брачные разговоры», как он сам их называл. Расспрашивал, женат ли его новый знакомый, а если женат, то доволен ли, радуется или тяготится семейной жизнью.

Выяснилось, что однозначных ответов нет. Большинство сотрудников агентства были женаты, имели детей. Кто-то счастлив, кто-то нет, кто-то верит жене, а кто-то ревнует ее, были и разведенные, и вдовцы, дважды и даже трижды женатые.

Короче, оказалось, что его товарищи по работе ничем не отличаются от всех других людей и мнения о браке у них разные.

Так что решать следовало самому.

Рассудительная Элизабет, с которой он делился своими заботами, говорила:

— Ты не с того конца взялся, что ты тут устраиваешь какие-то социологические исследования. Ты влюбись! Ну, не влюбись, так хоть начни

встречаться с девушкой, которая тебе симпатична, нравится, с которой тебе приятно проводить время. А девушек в агентстве много. Между прочим, то, что они там работают, определенная гарантия порядочности, здоровья.

— Особенно те, кого для бракоразводных процессов подставляют… — усмехнулся Кар.

— Ну и что, — серьезно возражала Элизабет, — это же работа. Мало ли что от тебя потребует твой служебный долг. А если тебе по работе придется человека поколотить? Служба, никуда не денешься.

— Интересно, что бы ты сказала, если б Лору надо было по делам службы наставить тебе рога?

— Ничего бы не сказала. Значит, такое задание. Любит-то он меня. Ты какой-то странный. Не путай, пожалуйста, высокие чувства с грязной работой. Есть такая, что ж делать, если приходится ее выполнять.

Эта странная философия слегка шокировала Кара. Но в вопросах брака и любви он как-то уже привык доверять Элизабет.

Он пока бездельничал.

— Присматривайся, — сказал ему Шмидт.

И Кар присматривался. Ему и в голову не приходило, что присматривались-то к нему. Он не

знал, что та проверка, которую он проходил при поступлении, пустяк по сравнению с той, которой он подвергался сейчас.

Правда, бегать, прыгать и водить мотоцикл никто его не заставлял, но зато разными путями — опросами коллег, наблюдением, иногда даже слежкой, подслушиванием с помощью «жучка», без труда установленного в его отсутствие в квартире, нечаянными вопросами в разговорах — его просвечивали и экзаменовали в эти первые недели работы тщательнейшим образом. Будь он поопытней, он, быть может, что-нибудь и почувствовал, удивился бы, что вдруг кто-то из коллег, понизив голос, предлагает сходить в «дом для публики» или спрашивает, какой наркотик дешевле. Но Кар был далек от всего этого и потому, наверное, без труда выдержал и вторую проверку. Начальство было удовлетворено, о чем он и не подозревал.

Его стали привлекать к делу.

— Значит, так, Кар, — сказал ему однажды Шмидт, — с сегодняшнего дня будешь оберегать одного психа, который боится, что его похитят. Миллионер из Штатов. Приедет для каких-то переговоров с нашими курортными боссами. И обратился к нам, просит, пока будет здесь, при-

ставить к нему телохранителя.

В тот же вечер Кар встречал «психа» на аэродроме. Его протеже оказался пожилым, весьма самоуверенным, громогласным и грубоватым человеком и никак не производил впечатление труса, опасающегося за свою жизнь.

— Ах, это ты, ангел-хранитель! — громко воскликнул он, когда Кар представился ему, и с такой силой хлопнул своего «ангела» по плечу, что чуть не вогнал его в землю.

Они уселись в огромный «кадиллак», предоставленный гостю его местными контрагентами. Кар сел рядом с шофером и внимательно огляделся, но ничего подозрительного не заметил.

Они прибыли в отель и отправились ужинать. Надо отдать должное: гость был человеком широким и кормил и поил своего «ангела» с размахом. Сам он основательно напился, и Кар еле дотащил его до апартаментов люкса, которые были для него сняты.

По дороге американец бормотал что-то невнятное о своих гениальных коммерческих способностях, о том, какие отели он здесь построит и как он «проглотит» всю эту мелюзгу…

Утром (Кар ночевал в холле люкса) гость был свеж как огурчик, весь день мотался по побе-

режью со своими коммерческими партнерами, осматривая земельные участки.

Вечером в его честь устроили ужин, на котором он пил мало, произносил веселые, хотя и грубоватые тосты и рано ушел спать. Утомленный всей этой суетой, Кар уже предвкушал сладкий сон, но в этот момент из спальни вышел его клиент. Кар вытаращил глаза: на американце был дешевый джинсовый костюм, мягкая шляпа и сапожки.

— Поехали, отдохнем! — заявил он.

Они выбрались из отеля через черный вход и направились в один из портовых кабачков, о котором, к удивлению Кара, американец был хорошо осведомлен, словно всю жизнь жил в этом городе. Там они провели полночи, гость опять напился до потери сознания, и Кар, пыхтя и отдуваясь, притащил его домой.

Так продолжалось всю неделю. И только проводив американца в аэропорт, Кар, наконец, сообразил, что требовался своему хозяину вовсе не для охраны его никому не нужной персоны, а для того, чтобы доставлять его домой после ежевечерней пьянки.

Впрочем, на прощание он подарил Кару золотую зажигалку с эмблемой своей фирмы.

Потом Кару пришлось вместе с еще дюжиной

сотрудников «Ока» выполнять жуткую работу: охранять на время двухдневных гастролей приезжую эстрадную звезду — маленького чернявого итальянца, пользующегося невероятной популярностью в их стране.

Вот уж где пришлось попотеть!

Итальянец перемещался в бронированном лимузине, в котором сидели, кроме него и шофера, еще четверо здоровенных ребят — его личная, так сказать, «домашняя» охрана, которую он привез с собой.

Сзади шли еще две машины с охранниками из «Ока».

Когда кортеж подъезжал к залу, где проходил концерт, там уже ожидала несметная толпа, еле удерживаемая двойным кордоном полицейских.

Самое трудное было — пройти пять-шесть метров до подъезда. Несмотря на полицию, десятку фанатов все же удавалось прорваться к «звезде». Они были вооружены блокнотами, авторучками, букетами, иногда ножницами (чтоб отхватить у кумира пуговицу, кусочек полы или рукава на память).

Вот тут-то и начиналась работа для Кара и его товарищей. Фанатов, или, еще более сокращенно, фанов, беспощадно отбрасывали, порой заламы-

вая руки, выталкивали снова в толпу, иногда приходилось особенно настойчивых укладывать приемом каратэ. Поскольку в большинстве своем это были девушки, они визжали, кусались, царапались, дрались ногами. После таких рукопашных стычек сотрудники «Ока» походили на охотников за дикими кошками — изодранные, исцарапанные, с порванными костюмами. Они отдыхали за кулисами, пока шел концерт, а когда «звезда» выходила, чтобы ехать в отель, все начиналось сначала.

— Просто хочется вернуться в наши тихие безопасные джунгли, — пошутил Кар, когда они с Лориданом, входившим в ту же команду, возвращались домой. — Там всего лишь стреляют.

После отъезда «звезды» они еще долго не могли очухаться.

Вообще-то работа Кару нравилась — не надо было являться слишком рано, отсиживать часы. А то, что приходилось не спать ночами, кое-чем рисковать, влезать в потасовки, так это ему даже по вкусу — бока-то он мял другим, а не они ему.

Все эти задания были не такими уж трудными, кого-то охраняешь, за кем-то следишь.

Выяснилась одна неожиданная вещь — оказалось, что Кар прямо рожден для слежки. Несмотря

на высокий рост, красивое, запоминающееся лицо, он умудрялся оставаться незамеченным для преследуемого, умудрялся теряться в толпе и вообще оставаться невидимым. Конечно, пешком в городе мало кто ходил, все раскатывали на машинах, но как раз осуществлять слежку на машине — тут он был мастер. Кар лишний раз поздравил себя с тем, что приобрел неприметный подержанный автомобиль темного цвета. Таких десятки тысяч колесят по дорогам и улицам страны.

Эту его способность начальство оценило сразу.

— Слушай, парень, — каждый раз говорил ему Шмидт своим густым басом, — ты, оказывается, ас по автомобильной части, от тебя ни один ловкач не удерет. Молодец! Значит, вот какое дельце.

И он излагал очередное задание: такой-то тип (вот фото, посмотри внимательно и запомни) живет там-то, есть сведения, что каждый вечер, куда-то мотается. Куда?

Через неделю Кар докладывал. Подчас он даже не знал, за кем следит, тем более зачем. Его дело было выяснить, куда человек ездил, он и выяснял. Остальное его не интересовало. Вот что его интересовало, так это премии за хорошую работу, и когда он получал их, то вырастал в собственных глазах.

— Слушай, Лор, — делился он с другом, сидя у него вечером за ужином, как это часто теперь бывало, — ты все-таки молодец, здорово меня устроил. Я тебе век обязан буду…

— Да брось, — смущенно, но довольно бормотал Лор, — будто ты бы не сделал того же для меня.

— Действительно, — вступала в разговор Элизабет, — вы же друзья, о чем речь.

Бывая у них дома, Кар испытывал двойственное чувство. С одной стороны, ему было удивительно уютно в этом доме, у настоящих друзей, да и куда ему, одинокому, никого не знавшему в городе, еще идти? С другой — ему казалось, что он уж очень злоупотребляет гостеприимством Лоридановв, не дает им проводить вечера вдвоем.

Он злился на себя, что вот уж сколько времени в городе, а все никого толком не знает. Два-три знакомства со случайными женщинами оставляли только чувство разочарования.

— Слушай, Бет, — набравшись духа, заявил он требовательно, — неужели у тебя нет каких-нибудь интересных подруг, не таких, как ты, конечно, но хотя бы тебе по щиколотку? Ну что я все вам надоедаю? Неужели ты не испытываешь угрызений совести: вот, мол, друг погибает в одиночестве? А? Бет?

Видимо, Элизабет тут же почувствовала эти угрызения, потому что воскликнула:

— Ты прав, свинство, прямо завтра же займусь устройством твоей личной жизни!

— Погоди, — испугался Кар, — личная жизнь — дело серьезное. Ты сначала найди мне просто, ну, эту, в общем, подругу, а там…

— Не беспокойся, — сказала Элизабет, — квартиру я тебе удачно подобрала? Гардероб? Машину? Ну вот, и подругу получишь — останешься доволен.

— Да у нас в агентстве есть девочки… — попытался было вмешаться Лоридан, но жена перебила его:

— Да брось ты этих девочек! Вертихвостки! А ему нужно что-то серьезное — не разовый билет, а постоянный абонемент. На всю жизнь. Понимаешь?

Лоридан пожал плечами.

Кар остался доволен, теперь ответственность за его сердечные дела взяла на себя Элизабет. И если он будет лишний раз торчать у них — не его вина, значит, она плохо старается!

Однако не Элизабет суждено было наладить неустроенную жизнь Кара. В таких делах основную роль играет случай. Так произошло и на

этот раз.

Своим орудием судьба избрала не очаровательную Элизабет, а усатого и бородатого Шмидта.

Дня через два после того вечернего разговора он вызвал Кара и Лоридана к себе.

— Задание чрезвычайной важности и трудности. Такого еще не было! — сказал Шмидт.

Поскольку он частенько начинал разговор с этих слов, они спокойно ждали продолжения.

— Значит, так, — начал Шмидт излагать, как он любил выражаться, «вводную». Это напоминало дорогое его сердцу время войны. — Живет на свете жутко богатая молодая пара. И оба жутко ревнивы. Муж через день по вечерам куда-то таинственно исчезает, возвращается — от него разит, виноват, пахнет духами. Значит, жена просит выяснить, в чем дело, куда ходит, к кому, что за стерва, с которой он ей изменяет, как поймать его с поличным, где их застукать, ну и так далее. Вроде бы дело простое, мальчики, черта с два! Видите ли, эта самая жена, когда ее муж торчит в своей фирме, где он президент — генеральный директор, сама куда-то смывается, всегда в одно время. Он желает знать — куда? Ему донесли, что ее видели в машине за городом с каким-то молодым красавцем. Кто это? Как их поймать? И

так далее. Он тоже обратился к нам…

— Так что ж, мы обоими будем заниматься? — недоверчиво спросил Лоридан.

— Конечно. Оба платят по высшей таксе. Разумеется, они не знают, что наше агентство работает на каждого из них.

— Но как может один адвокат защищать и жертву и преступника?

— Видишь ли, адвокат не может. Но мы-то не адвокаты! Мы фирма — к нам за услугой обратились два клиента, а что их интересы противоречат другу другу — не наше дело. Нам платят за сведения — мы их и доставляем. А как они потом будут разбираться — пусть сами решают.

— Интересно, — задумчиво протянул Кар.

— Очень, — подтвердил Шмидт. — Кстати, ты, значит, будешь следить за ним, а Лоридан за ней. Держите связь, мальчики. Можете пригодиться друг другу. Все понятно? Идите же в справочную — получите данные.

И друзья отправились знакомиться с деталями этого задания.

В специальной комнате, за семью замками, в бронированных сейфах хранились договора с клиентами. К договорам были приложены все данные, какие клиенты могли или хотели

предоставить фирме, чтобы облегчить работу ее агентам.

— Как тебе это нравится! — весело воскликнул Лоридан, получая папку с делом своей подопечной. — Не проще ли их собрать у нас и поговорить по душам: эй, ребята, скажите прямо, кто кому с кем рога наставляет? Экономия для семейного бюджета, и не надо на две слежки тратиться. Ха-ха!

Но Кар отнесся к делу серьезно.

— Чего смеешься? Небось, если б Бет с каким-то красавцем разъезжала, ты бы не очень веселился.

— Я бы? Уж я бы к услугам «Ока» не прибегал. Сам бы все выяснил или сам бы ей голову открутил.

— Ах ах! Открутил, смотри, как бы она тебе голову не открутила, коль узнает о твоих невинных шалостях…

— Ладно, ладно. Так что там в папках, давай посмотрим.

Семья Мартинетти состояла из трех человек — итальянца Рафика Мартинетти, англичанки Луизы Мартинетти (урожденная Трентон) и пятилетнего Луиджи Мартинетти. Последний сотрудников «Ока» (а похоже, и родителей) не

интересовал. Во всяком случае, судя по числу нянек и гувернанток, он вполне мог обойтись без родительского внимания. Кстати, за ним круглые сутки присматривал и охранник, нанятый в том же «Оке». Чтоб ребенка не похитили.

Молодые супруги, если верить их собственным высказываниям, обожали друг друга, так что, волей-неволей, возникало сомнение в их обоюдной измене. Но, в конце концов, мнение агентства никто не спрашивал, спрашивали факты и за это хорошо платили. А уж факты будут истолковывать сами заинтересованные.

Жили супруги в собственном доме, у моря, в двадцати минутах езды от города. Говорили между собой на итальянском, поскольку муж английским не владел. Он ездил на спортивном «ягуаре», она — на семейном «форде» с шофером, так как не водила машину. Маленького Мартинетти охранник возил в «вольво». Супруги вели светский образ жизни, мотались по приемам, по гостям, по разным фестивалям, скачкам, спортивным зрелищам, концертам.

Рафик, возглавляя крупную фирму, с утра до шести-семи вечера торчал в своей конторе, но в последнее время регулярно задерживался якобы на каких-то заседаниях правления и деловых

встречах. Это бывало и раньше, но подозрений у Луизы не вызывало, так как он по двадцать раз на день звонил. Впрочем, звонил он и теперь, однако какие-то два часа — с семи до девяти вечера — не звонил никогда. В чем дело? Где он через день эти два часа проводит? Во всяком случае, как установила жена, не у себя в офисе.

Что касается само́й очаровательной Луизы, то она целый день разъезжала по магазинам, портнихам, косметическим салонам, подругам. Шофер вечно таскал за ней горы покупок. И только утром, обычно с одиннадцати-двенадцати часов, она отпускала шофера и на какое-то время исчезала. Куда?

Сначала дело показалось несложным — проследить, где в указанное время обретаются подозреваемые, и вся работа. Но неожиданно все оказалось сложней.

Встретившись через неделю в баре напротив агентства, Кар и Лоридан делились впечатлениями, что, к слову сказать, было категорически запрещено. Говорить о текущих, а желательно и о прошлых делах разрешалось только в специально отведенных помещениях, гарантированных от подслушивания. Но когда речь шла о делах, подобных тому, которое их сейчас занимало,

запрет частенько нарушался. Ну кого, кроме них, интересует эта рогатая пара?

— Что она его обманывает, сомнений нет, — начал Лоридан. — Но с кем? Я ее выследил не без труда. Дело в том, что она в самый неожиданный момент вылезает из своей машины где-нибудь в центре, отправляет шофера домой, а сама, дождавшись, пока он скроется из глаз, хватает такси, а то и в автобус садится и едет на окраину. Никогда не знаешь, что выберет. Выскочишь из машины, а она — в такси, не бежать же обратно к машине. А будешь сидеть за рулем и ждать, пока она в такси сядет, она раз — и на автобус. Словом, попотел я, пока наконец установил, куда она мотается.

Лоридан перевел дух и отпил пива.

— Так куда? — поторопил Кар.

— Мотается она к большому дому на окраине, входит в него и тут же выходит с каким-то пижоном. Они садятся в его гоночную машину — ах, какой «тальбот»! — и уезжают. Попытался я сначала увязаться за ними, да куда там! Парень, сразу видно, гонщик. Ну, навел справки — действительно гонщик, небедный, владелец гаража, пары заправочных станций, курсов автолюбителей, ремонтной мастерской. Видный, красивый.

Но зачем уезжают и куда? Что, в городе квартир или отелей мало? Тем более что он холостяк, так что и у него дома можно оставаться. А теперь слушай самое важное.

Лоридан сделал эффектную паузу, не спеша потягивая пиво.

— Ну, так что дальше? Чего тянешь, черт возьми! — Кар не потерял детского любопытства к разным детективным историям, хотя и занимался ими сам.

— А то важно, — предвидя эффект, сказал наконец Лоридан, — что этот красавчик и твой клиент, господин Рафик Мартинетти, отлично знакомы!

— Ну да! — Кар вытаращил глаза. — Знакомы?

— Представь себе. Я все же, ты меня знаешь, профессионал до мозга костей, это какой-нибудь осел или бездельник пройдутся за дамой пару раз — вот адрес, а дальше умывают руки. Нет, я понаблюдал за домом, за гостями, да и за мужем, твоим клиентом. Не заметил?

— Заметил, заметил, — проворчал Кар, — не такой уж я осел, как ты думаешь.

— Я не на тебя. И вот, как-то раз, когда они устраивали у себя вечеринку, этот красавчик тоже был среди гостей. Прикатывает на своем «тальботе» и входит в дом как ни в чем не бывало. В дом я,

конечно, не вхож, но однажды видел, как они вместе с этим Мартинетти вышли обнявшись. Судя по всему, выпили порядочно. Между прочим, это не помешало моему гонщику так рвануть с места, что я думал, он автомобиль с самолетом спутал. Ну, что скажешь?

— А чего тут говорить, — пожал плечами Кар. — Что это, первый раз, что ли, когда верная супруга наставляет рога своему муженьку с его же верным другом? Дело закрыл?

— Как это закрыл? — вскинулся Лоридан. — Надо, главное, установить, куда они мотаются, чем занимаются там.

— Ну, чем занимаются, — усмехнулся Кар, — я тебе и сейчас могу нарисовать, а вот где… конечно, надо выяснить. Вдруг муж захочет лично застать там свою супружницу? Или адвокаты, для бракоразводного процесса.

— Вот-вот. Так что вчера, как раз когда этот красавчик был у них на очередном приеме, я установил у него под машиной «жучок», ну, знаешь, который сигнал подает. И теперь могу не спеша следовать за ними, никуда не скроются. Рано или поздно остановиться-то придется, вот тут я и подъеду, посмотрю, где это их гнездышко, на какой ветке. Тогда и сдам отчет. А у тебя как?

— У меня дело посложней, — задумчиво произнес Кар. — Много неясного.

— Но адрес-то установил?

— Адрес-то установил. Вот это меня и смущает. Понимаешь, была б у него любовница, все ясно. А тут, похоже, тайный дом свиданий… Короче, большая квартира в скромном доме, и туда, к этой женщине…

— Ах, так ты объект установил?

— Не перебивай. «Объект»! Обыкновенная учителка! Преподает в Университете языки. Притворяется скромницей, очки носит. Но интересная и молодая, а уж фигура!..

— Да? — У Лоридана заблестели глаза. — Опиши.

— Ох, и бабник ты, Лор, неисправимый. У тебя Бет прекрасней всех женщин, ты сам говорил. Ладно. Словом, интересная, но ничего особенного, пройдешь мимо — не заметишь. Вот к ней регулярно с семи до девяти по вечерам он и ходит. Но дело в том — я все-таки тоже профессионал, поэтому не один вечер там проторчал, — что не один он к ней ходит.

— Ну да?

— И до него, так часиков в пять, и после, и в те дни, когда он не бывает, заглядывают туда моло-

дые ребята и, что самое удивительное, девочки тоже. Когда по двое, по трое, но не потаскушки какие-нибудь. Словом, проследил на выбор, оказалось, все студенты и студентки, все молодые. Так что картина ясная — дом свиданий! Видимо, сдает им почасно квартиру и — пикантная подробность — сама там присутствует и наверняка в этих оргиях участвует. Та еще штучка! И этот наш Мартинетти тоже развратник, первый сорт! Могу закрывать дело. А, Лор, ничего себе парочка? Да еще тут у Шмидта чуть не плакали, как друг друга любят. Вот потеха!

— Потеха-то потеха, — озабоченно покачал головой Лоридан, — но когда мы им все это изложим, как бы чего не случилось. У него точно есть пистолеты, и у гонщика тоже, сам проверил, машину-то я обыскал. И оба — народ решительный. Кабы чего не натворили.

— Думаешь, могут? — встревожился Кар.

— Все могут. Но, Ал, какое нам-то в конце концов дело? Нас нанимают, чтоб доставлять сведения, это единственное, чем занимается, кроме охраны, агентство. А за последствия мы не отвечаем.

Развязка всей этой истории оказалась совершенно неожиданной и долго вызывала смех у тех немногих, кто о ней знал.

«Жучок» сделал свое дело: не претендуя догнать на скромном «форде» великолепную гоночную «тальбот», Лоридан, ведомый тайным радиомаяком, проследил-таки за подозреваемой парой. «Жучок» через сеть пригородных дорог вывел его на территорию недостроенного аэродрома — выяснилось, что по каким-то причинам место не годится, вот и осталась гигантская бетонная площадка. На этой площадке по ночам с чудовищным грохотом мчались юные мотоциклисты, репетируя ночные же налеты на городские улицы, днем медленно, еле-еле ползали учившиеся автовождению старички, по краям носились лихие роликобежцы.

Спрятавшись в окружавших площадку кустах, не веря глазам, Лоридан в бинокль следил за тем, как «тайный любовник», пересадив Луизу Мартинетти на свое место, внимательно и заботливо обучал ее автомобильному вождению.

Тренировка длилась долго. Наконец, удовлетворенные результатом, Луиза и ее учитель вернулись домой, сопровождаемые на отдалении Лориданом.

— Вот так, Ал. Дело закрыто. Все оказалось очень просто: она, любящая жена, решила сделать мужу сюрприз — научиться водить машину.

Предвкушала эффект: небрежно сядет за руль и на глазах у потрясенного Рафика легко поведет драндулет. Но важен именно сюрприз. Отсюда и вся конспирация, в которой участвовал и лучший друг Мартинетти, этот гонщик. По указу Шмидта я к нему съездил и откровенно поговорил. Посмеялись и решили, что агентство передаст отчет Мартинетти после того, как Луиза преподнесет мужу свой сюрприз, он сказал, что она это сделает уже на той неделе.

Вот так обстояло дело с «ней». А с «ним»? Получилось еще забавнее.

Кар уже не ездил хвостом за машиной Рафика Мартинетти. Он просто подъезжал к дому, останавливался на некотором расстоянии и хронометрировал приходы и уходы своего подопечного.

Наблюдал он и за другими посетителями «дома» и лишний раз убедился, что это студенты знаменитого местного Университета, где преподавала хозяйка квартиры.

Вот она-то и стала все больше привлекать его внимание. За время своих долгих дежурств он успел к ней присмотреться, тем более что, как и должен был, навел о ней справки в Университете.

Он знал теперь, что зовут ее Серэна Рендо, что преподает она английский, играет два раза в неделю в теннис, сирота, замужем не была, явного (и, видимо, тайного) любовника не имеет, хотя часто бывает в компаниях, активно занимается общественной деятельностью в студенческих и молодежных кругах, участвует в каких-то пацифистских, экологических, миротворческих, черт их знает каких еще движениях. Кар в этом плохо разбирался. Даже ходит на митинги и собрания. То, что она совмещает это со своей гнусной профессией содержательницы дома свиданий, смущало Кара. Но в конце концов, в какие только одежды не рядится порок!

Хотя жила Серэна в довольно скромном доме, но зарабатывала, видимо, неплохо. Она хорошо одевалась, у нее был маленький «опель». Наверняка еще что-то откладывала, ибо ее тайная притонная деятельность уж точно приносила неплохой доход.

Кар видел ее в разных обличьях: в строгом костюме и очках без оправы, когда она отправлялась в Университет; в кожаной мини-юбке, открывавшей стройные ноги, в супермодных дымчатых очках, когда она ехала на студенческую вечеринку или в дискотеку; в джинсовых

брюках и обтягивающей безрукавке или мужской рубашке, когда она мчалась на свои дурацкие митинги.

Кар убедился, что Серэна очень интересная девушка, что у нее красивое лицо, что ей идет короткая стрижка, а уж фигура у нее ну прямо замечательная.

Он сам не заметил, как все раньше и раньше приезжал на свой пост, все чаще шел или ехал за Серэной (вместо того, чтобы следить за Мартинетти). Он ловил себя на том, что ревнует ее к ее друзьям-студентам и вообще хочет видеть ее каждый день. И не только видеть…

Останавливала мысль о ее гнусной профессии, о том, что не студенты это, а клиенты, и вообще…

В какой-то момент он начал убеждать себя, что для полноценного выполнения своей миссии ему необходимо с ней познакомиться и путем коварных и хитрых вопросов окончательно изобличить этого волокиту и сластолюбца Мартинетти.

Он даже согласовал свое мероприятие с начальством.

— Правильно, — одобрил Шмидт, — и захвати микрофончик. Если расколешь, мы за пленку с этой Луизы Мартинетти дополнительную плату

сдерем. Тогда ведь голубчику перед судом не отвертеться!

И Кар приступил к осуществлению тщательно продуманной операции.

У него, красивого, мужественного, великолепно сложенного, элегантного, вообще неотразимого парня, существовало множество способов познакомиться с женщиной.

Он избрал один из банальнейших, но безотказный.

Когда, вернувшись вечером из Университета, Серэна вбежала в дом (он уже знал, что в таких случаях долго ждать не придется — она спешит на дискотеку), Кар быстрым, хорошо отработанным приемом проделал небольшой фокус с мотором ее маленького «опеля» и вернулся к своей машине.

Серэна выскочила из дома через полчаса, переодевшись и причесавшись заново, вскочила в «опель» и попыталась запустить мотор. Увы, он не запускался. Она подняла капот и несколько минут возилась в моторе. Как и предполагал Кар, Серэна в нем совершенно не разбиралась. Она стояла, растерянно озираясь. Кар в это время медленно выехал на своем новом, недавно приобретенном «мерседесе» из боковой улицы. Увидев девушку в беде, он, как любой галантный

джентльмен, конечно же, остановился и бросился к ней на помощь.

Кар заранее тщательно продумал свой туалет — не хлыщ какой-нибудь, не маменькин сынок, но и не хиппи или бездельник. Нет, перед Серэной стоял голубоглазый широкоплечий спортсмен с мужественным, загорелым лицом, в окно «мерседеса» была видна теннисная ракетка.

— Могу помочь? — участливо спросил Кар, надев на лицо свою самую обаятельную улыбку из имевшихся в его арсенале.

— Да вот, машина не заводится, — уныло призналась Серэна.

— А вы спешите, — утвердительно заметил Кар.

— Честно говоря, да.

— На свидание? — Он улыбнулся так добродушно, что обидеться на него было невозможно, тем более что он уже копался в моторе «опеля».

— А если на свидание? — кокетливо улыбнулась в ответ Серэна.

— Тогда я с отчаянием в сердце обязан помочь.

Оба рассмеялись. И когда Кар закончил «труднейший» ремонт, уже весело болтали и шутили.

— Уж не знаю, как вас отблагодарить? — Серэна озабоченно нахмурила брови.

Весь этот разговор, едва ли не до каждой фразы, был давно запрогнозирован Каром, поэтому и ответ был давно готов.

— Зато я знаю. — Он подмигнул. — Провести со мной два-три часа.

Кар заметил, как сразу напряглась Серэна. «Ага, очередной ловелас, сейчас предложит поход в ресторан, в дискотеку, поездку за город, а если нахал, то и зайти к нему посмотреть его коллекцию японских эстампов». Но и это было предусмотрено. Кар сделал вид, что ничего не заметил. По-прежнему беззаботно улыбаясь, он предложил:

— Приглашаю вас послезавтра на сенсационную встречу. Серьезно, получите громадное удовольствие: Джексон — Стил, оба участвовали в Кубке Дэвиса. — Он перестал улыбаться и вздохнул: — Впрочем, вас это, наверное, не интересует. Это я помешан на теннисе, воображаю, что все остальные тоже. — Он опять улыбнулся: — Пошутил. Для меня достаточная благодарность — знакомство с вами, хотя, боюсь, вряд ли оно продолжится.

Это был не такой уж большой риск, если Сер-

эна не клюнет на приманку сейчас же, то через день-другой произойдет «случайная» встреча, и он, конечно же, скажет: «Ну, теперь это судьба, это рок, это воля божья, уж теперь мы должны еще раз встретиться…» — и т. д. и т. п. Обычный прием. Но сработало сразу.

— Погодите! — воскликнула Серэна, напряжение покинуло ее. — Я хочу на теннис. Я обожаю теннис, сама играю…

— Играете? — В голосе Кара звучал восторг. — Это замечательно. Сыграем с вами? Сыграем! Разгромлю под ноль! А послезавтра жду вас у входа на «Мяч». («Мячом» назывался крупнейший в городе теннисный стадион.)

И через день они сидели на трибуне рядом, кричали, аплодировали, забыв обо всем, хлопали друг друга по ногам и по плечам, сцепляли руки.

От игры чемпионов они пришли в восторг и, покидая стадион, оживленно обменивались впечатлениями. Потом поехали в летнее кафе, потом покатались вдоль берега. Потом Кар проводил ее домой и простился. И ничего себе не позволил (он заметил, как она вновь напряглась в момент прощания).

Они встретились еще два-три раза. Болтали обо всем, больше всего о спорте. Серэна любила спорт

и ценила спортивные качества человека. Они побывали на пляже, и великолепная могучая фигура Кара произвела на нее впечатление. Он же, впервые увидев ее в купальном костюме, не мог отвести глаз, так что в конце концов, к его удивлению, она покраснела и отвернулась.

Сидя под тентом в соломенных креслах и потягивая через соломинку ледяную «севен-ап», они болтали.

— А хорошо оплачивают ваш труд? — словно невзначай спросил Кар (сам он представился тренером по каратэ).

— Не жалуюсь, — ответила Серэна, устремив взгляд в сверкающую на солнце морскую даль, — но чтоб позволить все, чего я хочу, приходится прирабатывать.

— И удается?

— Еще бы! Знаете, сейчас, при современных международных связях, туризме, все хотят изучать языки.

— Вы ведь язык преподаете? Да? Вы как-то говорили.

— Это в Университете. Но я еще даю уроки дома. Понимаете, я сумела овладеть системой ускоренного обучения, не слышали? Ну что вы, это жутко интересно. Я вам расскажу подробно. У

меня двадцать семь учеников, студенты, но есть и постарше. Приходят ко мне домой. И по этой системе через три-четыре месяца уже болтают вовсю. Понимаете, по этой системе…

Она продолжала увлеченно посвящать его в замечательную методику обучения, но Кар не слушал. Он сидел окаменев.

Так вот, значит, каков этот «дом свиданий», эти «оргии», эти «клиенты»! Ее ученики, занятия языком! И Рафик Мартинетти, «ловелас» и «сластолюбец», тайно берущий уроки английского языка, проходит ускоренный курс! Боже мой, какой он идиот! Искусный агент! Ловкий расследователь! Хитроумный Шерлок Холмс! Идиот, кретин, болван!

— …Представляете, — смеялась Серэна, — такой вот нежный муж. Хочет преподнести ей подарок…

Кар спустился на землю.

— Очень интересно, действительно, — пробормотал он. — Подарок?

— Ну да, жена у него англичанка, а он ни слова по-английски, он итальянец — Мартинетти. Вот и решил тайно быстренько изучить английский. Представляете, приходит домой и эдак небрежно с безупречным оксфордским произношением

начинает с ней болтать? Она в обморок! А? Он прямо мечтает об этой минуте!

Да, да, «ловелас» Мартинетти, этот влюбленный муж, в подарок жене учит ее язык, а она — в подарок ему — водить машину. А мы? Следим, выясняем, ищем, с кем изменяет, когда, как? И эти два влюбленных ревнивых дурака! О господи, чего не бывает в жизни!

Он долго хохотал под изумленным взглядом Серэны.

На следующий день Кар доложил Шмидту все. Как уж супруги разобрались друг с другом — это агентства не касалось. Оба дела были закончены и сданы в архив.

А вот «дело» Кара только начиналось. Да, когда бородатый Шмидт пускал его по следу Рафика Мартинетти, вряд ли он догадывался, что стал орудием провидения, что ему суждено было изменить судьбу своего агента.

Итак, дела сдали в архив, а встречи Кара и Серэны продолжались. Не то чтоб слишком часто — ведь днем она была в Университете, вечерами давала частные уроки, да еще всякие митинги, общественные дела, но все же оставались воскресенья, немногие вечера. Требовалось, чтобы еще и Кар был свободен.

Однако удавалось урвать время, чтобы сходить на пляж, поиграть в теннис, посидеть в кафе или баре. Раза два Кар приглашал Серэну к себе домой. Всякий раз она деликатно, но твердо уклонялась. Уклонялся от ее предложений пойти с ней как-нибудь на собрание ее неведомой и, как считал Кар, бессмысленной молодежной организации и он.

— Нет, Серэна, ты пойми (они уже были на «ты»), ну что я там буду делать? Не люблю я эти сборища, — ворчал Кар, — они пахнут политикой, а ею я нахлебался там, в джунглях, так, что на всю жизнь хватит. Пусть уж этим занимаются политиканы…

— Но мы-то не политиканы, Ал, — пыталась она спорить, — мы простые студенты, преподаватели…

— И чего вы добьетесь вашими демонстрациями, листовками, петициями? Ничего, Серэна, не изменится, поверь. Куда вам с ними тягаться!

— С кем с ними? — усмехалась она.

— Ну, с ними, с этими (действительно, с кем?)… с начальством, — нашел он наконец подходящее, как ему казалось, слово. — Начальство всегда сделает как захочет. Начальство…

— Да перестань повторять как попугай «начальство, начальство». — Она краснела от негодова-

ния. — И не таких в мусорный ящик скидывали!

— Чего вы хотите, в конце концов? — Кара тоже, хотя и по другой причине, раздражал этот спор.

— Мы — «Очищение», мы хотим очистить наше общество, нашу планету от всего вредного, грязного, наносного. От заводов, отравляющих леса и реки, от оружия, грозящего уничтожением человечества, от политиканов, милитаристов, заражающих наши народы…

— Ясно, ясно! — перебивал Кар. — Все ясно. Боритесь, воюйте. Только, пожалуйста, Серэна, меня оставь в покое. Я слабый, одинокий борец за физическое совершенствование людей с помощью спорта. Это тоже доброе дело. Так что давай каждый бороться своими средствами: ты — собраниями, я — каратэ. Идет? И не будем из-за этого ссориться. Ей-богу, для этого нет причин.

— Ладно. — Она была отходчива. — Что делать, если ты такой несознательный и малограмотный в общественных делах. Не буду терять надежду переделать тебя. А сейчас поехали на стадион, уж там я тебе покажу!

Они ехали на стадион, и она действительно «показывала», так как играла в теннис отлично, и ему не часто удавалось у нее выиграть.

Однажды случилось так, что она спасла ему

жизнь. Это казалось невероятным, это случается только в кино! А вот случилось в действительности.

Воскресным днем они отправились на пляж. Солнце грело вовсю, сезон был в разгаре, и тысячи людей заполнили широкую песочную полосу между прибрежным шоссе и морем.

Кого здесь только не было! Под гигантскими зонтами восседали столь толстые мужчины и женщины, что казалось, войди они в воду, и море выплеснется из берегов. Как правило, их окружали выводки детишек, кричавших, визжавших, смеявшихся, ревевших, вечно куда-то убегавших к ужасу родителей. У пляжных баров толпилась молодежь — щеголявшие чудовищной мускулатурой культуристы, великолепные девушки в бикини.

По золотому песку гуляли пары, бегали собачки, кто-то исчезал в волнах, метал тарелочки, кто-то загорал, читал, болтал, смеялся.

В воде у берега плескались малыши, подальше, застыв неподвижно, по колено, по пояс, по грудь в воде купались те, кто не владел брассом, баттерфляем или вольным стилем. Те же, кто владел, уплывали в синюю даль.

Море бороздили моторки, серфинги, водные

велосипеды. А над всем этим неподвижно висело круглое слепящее солнце. Было жарко, пахло морским ветром, солью, нагретым песком, всевозможными ароматными лосьонами, мазями, амбрами.

…Они лежали в тени большого разноцветного зонта и лениво болтали, глядя на море сквозь дымчатые, очень большие, модные в тот сезон очки.

— Так бы лежать да лежать всю жизнь, — задумчиво говорил Кар, — чтоб солнце светило, и чтоб море плескалось, и чтоб самая красивая в мире девушка была рядом, и чтоб никто не стрелял в тебя…

— Ага! — торжествующе воскликнула Серэна. — Чтоб никто не стрелял в тебя. Это ты сам сказал. Не я. Значит, все-таки чему-то тебя война научила. Соображаешь. Не хочешь, чтоб тебя убивали…

— Не хочу! — громко сказал Кар.

— А сделать для этого тоже ничего не хочешь! Неужели не ясно, что с войной надо воевать не меньше, чем на самой войне?

— Ох, брось ты. — Кар устало прикрыл глаза, — Не лови меня на слове. Давай так — ты защищай меня от войны, а я буду от войны отдыхать. Если

б ты знала, что это такое, то никогда не болтала бы на эту тему!

— Что касается самой красивой девушки в мире, — довольно непоследовательно заявила Серэна, — то не будь мелким льстецом и крупным ханжой: вон сколько их мотается по пляжу, действительно красивых. Ой, смотри, какой забавный толстяк, и трусы у него до колен, а уж цвет — какие-то маргаритки, ха-ха! — Серэна залилась смехом.

Загорали, болтали, потом пошли в воду и поплыли. Заплыли далеко — оба были неплохими пловцами, сильными, выносливыми.

Но так случилось, что в километре от берега у проносившегося невдалеке скутера внезапно оторвалась какая-то дощечка и, словно бумеранг, ударила Кара по голове. Удар был настолько сильным, что Кар потерял сознание. Серэна не растерялась, она мгновенно заметила это, двумя гребками приблизилась к нему и, подхватив ловким приемом, поплыла к берегу. Вскоре на ее призыв откликнулись другие пловцы и быстро оказали помощь. Кар пришел в себя.

Потом они сидели в баре, с помощью джина восстанавливая силы.

Рана оказалась пустяковой, но удар был силь-

ный. Кар сидел вялый, бледный. И Серэна хмурилась.

— Ты ведь мне сейчас жизнь спасла, — после долгого молчания негромко сказал Кар.

Она ничего не ответила.

— Выходит, я обязан тебе жизнью, — так же тихо повторил он. — Это долг, который ничем, кроме жизни, не оплатишь. Придется мне теперь всю мою посвятить тебе. — Он слабо улыбнулся.

Она снова промолчала.

— Что ж делать, Серэна?

— Ничего, — нарушила она наконец молчание, — не торопи меня. Подумаешь, из воды вытащила, да и не я одна.

— Нет, ты одна меня спасла, и я обязан тебе жизнью, — настойчиво повторил Кар.

— Хорошо, — вздохнула Серэна, — я найду, как ею распорядиться, а пока возьми мне еще джина.

После этого происшествия и возникшего за ним странного, такого вроде невинного, но на самом деле такого многозначительного разговора их отношения приобрели новый характер. Стало меньше шуток, смеха, легкомысленной болтовни — больше серьезных бесед, больше внимания друг к другу, появилась какая-то скрытая

нежность. О чем бы они ни говорили, казалось, в словах присутствует какой-то иной тайный смысл. Они не целовались, не говорили друг другу слов любви, тем более не позволяли себе какие-либо вольности.

Они словно несли сосуд с драгоценным вином, которое так хочется испить, но которое не пьешь, чтоб продлить радость предвкушения…

Кроме Элизабет, никто, даже Лоридан, не заметил шишки на затылке Кара.

— Где это тебя угораздило? — поинтересовалась она.

— Да так, какой-то мальчишка на пляже засветил мячом, пустяки, — отвертелся Кар.

Даже ее он пока не посвящал в тайну своих отношений с Серэной. Отношений? Каких, собственно? Ходить на пляж, в ресторан, на прогулку? Разве раньше не было такого с другими девчонками? «Нет, — отвечал себе Кар, — тогда все было не так, совсем не так», — и, не уточняя, прятал от окружающих стыдливую улыбку.

Глава V
ОЧЕНЬ ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ

Хотя Кар привык к тому, что Шмидт каждое задание предваряет словами о том, что оно «очень трудное», «такого еще не было», «требует концентрации всех физических и нервных сил» (Шмидту особенно нравилось выражение «концентрация сил»), на этот раз чувствовалось, что дело серьезное.

Шмидт сидел нахмуренный, озабоченный, он забыл причесать свою легендарную бороду. Пиджак висел на спинке кресла. Его плечи пересекали ремни кобуры огромного пистолета. Шмидт давно уже не участвовал ни в каких опасных операциях, но всегда носил пистолет, а злые языки утверждали, что порой его заставали в кабинете одетым в бронежилет.

— Видишь ли, Кар, все, что было до сих пор, пустяки (а как же все «труднейшие», «важнейшие» задания?). На этот раз все очень сложно. Ты, надеюсь, знаешь, кто такой Дюваль?

— Да не очень, — промямлил Кар, — я ведь недавно вернулся.

— Видишь ли, — Шмидт нравоучительно ткнул

пальцем в воздух, — даже если бы ты был на Луне или на Марсе, то все равно обязан знать, кто такой Дюваль! Это не миллионер, нет. Это даже не миллиардер. Это мультимиллиардер! Он зарабатывает в день больше, чем все сотрудники нашего агентства за век! Ну, скажем, за десять лет! Даже за год. Тоже неплохо.

Некоторое время Шмидт смотрел на Кара, наслаждаясь произведенным впечатлением.

— А? Представляешь? Так вот… застегни привязной ремень, а то упадешь. Так вот… у него похитили дочь!

На этот раз Кару не пришлось притворяться — он действительно был поражен. У Дюваля! Дочь! Похитили! Невероятно!

В общем-то, Кар, конечно, о Дювале кое-что слышал, как и все в стране, поскольку нельзя было открыть газету, включить радиоприемник или телевизор и не натолкнуться на это имя. Банкеты, приемы, благотворительные вечера, встречи со знаменитостями, но и громкие процессы, банкротства конкурентов, ловкие аферы… И всюду в том или ином качестве присутствовал Дюваль.

Выходец из богатой семьи, наследник большого состояния, он благодаря энергии, уму, предприимчивости, а главное, полному отсут-

ствию принципов сумел за двадцать-тридцать лет сколотить огромное состояние. Ему принадлежали банки и страховые компании, нефтяные скважины и железные дороги, отели и магазины. Все приносило доход, доход вкладывался в новые предприятия, в свою очередь приносившие доход. Благодаря широчайшему диапазону интересов кризисы не затрагивали гигантскую империю Дюваля: если в какой-то отрасли намечался прорыв, остальные отрасли прикрывали брешь. Дюваль был сказочно богат — дворцы, виллы, особняки, яхты, реактивные самолеты — все это в изобилии числилось в его хозяйстве. В отличие от большинства миллионеров, круглые сутки занятых приумножением капитала, Дюваль вел бурную светскую жизнь — трижды был женат, имел множество друзей среди актеров, журналистов, художников.

В своем богатстве он достиг того уровня, при котором капитал растет уже сам по себе, без его участия. Над этим меркантильным делом трудились день и ночь сотни управляющих, директоров, бухгалтеров, юрисконсультов, доверенных лиц, не говоря уже об армии служащих.

Как и многие богачи, Дюваль выбрал своей постоянной резиденцией этот город у моря. Он

жил в огромной вилле, вернее, в замке, который когда-то был приобретен им в Италии, по камню перевезен сюда и восстановлен в первозданном виде. То, что замок был средневековый и у себя на родине стоял на высокой горе, а здесь вокруг него раскинулся парк полутропический, морской пейзаж, гаражи, бассейны, беседки и многие другие ультрасовременные сооружения и на этом фоне он выглядел нелепо, ничуть не смущало Дюваля — у него было очень много денег и очень мало вкуса.

На территории парка размещался ипподром, спортивный городок с футбольным стадионом, вертолетная площадка и даже, учитывая размеры парка, небольшая железная дорога. Несмотря на внешнее легкомыслие, кажущееся равнодушие к делам и показной открытый, веселый характер, Дюваль был человеком жестким, беспощадным и правил своей необъятной империей железной рукой. Все это Кар знал. А вот о том, что единственной слабостью Дюваля была его дочь, не знал.

Восемнадцатилетняя Ирена — очаровательная, хорошенькая, капризная, ни в чем не терпевшая отказа, — чем старше становилась, тем больше осложняла жизнь отца. А отец не чаял в ней

души.

С раннего детства Ирена имела любые игрушки, какие только могла пожелать. Когда-то это были сделанные на заказ хитроумные куклы, поющие механические птицы, плавающие механические рыбки… Потом появились другие, более интересные, сложные и дорогие. Теперь у Ирены имелась дюжина гоночных машин, скутеров, спортивных самолетов, породистых лошадей и собак…

Она увлекалась верховой ездой, стрельбой, прекрасно плавала, играла в теннис. У нее были и живые игрушки — сначала няньки, бонны, гувернантки, теперь — тренеры, жокеи, шоферы, пилоты, которыми она командовала с тем же презрением, что и отец своими служащими.

Дюваль умилялся и восхищался талантами своей дочери, не очень-то отличая причуды и капризы от подлинных увлечений. Но вот уже год, как у Ирены появилось то, чего больше всего опасался ее отец — интерес к мальчикам.

Разумеется, Ирена, эмансипированная и не признававшая ничьей власти, и раньше порой увлекалась мальчишками из ее бесчисленных компаний. Но именно ее властный деспотический характер отпугивал поклонников, и увлечения далеко не заходили.

Однако в последнее время изменились компании. Вместо таких же богатых наследников и наследниц, шалопаев и светских бездельников, как она сама, Ирена стала водиться с какими-то оборванцами, хиппи, подозрительными заросшими юнцами, грязными лохматыми девчонками. Все они курили (уж не наркотики ли?), не учились, не работали, никакого уважения несметное богатство Ирены и имя ее отца им не внушали.

Грязной и оборванной Ирена пока еще не ходила, но уже носила какие-то потертые джинсы, нелепые майки с чудовищными изображениями и разбитые сандалии.

Конечно, всей информацией о времяпрепровождении дочери Дюваль располагал. Попытка открыто приставить к ней телохранителей закончилась скандалом — Ирена пригрозила, что покончит с собой, и, чтоб успокоить отца, закончила курсы каратэ. Но все же два-три надежных, нанятых в глубокой тайне детектива следили за ней. Это было нелегко, учитывая непредсказуемые выходки Ирены, которая постоянно ускользала из-под наблюдения.

Выяснилось, что однажды она не ночевала дома, что отдала какому-то парню из ее новой компании машину и тот разбил ее, что кто-то из

ее друзей числился в картотеке наркоманов.

Ссоры с отцом становились все серьезней. Папаша Дюваль грозил отправить дочь в другой город, перестать давать ей деньги, упрятать ее друзей в тюрьму. Дочь грозила, что покончит с собой, уйдет из дома, объявит голодовку…

В подобных столкновениях прошел последний год.

И вот наступил неожиданный финал.

Дюваль радовался, когда дочь была с ним ласкова и приветлива, и долго не замечал, что это неизменно совпадало с очередной денежной просьбой. Наконец поняв, в чем дело, стал донимать дочь подробными расспросами. Ссоры участились. А потом неожиданно прекратились. Ирена вроде бы взялась за ум. Она прилежно училась, перестала, как ему казалось, водиться со всякой «швалью», чаще бывала дома, проявляла к отцу куда больше внимания.

Дюваль объяснял это новым, первым серьезным (как он наивно полагал) романом дочери. Дело попахивало замужеством. Дюваль не был бы Дювалем, если б не навел о предполагаемом женихе дочери подробные справки.

Конечно, он мечтал о другом. О богатом наследнике, о молодом преуспевающем бизнесмене,

о представителе какого-нибудь знатного, пусть небогатого — черт с ним! — рода, даже о многообещающем начинающем политике.

А тут владелец бензоколонки! Бензоколонка, конечно, тоже бизнес, и для двадцатипятилетнего парня не такой уж плохой. Но для мужа его дочери…

Однако не это было самым неприятным. К сожалению, Нолан был не безгрешен. В восемнадцать лет отсидел пару месяцев за драку, имел еще два-три привода за разные мелкие делишки, год путался с какой-то женщиной не лучшей репутации. Но в конце концов, то были грехи молодости. Последние два года, как сообщили Дювалю его информаторы, ничего предосудительного за этим Ноланом не наблюдалось. Наоборот — красивый парень, пьет не больше других, хорошо распоряжается своей бензоколонкой, видимо, влюблен в Ирену.

И она в него.

«Что ж, — рассуждал Дюваль, — если им друг с другом хорошо, дай бог, а бензоколонка, какое она имеет значение? В конце концов, коли парень действительно окажется способным, уж как-нибудь своему зятю он пару тысяч колонок, разбросанных по всей стране и за границей, все-

гда сможет подкинуть...»

И вдруг этот страшный удар.

А произошло все так.

Субботним вечером Ирена сообщила отцу (последнее время она всегда ему об этом сообщала), что они с Ноланом поедут в загородную дискотеку и вернется она поздно, если не под утро.

Но под утро явился один Нолан.

Не было еще шести, когда охранник у ворот парка позвонил ночному швейцару, тот не решился сам будить господина и доложил управляющему...

Наконец сообразив, что происходит, управляющий вместе с Ноланом ввалились в спальню Дюваля, и Нолан поведал ему следующее.

Они с Иреной провели веселый вечер в дискотеке «Калипсо», очень фешенебельной (если это слово можно отнести к дискотеке) и популярной. Встретили много знакомых, друзей, выпили, дотанцевались до упаду и наконец отправились домой. Было три часа ночи.

Дискотека «Калипсо» находилась в горах, в сорока минутах езды от города.

Они спокойно ехали по пустынному в этот глухой ночной час шоссе, когда за одним из поворотов им неожиданно преградила дорогу

большая машина, стоявшая поперек шоссе. Они чуть не врезались в нее.

Оттуда вышли четверо здоровых парней в масках, с пистолетами в руках. Схватив отбивавшуюся Ирену, они запихнули ее в свою машину, а пытавшегося вступиться Нолана отбросили в сторону и приказали: «Поезжай к Дювалю и скажи, чтоб ждал звонка. А если обратится в полицию, то дочери уж наверняка не дождется».

Они уехали, а Нолан, придя в себя, помчался в город. И вот он здесь.

Он действительно был здесь, в разорванном, испачканном костюме, с огромным синяком под глазом, с поцарапанной шеей. Он стоял в полной растерянности, устремив на Дюваля отчаянный взгляд, и без конца бормотал: «Что делать? Так что делать? Надо что-то делать...»

И тут в полной мере проявился характер Дюваля. Он приказал Нолану «заткнуться наконец», быстро побрился, принял душ, оделся, позвонил секретарю, что задержится дома, и, сев у телефона, начал ждать. Он знал, что похитители обычно не обнаруживаются подолгу. Иногда по нескольку дней, чтобы довести напряжение до предела, чтобы измученный отец был готов на все.

Но на этот раз то ли похитители были не очень

опытны, то ли они торопились, но звонок раздался через час. Дюваль снял трубку и нажал клавишу записывающего устройства.

— Дюваль? — услышал он молодой, как ему показалось, глухой голос. Человек говорил, наверное, через платок.

— Слушаю вас, — спокойно сказал Дюваль.

— Твоя девка у нас, и учти…

— Сколько? — перебил Дюваль.

Последовало молчание, видимо, звонивший не ожидал такой деловитости.

— Полмиллиона, — произнес он наконец, но, спохватившись, поправился, — миллион, слышишь, миллион! А то…

— Дайте мне ее к телефону, — снова перебил Дюваль.

В трубке послышалась какая-то возня, глухие голоса, а потом раздался ясный голос Ирены:

— Папа, прошу тебя, папа, дай им все, что они хотят! Я боюсь их, все дай им! — Она захлебнулась слезами.

— Поговорил? — услышал он тот же глухой голос. — Вечером позвоним и скажем, как передать деньги. Только мелкие купюры. И не вздумай звонить в полицию, а то простишься с дочерью.

— Я заплачу, — резко сказал Дюваль, — но если

тронете ее, на краю земли найду…

Неизвестный уже положил трубку.

Дюваль начал действовать быстро и решительно, как делал все в жизни.

Вызвав бывшую няньку дочери, доживавшую в доме свой век (он считал, что старуха не вызовет подозрений), он велел ей отправиться за покупками, а по дороге позвонить из автомата директору «Ока» с просьбой прислать незаметно толкового человека, которому он изложит свое дело.

Через час очередного продавца пылесосов, которые осаждали особняки многих богачей, провели через черный ход куда-то на кухню и лишь оттуда в кабинет Дюваля.

«Продавец пылесосов» — агент «Ока», специалист по похищениям людей («А что еще могло случиться у этого миллиардера?» — сразу догадался директор агентства.) — внимательно выслушал Дюваля, передал ему радиопереговорное устройство для прямой связи с агентством на тот случай, если похитители прослушивают телефоны замка, и удалился через тот же черный ход.

Дело было поручено отделу Шмидта.

Шмидт вызвал Кара и Лоридана и еще группу сотрудников. Они сидели в кабинете шефа

и ждали сообщений от Дюваля. Переговорное устройство стояло на письменном столе, и все взоры были устремлены на него.

В комнате царило молчание.

Наконец молчание нарушил четко прозвучавший голос Дюваля:

— Они звонили, сказали, что перезвонят завтра.

Об этом звонке Шмидт и его люди уже знали. Не успел «продавец пылесосов» вернуться в агентство и сообщить суть дела, как сотрудники технического отдела поспешили взять телефоны замка на прослушивание. Дювалю об этом не сообщили: мало ли что бывает…

— Начинается трепка нервов, — продолжал Дюваль. — Они будут названивать и переносить главный разговор.

Действительно — обычная практика похитителей.

Однако и на этот раз традиция была нарушена. Новый звонок раздался в тот же вечер.

— Деньги приготовил? — спросил глухой голос.

— К утру будут готовы, — ответил Дюваль.

— Смотри! И чтоб в мелких купюрах. Не вздумай звонить в полицию, а то…

— Я хочу услышать голос моей дочери, — перебил Дюваль. — И перестаньте мне грозить. Сказал — заплачу, значит, заплачу. Но я хочу быть уверенным, что с ней все в порядке.

— Ладно, — проворчал голос, — перезвоним.

Действительно, через час раздался новый звонок, и Ирена тихо прошептала:

— Не волнуйся, отец. Со мной пока ничего не случилось. Но заплати им все. Скорей заплати, папа. — Она всхлипнула: — И главное, не звони в полицию.

Послышалась какая-то возня, неясные голоса, а потом снова заговорил неизвестный:

— Слышал? С твоей девкой все в порядке. Так и будет, если не начнешь валять дурака. Завтра жди инструкций.

Дюваль стал ждать. Сотрудники агентства тоже. За домом установили наблюдение, хотя вряд ли в том была необходимость. Но наблюдение требовало усилий многих сотрудников, а значит, счет, который «Око» предъявит Дювалю, вырастет на несколько тысяч.

Тем временем технический отдел анализировал и изучал запись перехваченных телефонных разговоров. Анализ дал совершенно неожиданный результат.

Все эти дни, пока преступники названивали Дювалю, давали инструкции, как передать деньги, перезванивали и давали новые инструкции, потом исчезали и неожиданно вновь обнаруживались — обычная тактика похитителей, — все эти дни в техническом отделе шла кропотливая работа. С самого начала главный эксперт по анализу и расшифровке телефонных разговоров посоветовал Дювалю каждый раз требовать, чтобы с ним говорила дочь. Якобы чтобы удостовериться, что она жива и здорова. Дюваль не знал, что эксперт преследовал совсем иную цель.

И на пятый день своей цели добился.

Сотрудники агентства во главе со Шмидтом те дни не ночевали дома, они спали в специально отведенном для этого помещении, в любую минуту готовые к действию. К операции были подключены лучшие «гориллы» агентства, то есть сотрудники, обладавшие, как Кар и Лоридан, специальными навыками для схваток с преступниками. Здоровые детины, как правило бывшие солдаты особых частей и полицейские, прекрасно стрелявшие, владевшие всеми приемами рукопашного боя, решительные, энергичные, лишенные каких-либо предрассудков в обращении с людьми. Убить, изувечить, зверски избить,

если того требовала операция, для них труда не представляло. Ведь они боролись с врагами, а преступники — враги общества. Так о чем беспокоиться?

Каждое утро после очередных бесплодных суток Шмидт собирал их в своем кабинете и инструктировал.

— Ну что, мальчики, — гудел его бас, — отдохнули? Выспались? Побездельничали? А между прочим, жалованье вам идет. За что только?

Начиналась пустая болтовня, потому что говорить было не о чем. Преступники так и не сообщили еще, когда и где Дюваль должен передать деньги.

Но в этот день Шмидт начал беседу с молчания. Он долго молчал под удивленными взорами своих подчиненных.

— Вот такое дело, мальчики, — изрек он наконец и посмотрел на часы.

«Мальчики» недоуменно переглянулись.

И тут в комнату вошел сам вице-директор «Ока».

Высокий элегантный старик, всегда загорелый, всегда подтянутый, бывший разведчик, где-то провалившийся, ушедший на пенсию и теперь ставший одним из руководителей «Ока».

Он обычно курировал наиболее деликатные операции, поскольку такие понятия, как честь, нравственность, порядочность, для него просто не существовали.

Присутствующие почтительно встали.

— Садитесь, — сказал вице-директор. — Шмидт, вы сказали им, в чем дело?

— Нет, ждал вас.

— Значит, так, — сразу перешел к сути вице-директор, — похитители дочери Дюваля обнаружены.

Он оглядел пораженных агентов и, усмехнувшись, продолжал:

— Ну что смотрите? Да, да, обнаружены и, между прочим, без стрельбы, слежек и погонь. И здесь, в агентстве, не выходя из кабинета, вернее, из технической лаборатории. Ну ладно, хватит тайн. Так вот, дочь Дюваля похитили… — Он сделал театральную паузу. — Сама дочь Дюваля со своим кавалером, с этим подонком Ноланом. И с их дружками. Вот так!

Все молчали. Наконец самый нетерпеливый — Лоридан — не выдержал:

— А как это узнали?

Шмидт неодобрительно посмотрел на него. В агентстве не принято было задавать вопросы, тем

более начальству. Но вице-директор неожиданно стал подробно объяснять:

— Видите ли, в научной лаборатории подвергли тщательнейшему исследованию записи телефонных разговоров, усилили и отделили голоса, которые слышались как фон. У нас в лаборатории так же легко выделить определенный, даже еле слышный шепот среди звуков, как, например, чье-нибудь лицо на фото среди десятков тысяч зрителей стадиона. Сначала на одной из пленок, когда дочь Дюваля рыдала в трубку, был отмечен чей-то смех. Какие-то непринужденные, явно не соответствующие драматизму ситуации разговоры. Стали копать глубже. И однажды, после очередных рыданий, когда говорил, видимо, кто-то из их дружков, сумели выделить женский смех. Сравнили с записями голоса Ирены — у нее дома есть пленки с ее пением, записи вечеринок — и точно определили: смеялась она. А потом установили голос Нолана, а потом сумели из фона выделить его слова: «…папочка заплатит». Ну и так далее. Сегодня ночью мы проследили за Ноланом и выяснили, где девчонка прячется.

— Так когда будем брать? — снова нетерпеливо спросил Лоридан.

— Брать? — Вице-директор, прищурившись,

посмотрел на пего. — Брать будем в опасной и сложной операции при передаче денег, когда похитители укажут место и способ передачи.

Видя, что не все понимают его, вице-директор пояснил:

— Приехать по адресу и спокойно, без риска отвезти гадкую девочку к папе — в чем заслуга «Ока»? Нет уж, будем работать на клиента в полную силу. Чтоб ему не жалко было гонорара, — добавил он, усмехнувшись. — А вы будьте готовы. Что дочь Дюваля и ее друг сами организовали похищение, вы с блеском раскроете во время операции. А может, и не раскроете. Ясно? — добавил он туманно.

Всем все было ясно. О чем говорить! Кар вздохнул с облегчением — по крайней мере, стрельбы не будет, и никто тебе башку не продырявит; что касается этой Ирены, пусть отец сам с ней разбирается — поставит в угол или лишит десерта… А вот Нолан — подонок! Хочет жить на денежки Ирены, точнее, ее отца! И что придумал, мерзавец! Да, уж если он ему попадется, Нолану не позавидуешь.

Кар был искренне возмущен. Каждому хочется разбогатеть, но не таким же способом!

Прошло еще два дня. Напряжение спало. Все

было ясно. Оставалась рутинная работа — изобразить засаду, «выследить» заведомо известное логово преступников. Всех схватить. И… получить с Дюваля по счету. Аминь.

И вот раздался звонок, которого все ждали. Похитители велели Дювалю сесть в машину, проехать к высившейся в двадцати километрах от города скале и, подойдя к краю, бросить вниз мешок с деньгами (все же миллион в мелких купюрах!).

Похитители подадут ему снизу сигнал, мигая красным светом карманного фонарика.

План этот был весьма продуманным для дилетантов. Дело в том, что скала высилась над узкой песчаной площадкой, окруженной со всех сторон отвесными скалами.

Подобраться к ней можно было только со стороны моря. Судя по всему, похитители собирались причалить к пляжику на моторной лодке, забрать мешок и тут же уйти в море. Любое подозрительное судно они заметили бы на большом расстоянии. С берега к ним подобраться было невозможно. Ну а если случилось бы худшее и их задержали в море, ничего не стоило, подвязав круг, выбросить мешок в море — и прощай доказательства. Никому ведь не возбраняется

кататься по ночам на моторке, а если какой-то чудак бегает по скалам и якобы сбрасывает вниз якобы мешки с деньгами, то они-то при чем?

Через пять минут после записи разговора позвонил Дюваль и изложил его содержание.

По переговорному устройству Шмидт передал ему указание: набить мешок бумагой и сбросить, как велели преступники.

— Но, обнаружив обман, они могут убить Ирену, — запротестовал Дюваль.

— Господин Дюваль, — к переговорному устройству подошел сам директор «Ока», — пожалуйста, следуйте нашим указаниям. С вашей дочерью ничего не случится, всю ответственность мы берем на себя. Ни о чем не беспокойтесь.

Дюваль неохотно согласился.

На всякий случай специалисты подводного плавания агентства (были там и такие) со сменными кислородными баллонами заняли место под водой вокруг песочной бухточки. Другая группа незаметно окружила загородный дом, где пряталась Ирена со своими дружками. По «токи-уоки» поддерживалась постоянная связь. Куда пристанет моторка после получения выкупа, тоже было ясно — частная стоянка одного из друзей Нолана, единственного, у кого имелась

таковая, к тому же, как сообщили наблюдатели (а следили за всеми друзьями Нолана), судно с утра готовили в поход.

В группу, которая пряталась здесь, на причале, входили и Лоридан с Каром. Это было наиболее опасное место. Воевать за девчонку преступники вряд ли будут уж особенно активно, в конце концов, и нужна-то она им была лишь ради выкупа. А вот за деньги сражаться будут отчаянно.

Предусматривалась и возможность, что еще в пути они откроют мешок и увидят, что их обманули. Что они сделают? Да ничего. Скорей всего в ярости поедут в свое логово и будут вместе с «похищенной» решать, что делать. Но до логова они не доедут. Их схватят при высадке вместе с мешком-доказательством. А сумеют добраться, их возьмут те агенты, что устроили засаду вокруг дома. Словом, игра была беспроигрышная. Главная задача заключалась в другом — представить все в самом выгодном для агентства свете — сколько сил задействовано, как велика была опасность, сколь блестяще все сработали, как обеспечили безопасность дочери и сохранили деньги. Короче, какое «Око» замечательное агентство, как оправдан огромный гонорар, который оно заломило с Дюваля.

А дальше, в будущем, предстоял разговор с Иреной. Ей покажут пленки с записями, из которых явствует, что похищение организовала она сама, и предложат их купить тоже за соответствующие деньги. Не завтра, не послезавтра, через год, пять лет, десять. Когда наследница вступит в свои права, история с «похищением» вряд ли принесет пользу ее репутации. Это люди уходят, а агентство вечно, вечно, как преступления…

Если же эта дура окажется еще глупей, чем выглядит, и во всем признается сразу, ну что ж, любая коммерческая операция несет в себе риск неудачи, придется распроститься с перспективой дополнительного дохода.

Так блестяще была запланирована эта операция.

Но, как известно, человек предполагает, а бог располагает.

Кар, присев на корточки, в неудобной позе спрятался в беспрерывно раскачивающейся небольшой яхточке. Он все время терял равновесие, напрягался, чтоб его удержать, ноги затекли. В тесном скопище яхт, моторок, судов всех видов и мастей, толпившихся у пирса, уткнувшись в него носами, словно лошади у желоба с водой, оставалось лишь одно свободное место — место

моторки, принадлежавшей кому-то из друзей Нолана. Вот сюда она должна была вернуться после ночной операции. С другой стороны этого свободного местечка швартовалась другая моторка, где прятался Лоридан. Еще несколько агентов затаились на соседних судах, на пристани, за какими-то ящиками и тюками.

Кар, нажав кнопку, осветил циферблат наручных часов — час ночи. Дюваль должен был сбросить свой мешок в полночь, примерно час хорошего хода моторки оттуда до стоянки. Вот-вот похитители должны были появиться.

И тут начались неожиданности.

К пирсу медленно, почти бесшумно подкралась длинная гоночная машина. Кар в темноте не сразу и заметил ее. Из машины вышли две закутанные фигуры. Когда они подошли к краю пирса и остановились буквально в двух шагах от Кара, он различил лица. Ирена и Нолан! Вот это номер! Зачем они приехали сюда? Не доверяют дружкам — вдруг не причалят с деньгами и, вместо того чтобы отправиться в логово, растворятся в ночи? Или им не терпится своими руками пощупать купюры? А может, они подсядут в лодку и всей компанией куда-то уплывут? От этой мысли по спине у Кара пробежал холодок — такого преду-

смотрено не было, ни о каких моторках агентство не подумало. Кар отбросил эту мысль — не может быть, чтобы дружки Нолана и Ирены не заглянули в мешок. Значит, они уже знают, что их обманули, и мчатся сюда поделиться горьким открытием.

Кар уловил еле слышное мурлыканье — это другой агент с соседней лодки снимал специальной кинокамерой для ночных съемок Ирену и ее друга. Значит, компрометирующий материал все равно будет. Кар знал, что особый прибор фиксирует и каждое слово, произнесенное любовниками, как бы тихо они ни говорили.

В этот момент послышался нарастающий шум мотора. Из мрака как-то сразу возникла моторка и, выключив двигатель, подошла к пирсу.

— Порядок? — нетерпеливо спросил Нолан. Он говорил громко, не стесняясь.

— Порядок, — весело ответили с лодки. — Мешочек с нами. Пока сюда добирались, два раза все пересчитал.

Раздался смех, громче всех, чуть истерично, смеялась Ирена.

— Вот что значит жадничать, жалеть для единственного ребенка игрушки, — сказал кто-то.

— Ничего, старик не обеднеет, — произнес кто-

то другой.

— Придется вернуть дочку, — сказал Нолан и расхохотался. — Временно, конечно.

— Придется, — поддакнула Ирена, — но сначала отметим.

Весело и громко болтая, Ирена, Нолан и трое высадившихся из моторки парней направились к машине. Как они все умудрились залезть в двухместную машину, неизвестно, но залезли. Нолан включил мотор.

Кар растерялся. Что теперь делать? Все пошло наперекосяк. Во-первых, Дюваль обманул агентство (если это можно назвать обманом), он таки вложил в мешок всю сумму, а не газетные обрывки. Во-вторых, Нолан и Ирена, вместо того чтобы спокойно дожидаться в логове, приехали на пристань. Наконец, судя по всему, они никуда не убегают, а отправляются в ресторан «отметить».

В это время в ухе у Кара зашептал микрофон прямой связи, имевшийся у каждого агента. Неповторимый бас Шмидта произнес:

— По машинам! Не упустить!

Кар быстро выскочил из своего убежища и устремился к укрытым среди портовых строений машинам. Со всех ног к ним мчались и другие агенты. Вскоре машины с погашенными фарами

уже неслись вслед за гоночным автомобилем Нолана. Веселая компания похитителей то ли была уж совсем неопытна, то ли слишком увлеклась своими успехами и ничего не замечала.

Вскоре Нолан и его друзья прибыли в загородный ресторан, зашли в отдельный кабинет с выходившей на море террасой, и начался кутеж.

Агенты рассеялись по парку, заняли столики в общем зале, подобрались к нависшей над парком террасе. Но что делать дальше, никто не знал.

— Слушай, Ал… — Лоридан зевнул. — Вся эта кутерьма мне надоела, а тебе? Все же ясно. Эта Ирена организовала собственное похищение, выманила у папаши миллион. Теперь она вернется к нему, и плевать ей, будет он выполнять ее капризы или не будет. Денег-то у нее куча. И Нолана это устраивает. Все пойдет по-старому. Агентство тоже свой контракт выполнило — деньги нашло, похищенную и похитителей нашло, пресса ни о чем не знает. Дюваль отвалит солидный куш. Так о чем речь?

— А я откуда знаю? — огрызнулся Кар, ему хотелось спать, он устал, болели ноги. — Пошли они все к черту! Хотя я бы, честно говоря, этому Нолану морду набил.

Видимо, руководители «Ока» тоже находились

в растерянности. Если сейчас Ирена вернется к отцу, значит, агентство ничего не сделало. Дюваль выполнил требования похитителей, отдал миллион, ему вернули дочь. Так при чем тут «Око»?

Оставалось одно: все рассказать Дювалю и спросить, что он хочет, чтоб делалось дальше. Так и поступили. Как потом поведал своим ребятам Шмидт, директор агентства лично позвонил Дювалю, подробно изложил ему все детали дела, сообщив, что может прислать кинопленки, записи разговоров — и телефонных, и тех, на пристани. Из деликатности не упрекнул Дюваля за то, что тот, недостаточно доверившись «Оку», подстраховался и положил в мешок деньги.

— Какие будут указания, господин Дюваль? — осведомился директор, заканчивая разговор.

— Они сейчас в ресторане? — спросил Дюваль.

— Да, и, видимо, надолго.

— Тогда сделаем так, — с обычной решительностью сказал Дюваль. — Дождитесь, пока они выйдут, дочь немедленно доставьте ко мне, тех троих подручных отпустите, можете надавать им пинков. А вот Нолана... — Он сделал паузу и неожиданно спросил: — У вас есть надежные ребята из тех, ну, которые воевали, все умеют и

которым на все наплевать?

— Есть, — коротко ответил директор, он все понял.

— Вы их можете срочно доставить ко мне?

— Пожалуйста.

— Я жду. А потом поручите им побеседовать лично с Ноланом.

— Ждите, — бросил директор и положил трубку.

В ушах у Кара, Лоридана и еще одного из агентов зашептали микрофоны. И вскоре они мчались через ночной город в замок Дюваля.

Миллионер принял их в кабинете в ночном халате. Он был бледен, под глазами набрякли мешки, видимо, эти часы дались ему нелегко.

— Выпить хотите? — спросил он вошедших и нерешительно шептавшихся у дверей агентов.

— Спасибо, — хором прозвучал ответ.

— Вон бар, пейте. — Он указал на огромный домашний бар, занимавший угол комнаты. — Только быстро, времени у вас мало. Сейчас вы схватите этих подонков. Дочь и те трое — не ваше дело, ими займутся другие. А вот Ноланом, я хочу, чтобы занялись вы. Я хочу, чтобы вы ему объяснили, что похищать дочь у отца нехорошо. — Он усмехнулся, и от этой усмешки у Кара мурашки забегали по коже. — Чтоб вы ему объяснили это так убедительно, — продолжал негромким голосом Дюваль, — чтоб он всю оставшуюся жизнь думал об этом. Ясно? Чтоб он не отвлекался от этих мыслей на женщин, еду, ходьбу, вообще движения, чтоб он оставшуюся жизнь спокойно лежал и думал об этом и раскаивался, раскаивался, раскаивался! Только не вздумайте его убить! Впрочем, не мне вас учить, вы мастера своего дела. Так мне сказал ваш директор, не подведите его. А это от меня на память лично вам за умелые руки и короткий язык. Вы меня поняли? Тогда все, отправляйтесь.

Дюваль вручил каждому пачку денег, при взгляде на которую они вытаращили глаза. Каж-

дый мог теперь купить себе новый автомобиль.

— Ну, ребята, — захихикал, когда они садились в машину, третий агент — Юзеф, здоровенный детина с лошадиным лицом; за грубость, жестокость и тупость его в агентстве недолюбливали, и ни Кар, ни Лоридан не были в восторге, что в этом деле они оказались вместе. Впрочем, начальству видней. — Ну ребята, не завидую я Нолану. Предстоит крупная беседа. Дружеская беседа, сердечная! — Он опять захихикал.

Ехали быстро и поспели как раз вовремя. Веселая компания, пошатываясь, выходила из ресторана и по темной аллейке двигалась к стоянке, где их ждала гоночная машина.

Тут-то все и разыгралось.

Десяток агентов выскочили из-за деревьев. Двое схватили отчаянно вырывавшуюся и кричавшую Ирену и, дотащив ее до стоявшего невдалеке автомобиля, повезли в замок Дюваля.

Другие агенты сграбастали трех дружков Нолана и, осыпая ударами, поволокли к другим машинам. Ошеломленные, они не оказали никакого сопротивления. Они и не подозревали о своей дальнейшей судьбе — им виделась смертная казнь, пожизненное заключение, прочие ужасы. А их просто привезли в один из тайных

домов агентства, где Шмидт продемонстрировал им кинопленки, записи разговоров, мешок с деньгами, который незадачливые похитители несли из ресторана к машине и на котором оставили отпечатки своих пальцев. Шмидт потребовал дать расписку в том, что отныне они будут негласно сотрудничать с «Оком». Таких завербованных с помощью шантажа тайных сотрудников у агентства имелось немало. А вот Кар, Лоридан и Юзеф схватили Нолана, сразу протрезвевшего, и уволокли в дальний конец ресторанного парка.

И началась «беседа». Нолана били без перерыва часа два. Особенно усердствовал Юзеф. Тяжело дыша, он бил и бил Нолана ногами, бормоча: «А? Ну как? Вот, ребята, так я этих косоглазых учил, так их, так...» Лоридан и Кар еле оттащили его. Убедившись в том, что Нолан, хоть и без сознания, но жив, они бросили его.

Вытирая пот со лба, тяжело и хрипло дыша, они добрались до своей машины и, не спеша, покатили домой.

— Все-таки ты свинья, — не выдержал Кар, повернувшись к Юзефу. — Нельзя же так, ты его чуть не убил!

— Брось, — лениво процедил сквозь зубы Юзеф, — мне заплатили за работу, я ее и сделал. Добросовестно. Не подохнет — не бойся. Я свое дело знаю. Не впервой, а вот будет ли он ходить, не уверен… — Он хихикнул: — Скорей, ползать. Ха-ха-ха! Вот ползать будет.

— Нет, ты свинья, — убежденно повторил Кар. Остальной путь проделали молча.

Домой Кар вернулся в полуобморочном состоянии.

У него не хватило сил ни поужинать, хотя он был голоден, ни принять душ, хотя он чувствовал себя так, словно побывал в сточной яме.

Он торопливо скинул с себя одежду и завалился в постель. Им всем разрешили два дня не являться в агентство, и он мог спать хоть до полудня, что твердо намеревался сделать.

Однако в девять утра раздался телефонный звонок. Неверной рукой, проклиная звонившего, Кар нащупал трубку.

— Да, слушаю, — промямлил он хрипло.

— Что с тобой, Ал? — услышал он взволнованный голос Серэны. — Куда ты пропал? Звоню, звоню — нет тебя. Ты что, уезжал? Бросил меня?

Кар сразу проснулся окончательно, его словно окатило теплой волной.

— Серэна, дорогая, тут такое дело, фронтовые друзья объявились проездом, закрутился, сама понимаешь, — вдохновенно врал он, — Теперь я опять один, в тоске по тебе. Когда увидимся?

— Да хоть сейчас, — услышал он ее радостный голос, — день-то какой! Я сегодня свободна, давай закатимся куда-нибудь подальше, а?

— Через час я у тебя!

— Так долго?

— Через пятьдесять девять минут!

— Пятьдесят восемь!

— Жди!

Он вскочил, бодро насвистывая, бросился в душ — усталость как рукой сняло. Проделав несколько гимнастических упражнений (что-то последнее время он плохо следит за своей формой), проглотив стакан молока с бутербродом, он выбежал к машине и, убедившись, что бак полон, шины не спустили, с маслом все в порядке, включил мотор и помчался по солнечной улице навстречу

веселому дню.

День этот действительно начался великолепно.

Серэна, очаровательная, как никогда, ждала его у своего дома, нетерпеливо вглядываясь в даль сквозь дымчатые очки такой невиданной красоты, что они наверняка заняли бы первое место на любом очковом конкурсе. На ней была мини-юбка, по длине равная ширине пояса, желтая, туго обтягивающая майка с изображением бородатого мужчины («Наверняка какой-нибудь знаменитый революционер, может, Маркс», — решил Кар), в руках она держала пляжную сумку размером с небольшой гардероб. Сумку украшали надписи: сначала следовало местоимение «я», потом ярко-красное сердце, а затем название их города. Судя по размерам сумки, на ней могли бы быть начертаны все города планеты.

Загорелая, стройная, улыбающаяся, соблазнительно одетая, она просто ослепила Кара, в голове которого еще проносились кошмарные видения минувшей ночи — погони, засады, избиения…

Но сейчас он забыл обо всем. Как же прекрасен мир — светлый, солнечный, веселый, наполненный музыкой, смехом, пением птиц! Мир, в котором живет Серэна, самая прекрасная девуш-

ка в мире!

Но тут он вспомнил, что в этом мире живет и он сам и что нет ничего глупее, чем продолжать сидеть вот так, в машине, вместо того чтобы сразу хватать все радости, которые жизнь предлагает ему.

Выскочив из машины, он бросился к Серэне, обнял ее и крепко поцеловал в губы. Первый раз. Радостно, порывисто, от избытка счастья, ни о чем не думая.

Сначала Серэна растерялась, она попыталась вырваться и тут же вся обмякла, обняла его, ответила на поцелуй…

Такого с ними еще не бывало. И то, что произошло это не под луной на пустынном пляже, не после пары бутылок, выпитых в ресторане, не в заключение страстного любовного объяснения, а здесь, ярким солнечным днем, на пыльной улице, на глазах прохожих (не обращавших, впрочем, на них никакого внимания), было странно.

Странно, но прекрасно, словно иначе и быть не могло.

Они залезли в машину и, тесно прижавшись друг к другу, покатили за город.

Ехали долго — час, два. Добрались до далекого пустынного пляжа, на который всего-то и выхо-

дили два-три ресторана и пара отелей (по меркам их города — почти пустыня).

Разделись, помчались в воду, долго плавали, плескались, ныряли и, наконец приятно устав, разлеглись на песке. Из захваченного с собой переносного мини-холодильника достали целую батарею бутылок: «кока-колу», «севен-ап», «канада-дри», минеральную, банки с пивом и соком.

Пили, смотрели в голубое небо, болтали… О чем? Да ни о чем.

— Ты знаешь, я ловила рыбу! — сообщила Серэна так значительно, словно она участвовала в сафари на слонов.

— Поймала? — вяло спросил Кар.

— Я — нет, а Симон поймал, и много.

— Симон? А кто это? — Теперь Кар нетерпеливо ждал ответа.

— Да один из наших, — небрежно ответила Серэна, — тоже, кстати, каратэ занимается, сильный парень.

Вялость покинула Кара окончательно, он даже привстал:

— Погоди, а вы что, ездили всей вашей компанией рыбу ловить? Я думал, вы только на митинги собираетесь.

— Почему всей компанией. Мы только — Симон

и я, — простодушно ответила Серэна. — Так вот, представь себе, заплываем мы в эту лагуну…

— Погоди… — Кар встал во весь рост. — Вы что же, целый день были с этим Симоном вдвоем на рыбалке? И никого больше?

— Во-первых, не весь день, а весь день и всю ночь, а во-вторых, чему ты удивляешься? Мы частенько так делаем. С ним интересно, он…

— А со мной? — совсем по-детски, чуть не плаксиво спросил Кар.

Тут Серэна не выдержала и стала хохотать, катаясь по песку. Кар наконец сообразил, что его разыгрывают, и, бросившись к Серэне, подхватил ее на руки и понес к морю. Она смеялась, отбивалась. Потом они оба плюхнулись в воду…

Вскоре, почувствовав, что если немедленно не сядут за стол, то тут же умрут от голода, побежали в ближайший ресторанчик. Это был один из бесчисленных рассеянных по побережью ресторанов, специализирующихся на «дарах моря»: лангустах, крабах, креветках, устрицах, на рыбных блюдах. Здесь подавали пиво, дешевое белое вино, местную яблочную водку. Цены, по сравнению с городскими, не очень кусались; обслуживали быстро, хотя на официантах не было белых смокингов, а живот метрдотеля не

обвивала серебряная цепь.

Количество поглощенных ими блюд привело в восторг хозяина, который «от имени заведения» преподнес им даже бутылку вина.

Наклонившись к уху Кара, он многозначительно прошептал:

— На втором этаже у меня прохладные комнаты для отдыха. Если устали, можете отдохнуть.

И он заговорщически подмигнул.

— После такого обеда, — неожиданно сказала Серэна, — хорошо бы поспать часок. — И она зевнула, прикрыв рот рукой.

И тогда, холодея от собственной смелости, Кар предложил:

— Хозяин говорит, что у него есть комнаты, где можно отдохнуть. Пошли?

— Пошли, — спокойно произнесла Серэна, хотя Кару показалось, что от ее голоса обрушились небеса.

Хозяин проводил их на второй этаж, где действительно имелись прохладные уютные номера. Их снимали обычно на уик-энд небогатые туристы и горожане. Но сегодня был разгар рабочей недели, и комнаты пустовали.

Едва они вошли, Серэна бросилась, как была в юбке и майке, на кровать и закрыла глаза.

Кар улегся на диван и тоже попытался уснуть. Но сон не приходил. Он вспоминал последние месяцы, последние дни и часы. Он был счастлив.

Он чертовски счастливый человек! Он просто счастливчик!

Уцелеть на этой проклятой войне. Получить такую, в конце концов, хорошую работу. Иметь приличные деньжата в банке. Таких друзей, как Лоридан и Элизабет. А главное, такую замечательную девушку, как Серэна! Он женится на ней. Все. Решено. Он же-нит-ся! Вот Элизабет-то будет довольна. Они купят домик, заведут детей. Нет, с детьми подождут. Будут дружить семьями с Лориданом, ездить, как сейчас, за город, ходить вечерами в кино. Он отучит ее от ее дурацких демонстраций и митингов, от этих собраний. Он и только он займет все ее время. Женщина должна принадлежать одному любимому, а не сотням крикунов, не какому-то там обществу, даже если оно называется «Очищение» и борется против выхлопных газов. Если у Серэны есть свободное время, пусть лучше возьмет еще учеников. Лишние деньги не помешают. Хорошо, что этот Дюваль подкинул им за «спецзадание» такой дополнительный гонорар. Вот что могут миллионеры!

Но тут Кар почувствовал в своих мыслях какой-то неприятный вкус. Он вспомнил окровавленный кусок мяса, в который они превратили Нолана, хихиканье Юзефа, всю эту жуткую сцену. Да ну их к черту! Он выполнил заказ и честно заработал свои деньги. А этот Нолан — подонок, сколько из-за него напереживался Дюваль! Разве это не свинство? И вообще, ну и мир — джунгли, фронт! Похищают людей, убивают, торгуют всем святым, ненавидят друг друга. Мерзавцы!

Кар готов был взорвать этот проклятый мир, который еще два часа назад восхищал его своей теплотой и светом.

Потом его мысли снова вернулись к Серэне, к планам на будущее. Он не заметил, как закрыл глаза, как медленно, словно в теплое море, погрузился в сон…

Проснулся так же медленно, постепенно от легких прикосновений, будто бабочки порхали по его лицу, рукам, обнаженной груди.

Он еще не понимал, что происходит, но все его существо охватило ощущение огромного счастья, такой радости, такого блаженства, что, если б он умел плакать, наверное, заплакал бы.

Серэна лежала рядом с ним, она нежно, неторопливо, неотступно целовала, ласкала его. На

какое-то мгновение он приоткрыл глаза и увидел ее лицо, ее улыбку, ее взгляд, потом снова опустил веки, решительно обнял ее…

Они еще долго лежали, молча, неподвижно, вновь переживая то, что было, словно углублялись в свое счастье, не торопясь говорить о нем, стараясь продлить это первое великое ощущение. А быть может, где-то в глубине души понимая, что такое уже никогда не повторится.

Потом так же молча встали, оделись, снова вышли на пляж. И снова купались. И вновь лежали на песке.

И все время молчали. Казалось, они боялись, что, произнеси хоть слово, окажется, что это сон. Они не хотели просыпаться, возвращаться к реальной жизни со всеми ее сложностями, горестями и неприятными неожиданностями…

…Неприятная неожиданность подстерегала Кара, когда они вернулись в город.

— Останови на минутку, — попросила Серэна у журнального киоска. — Сегодня наши устроили демонстрацию у муниципалитета. Я не пошла. Интересно, есть ли в газетах?

Она сбегала к киоску, купила несколько газет и, вернувшись в машину, стала проглядывать их, пока Кар, не спеша, ехал к ее дому.

— Вот, пожалуйста, — возмущенно воскликнула она, — о демонстрации три строчки, а обо всяких драках, грабежах, убийствах целые страницы. Ох, до чего отвратительно! Люди как звери. Смотри, напали на какого-то беднягу и так изувечили, что теперь он инвалид на всю жизнь. Вон даже фото поместили. Перебили позвоночник, парализован навсегда. И неизвестно, за что и кто. Звери, негодяи! Таких я бы своими руками задушила! — негодовала Серэна, шелестя газетой.

— А кого избили? — еле слышно, уже зная ответ, спросил Кар.

— Кого? Погоди, сейчас найду. А вот — какого-то Нолана. Да какая разница! Их надо найти, его мучителей. И расстрелять! Какие же бывают на свете звери!

Она еще что-то говорила, но он уже не слышал. Светлый день померк. Счастливый миг умчался.

На город опускались сумерки.

Глава VI
НЕВЕРОЯТНО ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ

Теперь жизнь Кара приобрела новый, неизвестный ему раньше смысл. В свободное время, а было его, в общем-то, достаточно, он спешил на свидание к Серэне. Чувство, которое он при этом испытывал, было не только новым, но и удивительным.

Удивительным было и другое. После той загородной поездки их близость ни разу не повторилась, и он не страдал от этого. Главным была ее любовь, в которой он теперь не сомневался, их походы на пляж, в парк, в приморские ресторанчики, на дискотеки, их разговоры, улыбки, пожатия рук. Главным было то, что она была.

Странно все это… Странно и замечательно.

Но порой он ощущал противное нытье в сердце. Он вспоминал, с каким гневом говорила Серэна о «негодяях», изувечивших Нолана, каким презрением горели тогда ее глаза. А что, если она узнает правду? При одной мысли об этом у него портилось настроение. Да тут еще произошел случай, который при других обстоятельствах наполнил бы его гордостью.

Они поздно вечером гуляли по шедшей вдоль моря аллее. Аллею от моря отделял пустынный кусочек пляжа. Пахло солью, водорослями, легкий ветерок колыхал тяжелые листья пальм. Издалека доносились звуки музыки — наверное, из какого-нибудь прибрежного ресторана. Луна протянула по воде серебряную дорожку до самого горизонта. Словно золотое ожерелье, светились вдоль набережной фонари.

Вдалеке мигали огоньки вышедших на ночную прогулку яхт. Оттуда тоже доносилась музыка.

Они неторопливо шли по малолюдной в этот поздний час аллее, вдыхая аромат отошедших ко сну цветов, запах остывающих после жаркого дня камней, моря, ветра.

Внезапно за одним из поворотов показались три фигуры. Трое молодых парней в джинсах и майках, обнаживших мускулистые руки.

Парни шли не торопясь, молча, и было в их походке что-то хищное и зловещее. Кар мгновенно насторожился, хотя, несмотря на поздний час, они уже повстречали нескольких прохожих.

Казалось, парни не имели никаких дурных намерений. Они шли молча, увлеченные, видимо, своими мыслями или утомленные. Никаких хихиканий, громких шуток, двусмысленных

жестов, присущих хулиганам. Они даже начали сторониться, чтобы не задеть в этой неширокой аллее Кара и Серэну.

И все же, когда они сблизились, Кар весь напрягся. Шестое чувство, чувство опасности, не раз спасавшее ему жизнь, подало сигнал. Поэтому, когда парни поравнялись с ними и шедший с краю неожиданно протянул руку и ущипнул Серэну, рука Кара с невероятной быстротой рассекла воздух, удар ребром ладони пришелся хулигану точно в горло, и он упал как подкошенный. Лишь на мгновение двое других застыли в изумлении, но этого оказалось достаточно. Одного Кар ударил ногой в висок, второго, перевернувшись в воздухе, другой ногой — в пах. Только этот, последний, не потерял сознание и с нечеловеческим воем начал кататься по земле. Улучив момент, Кар подпрыгнул, поджав ноги и резко выпрямив их, опустил на лицо лежащего. Тогда и тот застыл неподвижно.

Еще минуту Кар постоял, внимательно наблюдая за поверженными противниками и размышляя, не добить ли их. Он весь дрожал от ярости. Такого с ним никогда не бывало. В самых жестоких переделках он всегда сохранял самообладание и ясную голову.

Наконец Кар пришел в себя. Огляделся. Где же Серэна?

Лишь вдали раздавался затухающий звук ее шагов. Что с ней? Кар устремился в погоню и догнал свою подругу у выхода из аллеи. Прислонившись к дереву, она громко рыдала.

В эту минуту Кар готов был вернуться и задушить этих мерзавцев, посмевших обидеть его Серэну. Он обнял ее за плечи, поцеловал в щеку, зашептал слова утешения.

— Почему ты убежала? — спросил он наконец.

— Я испугалась, — прошептала сквозь слезы Серэна. — Я так испугалась.

Она не ответила на его поцелуй, слегка отстранилась и, вынув из кармана платочек, стала вытирать глаза.

— Не надо бояться, — улыбнулся Кар. — Ты же видела, как я их, — самодовольно сказал он. — Когда ты со мной, можешь ничего не бояться!

Серэна еще несколько раз всхлипнула и, вдруг

посмотрев ему прямо в глаза, сказала:

— Я не их испугалась. — В голосе ее звучала непонятная горечь.

— Не их? — не понял Кар. — А кого? Там же больше никого не было.

— Тебя, — еще печальней ответила Серэна.

— Как меня? Почему? — Кар был окончательно сбит с толку.

— Ты знаешь, Ал, — тихо заговорила Серэна, — когда он схватил меня, я не успела испугаться, все произошло так быстро — раз-раз, и они все лежат. Ты такой быстрый, я ничего не успела разглядеть. А потом ты прыгнул тому на лицо… ногами… я видела, как брызнула кровь… нос… губы… Ты все раздавил ему. — Она закрыла лицо руками. — И я увидела твои глаза. Ох, Ал, какие у тебя были глаза! Какие страшные глаза. Я никогда не смогу их забыть. Нет, Ал, это не были глаза человека… Даже не зверя! Еще страшней. О господи, Ал…

Она снова зарыдала, а он, объятый страхом, бессвязно шептал ей на ухо:

— Но они же оскорбили тебя. Я никому этого не позволю. Серэна, я любого готов убить за тебя. Я никому не прощу. Кто обидит тебя, тот умрет. За тебя я…

— Да, да, Ал, — бормотала она в ответ, — да,

я понимаю, прости меня, я глупая, прости… Но эти глаза!.. Как можно так человека, живое существо…

— Он не человек, Серэна, — отчаянно оправдывался Кар, — человек, который обидит тебя, не человек, он не имеет права жить. Я пожалел его, надо было раздавить, как змею, уничтожить…

— Я все понимаю, Ал, родной, все понимаю, прости меня. Но если ты убиваешь змею, ну, как тебе объяснить, ну, нельзя самому становиться змеей. Ох, какие у тебя были страшные глаза…

Она дрожала, еще что-то бормотала. Он с трудом успокоил ее, проводил домой и лишь после того, как она поклялась с утра позвонить ему, отправился к себе.

Когда в ночной сводке радионовостей он услышал, что успевшая скрыться банда хулиганов напала в одной из аллей приморского парка на трех возвращавшихся из гостей молодых людей, одного убила, а двоих зверски избила, ему стало страшно. Нет, его пугало не то, что нападут на его след, черта с два. Он боялся, что сводку услышит Серэна.

Кар впервые тогда задумался о том, о чем думают миллионы людей на земле: о том, что существуют разные понятия о добре и зле, о спра-

ведливости, о преступлении и наказании, о мере ответственности за свои, да и за чужие деяния. О том, что у людей могут быть иные, чем твои, взгляды, мерила ценностей. Что миром правит не только сила и что самый сильный в чьих-то глазах не обязательно самый лучший, самый правый.

Он никогда не задумывался о таких вещах, как, впрочем, и о многом другом. Он жил в особом мире, где сила всегда оказывалась правой, где не то что к врагам, а порой и к знакомым или незнакомым людям не следовало быть милосердным. Особенно если они оказывались на твоем пути.

То, за что уважали его друзья и боялись враги, — его сила, искусство в бою, беспощадность, его умение убивать, умение постоять за себя, наконец, безразличие к чужим жизням и судьбам — в глазах единственного существа, чье слово было для него главным, не имело никакого значения. Узнай Серэна, что это он избивал Нолана, что он убил оскорбившего ее хулигана, да просто, что он сотрудник сыскного агентства, сотрудник для черных дел, она отвернулась бы от него. Даже любя. Она просто не смогла бы иметь с ним дела. Как он с ней, если б узнал, что она ему изменяет, хотя продолжал бы любить.

Но ведь он не изменяет ей!

Изменяет. Так, наверное, считала бы она. Не с другой женщиной. Он изменяет тому идеалу, который она видит в нем. Вот он такой, считает она, и он говорит ей об этом и доказывает. А в действительности — другой. Он обворовывает ее, отнимает себя у нее и подсовывает иного, в сто раз худшего, жестокого, беспощадного, звероподобного, способного на любое зло. Ради нее, да, но зло.

Так она, наверное, рассуждала бы, если б знала правду. Да не рассуждала бы, а чувствовала. И это самое страшное. Потому что заставить человека рассуждать по-другому еще можно, заставить по-другому чувствовать — в сто раз трудней.

Мысли не давали Кару уснуть. Он ворочался с боку на бок, ходил пить хранившееся в холодильнике ледяное пиво, включал и выключал ночные телепрограммы. И лишь под утро заснул.

Проснулся, как всегда, мгновенно, схватил часы — половина десятого, а Серэна еще не звонила! Или звонила, а он не проснулся! Может, телефон не исправен? Нет, все в порядке. Он торопливо набрал ее номер. Никто не отвечал.

Он сел на кровать, устремив унылый взгляд в окно. Все ясно, она прочла эти чертовы газеты…

Что делать?

И тут она позвонила. Голос ее был бодр, как всегда.

— Соня! — кричала она в трубку. — Звоню второй раз! Я думала, ты ушел гулять, что тебе не спится, что ты без меня скучаешь.

— Я скучаю, — орал Кар в ответ, — я ужасно скучаю! И очень хочу есть.

— Странно. Какое совпадение, я тоже. Но я уже на корте, с восьми утра. Приезжай за мной на стадион. Жду.

Он молниеносно проделал утреннюю процедуру — гантели, душ, бритье, стакан молока — и уже собирался покинуть квартиру, когда раздался звонок.

— Ты еще спишь? — услышал он голос Лоридана. — Подъем! Нас вызывает бородач (так он иногда называл Шмидта). Срочно. Включай четвертую скорость. Что-то, как всегда, «важнейшее, главнейшее»!

— Погоди, — замямлил Кар, — как вызывает, он же говорил, что сегодня утром дел не будет.

— Вчера говорил одно, а сегодня другое. В нашем деле все бывает. Поторопись!

— Слушай, Лор, а ты не можешь сказать ему, что не застал меня дома?

— Не могу. Он звонил тебе только что сам, у тебя было занято. Поэтому мне и поручил. И вообще не валяй дурака. Я заеду за тобой через десять минут! — И Лоридан бросил трубку.

Кар вздохнул. Черт бы побрал этого старого идиота Шмидта, и все агентство, и преступников, которым нет покоя, и его самого, что не мог проснуться раньше и смотаться из дома!

Хорошо еще, что в предвидении подобных случаев он попросил у Серэны номер дежурной на стадионе. Он перезвонил и попросил передать Серэне, что у его друга несчастье, что он вынужден был срочно поехать к нему и просит обязательно позвонить вечером.

Кар спустился по лестнице. Перед подъездом его уже ждал Лоридан.

— Поступите в распоряжение начальника компьютерного отдела, — объявил им Шмидт, когда они предстали перед ним.

— Компьютерного отдела? — удивился Лоридан. — А при чем тут мы?

— Видите ли, мальчики, — глубокомысленно заметил Шмидт (на этот раз упоминания о «необычайно важном, труднейшем задании» не было — ведь речь шла не о его отделе), — видите ли, без нас вряд ли может обойтись любой отдел,

да и вообще все «Око» держится на нас. Так что, если надо помочь, к кому обращаются? К нам, конечно! Словом, отправляйтесь к Ренуару, он вам все объяснит.

Компьютерный отдел «Ока» помещался в подвале. Здесь тоже, как и в столичной штаб-квартире, имелся электронный мозг, хотя и поскромней. А рядом, в соседнем помещении, находился компьютерный отдел. Кар не бывал там раньше и немного оробел, увидев стерильно чистые залы, сложные бесшумные аппараты, экраны дисплеев, клавиатуры, сотрудников в белых халатах.

В кабинете, где глухо гудел кондиционер, их принял начальник отдела Ренуар, высокий худощавый мужчина средних лет, тоже в белом халате, в чуть дымчатых очках, скрывавших глаза.

В этом царстве науки Кар и Лоридан, высокие, мускулистые, со своими пистолетами под мышкой и огромными кулаками, выглядели как-то неуместно, даже оскорбительно.

Почувствовав их смущение, Ренуар улыбнулся, пригласил сесть, заговорил, стараясь опуститься до их уровня (там же не люди работают, считал он, а громилы и тупицы).

— Скажите, господа, — поинтересовался он, — вы имеете представление о компьютерной преступности? Вообще о компьютерах?

Прочтя ответ в глазах собеседников, Ренуар продолжал:

— Если не возражаете, я бы коротко пояснил, что это такое. Просто для того, чтоб вам стало ясно: ни одна банда грабителей, вооруженная пулеметами и броневиками, не сможет украсть столько денег, сколько один пожилой джентльмен или подросток, сидя у себя дома перед компьютером. Ну, что такое компьютер, я вам объяснять не стану — это заняло бы слишком много времени. А вот о преступности расскажу. Что касается технических деталей, вы уж поверьте мне на слово. Что такое хеккеры, вы, конечно, не знаете… — продолжал свою лекцию Ренуар.

— Знаю, — неожиданно перебил Лоридан, — это такие неумехи на поле — не по мячу бьют, а по ногам. Но нечаянно, не нарочно.

— Правильно, — с довольной улыбкой подтвердил Ренуар. — Совершенно верно. Но теперь так называют людей, которые с помощью своих компьютеров подключаются к чужим. Они часами могут сидеть, набирая номер за номером, пока не раздастся сигнал — это значит, он

вошел в чей-то компьютер. После этого хеккер присоединяет телефонную трубку к приемнику звуковых сигналов в своей ЭВМ. Теперь надо угадать код и внедриться в чужую информационную систему. Прошу внимания, господа! Надо угадать код! Можно угадать, но можно и добыть. Добыть! Как? Мы еще вернемся к этому. А пока продолжу свою краткую информацию. Приведу вам несколько примеров компьютерных преступлений, которыми занимается наш отдел. Однажды группа студентов нашего городского Университета сообщила всем пользователям университетского компьютера, что телефон компьютера якобы изменился. Отныне он такой-то, и дали номер своего домашнего компьютера. Теперь пользователи, соединяясь с «университетским» компьютером, как и полагается, набирали сначала свой личный код. Записав все эти коды, студенты сообщили пользователям, что прежний номер университетского компьютера восстановлен. Но вы понимаете, что подобное можно проделать и с банковским компьютером. А если у преступников будут коды всех вкладчиков, то легко представить себе последствия.

Кар и Лоридан слушали затаив дыхание. Чего только люди не придумают! Перед лицом по-

добной учености им было даже немного стыдно за «своих» преступников с их примитивными грабежами и налетами.

А Ренуар продолжал лекцию:

— В системе компьютерных преступлений то, что проделали студенты нашего Университета, эти невинные шалуны, называется «самозванство». А есть еще прием «уборка мусора», когда подбирают и анализируют информацию, оставленную кем-либо после работы с компьютером, или «люк» — это когда «разрывают» программу и вставляют туда дополнительную команду. А метод «Троянский конь» заключается в том, чтобы ввести в чужую программу команды, благодаря которым эта программа будет осуществлять такие функции, которые хозяин не планировал, и одновременно работать по-старому. Скажем, переводить какие-то суммы куда-то, но при этом кое-что и на текущий счет преступника. Есть еще «асинхронная атака», когда смешивают команды нескольких пользователей, чьи программы ЭВМ выполняет одновременно. Есть «логическая бомба», когда встраивается, разумеется тайно, в программу набор команд, которые должны сработать при определенных, заранее предусмотренных условиях, скажем, в такое-то время.

Была такая итальянка Марианна Ферри, кстати, банковская служащая в «Кредито Итальяно». Она заложила в программу банковского компьютера «временную бомбу». Бомба «взорвалась», когда эта очаровательная синьорина прибыла в отпуск на Канарские острова, чтобы получить свои три миллиона долларов. Кстати, не буду хвастать, но именно «Око» ее разоблачило.

Ренуар перевел дыхание.

— Короче, я мог бы вам приводить сотни примеров, как люди с помощью своих ЭВМ подсоединяются к компьютерам банков, различных компаний и переводят на свои счета чужие деньги или делают так, что с их счетов нельзя было бы переводить различные уплаты, которые они обязаны делать, как выкрадываются коммерческие тайны, номера счетов, секретные деловые сведения и так далее. Заметьте, шпионажа и всяких военных тайн я не касаюсь, там еще не то творится. Такая тайная война идет, что с ней никакие военные сражения не сравнятся. Но это не наше дело. Мы занимаемся уголовниками, а не шпионами.

— А кто же эти уголовники? — снова не выдержал Лоридан.

— Вот! Хороший вопрос, — поднял указатель-

ный палец Ренуар. — Действительно, кто такие компьютерные преступники? Ну, в первую очередь, это специалисты. Все эти хеккеры, а среди них есть и подростки, все они здорово разбираются в компьютерах, они энтузиасты — теперь ведь любой школьник младших классов легко ориентируется в таких делах, есть инженеры-программисты и ученые. К сожалению, много среди них служащих банков и учреждений, которые используют свое положение в этих банках, чтобы их же и обкрадывать. Но есть и неспециалисты. Я вам говорил вначале, что главный ключ к любому компьютерному преступлению — код — можно добыть. Разумеется, те, кто его и без того знают в силу своего служебного положения, находятся под контролем. Да и то иногда злоупотребляют. Но ведь можно добыть код и иначе — выкрасть, выведать путем шантажа и угроз, подсмотреть, подслушать; мало ли как. И занимаются этим отнюдь не специалисты, а обыкновенные уголовники. И бороться с такими преступниками приходится не работникам моего отдела — ученым, инженерам, программистам, а специалистам иного рода... — Он сделал паузу: — Таким, как вы. — Ренуар снова помолчал и закончил: — У каждого своя специальность. Вряд

ли вы сумеете уличить хеккера, но и я против вооруженного гангстера вряд ли что-нибудь смогу предпринять. Не то что вы. Вот так, господа, а теперь я изложу вам суть дела. В нашем городе, как вы знаете, — продолжал Ренуар, — десятки банков. — Теперь он говорил деловито, теория кончилась, начиналась практика. — Но нас интересуют три. Во всех трех в последние недели происходит одно и то же — кто-то сумел узнать их программы и воспользовался этим для малопочтенных дел. Возможно, такое же происходит и в других банках, но или они об этом не знают, или обратились в другие агентства. Наше дело — эти три. Так вот, судя по «почерку», все три преступления совершены одним и тем же лицом или лицами. Тщательно проверены все служащие, клиенты, различные способы проникновения в программу. И все исключаются. Остался один вариант — каким-то образом программу подглядели снаружи. Но каким? Вот это вам и надо выяснить. Всё.

Ренуар испытующе посмотрел на Лоридана и Кара, словно они уже знали ответ, но скрывали от него.

Первым нарушил молчание Кар:

— Ну что ж, давайте адреса банков, надо по-

смотреть на месте. А почему они обратились к «Оку»?

— Дело в том, — ответил Ренуар, — что помогла случайность — все три директора дружат, вместе играют в бридж в одном клубе. Когда случилась компьютерная кража у первого, он рассказал друзьям, когда у второго — тоже, наконец и третий сообщил им, что у него подобная история. Сначала они, конечно, проводили расследование с помощью собственных детективов, потом подключили какое-то завалящее агентство, наконец, обратились к нам. Мы сразу выяснили, что списаны программы, попросили, чтоб их не меняли, пока не обнаружим преступника. Это было три дня назад. Но директора́ говорят, что надо менять — иначе могут быть непредсказуемые последствия. Они дали нам три дня.

— Ясно! — подвел итог Кар. — Там предупреждены?

— Да, — сказал Ренуар и встал, — желаю удачи.

Первый из банков занимал двухэтажное старое здание. Все здесь было массивным, монументальным. Банк насчитывал вековую историю, у него была солидная, верная традициям клиентура. Кар не удивился, если б застал клерков и кассиров за старыми китайскими счётами, в черных

нарукавниках и с гусиными перьями в руках. Но нет. В зале имелись скрытые телекамеры, кассир сидел в будке из непробиваемого стекла, дюжие охранники с автоматами дежурили у дверей, а подземное хранилище напоминало, наверное, командный пункт стратегической авиации США в Аппалачских горах.

И тем не менее банк ограбили. Даже не заходя в него. Что все-таки значит цивилизация!

— Скоро останемся без работы, — грустно заметил Лоридан, словно прочтя его мысли. — Исчезнут пистолеты, ножи, кастеты. Все преступники будут сидеть дома в белых халатах, попивать виски или, скорей, молоко и грабить, а детективы будут сидеть у себя и ловить их, не выходя из комнаты, и тоже пить «пепси-колу».

— Нет уж, дудки, — раздраженно ответил Кар, — вот детективы уж точно будут пить виски!

Директор принял их в своем кабинете на втором этаже. Он выглядел так же старомодно, как и его учреждение — в темно-сером костюме с жилеткой, в очках в золотой оправе, с платочком, торчавшим из кармана, в лаковых штиблетах.

Он молча и значительно пожал им руки, спросил, какого сока они хотели бы выпить — томатного, виноградного, апельсинового? Кар с

трудом удержался, чтоб не прыснуть.

Директор провел их в заднюю комнату, где помещался пресловутый компьютер. Вот уж он-то был суперсовременный. Другой «мебели», кроме небольшого стола и стула, в комнате не было.

Кар подошел к большому окну. Он сразу определил, что стекло пуленепробиваемое, к тому же окно защищала снаружи мощная решетка. Тяжелые портьеры были затянуты. В комнате горел свет.

— Работа на компьютере идет в основном поздно ночью, под окном всю ночь ходит охранник. Снаружи никто не проникал — ваши люди проверяли и дверь, и окно, а право входа сюда, кроме меня, имеют лишь двое моих сотрудников. Они выше любых подозрений.

— Ясно, — сказал Кар.

Он снова подошел к окну. Раздвинул шторы, открыл. Посмотрел на оживленную улицу. Рядом с банком и на противоположной стороне разместилось множество магазинчиков, лавчонок, дешевых отелей, ресторанчиков, кафе.

— Соседство, к сожалению, не из приятных, — виновато произнес директор, — вон в том ресторане вечно дерется матросня, а в этот отель приводят барышень на пару часов, да и наркома-

ны собираются на углу. Но что поделаешь, когда еще мой прадед был здесь директором, люди были чище. Да, да, чище. И честней.

«Когда твой прадед был директором, — подумал Кар, — лихие разбойники с ножами и пистолями вовсю орудовали на больших дорогах». Но ничего не сказал.

Лоридан долго задумчиво смотрел в окно, изучая то ли голубое небо, то ли обшарпанный отель напротив, то ли пеструю толпу внизу.

Наконец они покинули банк.

В тот вечер Лоридан не пришел ночевать.

Утром с покрасневшими от бессонной ночи глазами он заехал за Каром. Несмотря на усталость, Лоридан был весел и оживлен.

— Все в порядке, Ал, — одну тайну разрешили. Пока ты дрых, твой друг Лоридан-Пинкертон раскрыл преступление века! Поехали к Ренуару.

На все расспросы Кара он категорически отказался отвечать.

— А вдруг я ошибся? Нет, надо проверить.

Ренуар ждал их в том же кабинете. Он брезгливо оглядел небритого Лоридана в помятом костюме, с еще более помятым лицом и вопросительно уставился на него.

— Господин Ренуар, — без долгих предисло-

вий спросил Лоридан, — если подсмотреть, как оператор, или как его там называют, работает с компьютером, можно выяснить программу?

— Конечно, — ответил Ренуар, — но при этой работе могут присутствовать лишь лица, и без того посвященные в тайну.

— Как сказать, — загадочно произнес Лоридан и потянулся к телефону. — Вы разрешите позвонить директору банка?.. Скажите, — спросил он, представившись, — у вас в пятницу, седьмого, поздно вечером кто-нибудь работал с компьютером? Примерно в полночь.

— Да, — ответил директор, его голос хорошо был слышен всем, кто находился в комнате, — как обычно, мой заместитель. Но он вышел…

— А спросите его, пожалуйста, он не открывал, случайно, окно?

— Окно? Сейчас спрошу. — В голосе директора банка прозвучала тревога.

После короткой паузы он сообщил:

— Да, открывал. Дело в том, что в тот вечер испортился кондиционер. Его приходили проверять из фирмы, и он сломался. Так что жара, сами понимаете. Но охранник был на посту. А что?

— Не охранник вам нужен оберегать ваш компьютер, — проворчал Лоридан в трубку, — а

летучая мышь.

— Что, что? — не понял директор.

— Ничего. Спасибо. — Лоридан положил трубку и, повернувшись к Ренуару, застывшему в нетерпеливом ожидании, скучным голосом начал: — В эту ночь я пришел в отель, что напротив банка, попросил номер, выходящий окном на комнату, где стоит этот дурацкий компьютер. Окно банка было сначала закрыто. Потом неожиданно распахнулось. Я увидел этого лопуха, что работал на компьютере. Должен вам сказать, что прихватил я с собой инфракрасный бинокль, я его там, в джунглях, у одного парня купил, занятно уж больно, а вот и пригодился: наблюдая за работой этого заместителя, я догадался, что, если следить внимательно, да еще записывать некоторые данные, да еще серьезно разбираться во всей этой «хиромантии», можно и понять программу компьютера. Придя к этому выводу, я пошел к администратору этажа. Такая, знаете ли, разговорчивая дамочка, и выяснил, что этот номер часто снимает один и тот же господин, она описала его приметы и сказала, что последний раз он у них был седьмого, в пятницу, возможно, придет еще. Вот так, господин Ренуар. Значит, этот тип тоже через инфракрасный бинокль наблюдал за

этой «шляпой», замдиректора, который раскрыл окно, а окнище там огромное, во всю стену, и записал эту программу или уж не знаю что. Вы слышали, что сказал директор?

— Да это я и без директора сообразил, — задумчиво заметил Ренуар. — Все ясно: этот человек проследил за движением магнитной ленты, отмечал у себя в блокноте перемещения 0 и 1. И в совокупности это дало ему запись программы в двоичном коде. А заодно и несколько сотен тысяч, — добавил он после паузы и, с удивлением посмотрев на Лоридана, произнес: — Молодец! Признаюсь честно, не очень-то уважал ваш отряд. Теперь буду уважать. Доложу лично директору. Молодец! — повторил он.

Лоридан сидел скромно потупившись.

— Приметы, которые вам указала эта дама, передадим в отдел идентификации, — уже деловым тоном заговорил Ренуар, — а как насчет двух других банков?

— Ну, еще одного я нащупал, — самодовольно сообщил Лоридан. — Дело в том, что компьютер второго банка находится на пятом этаже изолированного здания, никаких занавесок в комнате нет, но нет и высоких домов вокруг. Откуда же преступник мог наблюдать программу? Меж-

ду прочим, там тоже работают ночью. У меня возникла одна идея. С директором банка я созвонился. Они вчера изменили программу. Так что в ближайшее время этот воришка должен прореагировать.

— А третий? — не унимался Ренуар.

— Третьим занимается Кар.

— У меня пока ничего нет, — мрачно сообщил Ал.

Первый успех все же окрылял — по крайней мере, почерк преступника определили, один «эпизод» раскрыли, второй должен был привести к поимке злоумышленника.

— Понимаешь, Ал, — оживленно рассуждал Лоридан, пока они ехали обедать к нему, где их с нетерпением ждала Элизабет, — я облазил весь этот банк сверху донизу. Так вот, там плоская крыша, окружена перилами, и на перилах над окном комнаты, где стоит этот компьютер, обнаружил пучок какого-то непонятного шнура, крепкого, нейлонового. Я подумал, а не залезал ли этот парень на крышу — это ничего не стоит сделать, там три пожарных лестницы, и не спускал ли к окну кинокамеру? А? Ночь, в окно ее не видно, камера с инфракрасным объективом висит себе и накручивает. А он сидит, как рыбак

с удочкой, и дожидается, пока рыбка клюнет, пока она снимет то, что надо. Потом идет домой и изучает. Если не то, снова возвращается. Уж эти мне инфракрасные лучи! Теперь, по моим расчетам, он снова притащится, поскольку программу изменили. Так что посидим в засаде. Не забудь парашют взять. — Лоридан весело рассмеялся, он был доволен собой. — А то с этой крыши лететь радости мало. Вдруг он не один!

Кар молчал, он был в плохом настроении. Лоридан, конечно, молодец. Но сам-то Кар оказался не на высоте. Вернее, как раз на высоте, мрачно пошутил он про себя. Дело в том, что компьютер третьего банка помещался на последнем, восемнадцатом этаже здания. На километры вокруг не было ни одного такой же высоты строения, ни горы, ни башни, не было и пожарных лестниц. Вообще попасть на крышу, кроме как изнутри, было невозможно. Но чтоб попасть внутрь, в отличие от первого банка, требовалась, как минимум, танковая дивизия. Это был один из самых процветающих и современных банков страны, точнее, его местный филиал, центральный офис находился в столице.

Все входы в здание — а их было четыре — охранялись огромными подвижными решетками,

стальными дверями, сложной электронной сигнализацией. Такие же двери перегораживали коридоры и лестничную клетку. Лифты на ночь выключались. Дом был набит охранниками с собаками. И немногие работавшие до глубокой ночи служащие располагали рядом с рабочим помещением комнатами отдыха. Доступ к пресловутому компьютеру имели лишь три человека — директор, вице-директор и главный оператор, все, конечно, «выше подозрений». Вице-директор уже давно лежал в больнице (кстати, «Око» проверило и всех, с кем он в больнице сталкивался). Хоть главный оператор и был «выше всяких подозрений», на всякий случай проверили и его.

Так каким же образом вор проник в тайну компьютера? Единственный способ оставался спросить у него самого. Для этого требовалась мелочь — поймать его.

Но теперь надо было помочь Лоридану.

Третью ночь Лоридан и Кар, одетые в черные обтягивающие трико, какие обычно надевают актеры-мимы, с черными чулками, натянутыми на лицо, лежат на жесткой, неудобной крыше второго банка и ждут.

Уметь терпеливо ждать — один из главных талантов сыщиков, ну, не сыщиков — сыскных

агентов. Иной раз можно с ума сойти. Ждать, ждать, ждать! И частенько напрасно.

Но в этом деле им везло. В ту ночь, сразу после полуночи, тренированный слух сотрудников «Ока» уловил еле слышный шорох. С директором было договорено, что в компьютерной комнате зажгут все лампы, посуетятся и лишь потом свет пригасят, как обычно.

Они лежали не дыша и следили, как невысокая фигура, одетая, как и они, в черное трико, возникает у верхушки пожарной лестницы, осторожно оглядывается, прислушивается, потом подтягивается, подползает к перилам, волоча за собой сумку, вынимает кинокамеру, долго возится, видимо привязывая ее к перилам, и медленно, буквально по сантиметру, опускает над окном. Камера работает почти бесшумно, автоматически. Человек присаживается на корточки и ждет.

Лоридан приподнимается на локтях и с помощью фотоаппарата, рассчитанного на съемку в темноте, делает несколько снимков. Как ни бесшумно работает аппарат, человек улавливает почти неслышный щелчок и тревожно оглядывается.

В то же мгновение Кар стремительным прыжком преодолевает расстояние до него, всей тяже-

стью прижимает к крыше и заламывает руку за спину. Он проделывает это легко — преступник растерян, к тому же оказывается щуплым и слабым, он тихо воет от боли.

Напряжение спадает. Кар зажигает мощный карманный фонарь. Охранники банка, громко стуча башмаками и переговариваясь, поднимаются на крышу, достают продолжающую работать кинокамеру, без особой деликатности хватают злоумышленника и, надев на него наручники, уволакивают вниз.

Кар и Лоридан отправляются следом.

В караулке банка при свете они наконец могут разглядеть этого человека, сумевшего так ловко обокрасть три банка. Маленький, средних лет, с невыразительным лицом, почти лысый — дамочка-администратор его точно описала и, конечно, легко опознает. Он сидит на стуле, тоскливо глядя в стену, он понимает, что все для него кончено и прихваченные денежки ему впрок не пойдут. Охранники банка толпятся вокруг и удивляются — как такой заморыш сумел совершить такое хитрое преступление.

— Ну, а как ты ограбил третий банк? — спрашивает Лоридан, — А?

Человек недоуменно смотрит на него:

— Какой третий банк?

— У тебя что, память отшибло? Можно вернуть на место, — улыбается Лоридан и ударом в челюсть сбрасывает человека со стула. Ногой он ударяет его в живот, но тот не шевелится — он потерял сознание.

— Эй, потише, — останавливает Лоридана Кар. — Ты что, не видишь, с кем дело имеешь, он же не выдержит.

Человека приводят в чувство, ошалелым взглядом он смотрит на обступивших его людей и, заметив Лоридана, в ужасе пятится к стене.

Лоридан угрожающе приближается к нему.

— Вот что, парень, или ты сейчас же выложишь все про третий банк, или я оторву тебе голову и вставлю ее в компьютер. — Он громко смеется.

— Клянусь, я не знаю, про какой банк вы говорите, — захлебываясь словами, бормочет человек, — я вот этот и еще тот снимал из окна, из окна отеля, я правду говорю, там женщина, она может подтвердить, клянусь, я говорю правду, могу все показать, все программы, у меня все записано, я покажу, этот банк и тот…

— «Этот и тот», «этот и тот», — передразнивает Лоридан. — Мы про них без твоей помощи узнали. Ты нам про третий расскажи. И не вздумай врать. Ты что, к нему на дельтаплане подлетал?

— Клянусь, я не знаю, о каком…

Лоридан угрожающе надвигается на него.

— Ну вот что, — решительно говорит Кар, заслоняя собой вора, — сейчас поедем к тебе и посмотрим, что там у тебя.

— Да я из него сейчас все его хитрости выбью… — хорохорится Лоридан, но он уже понял, что ничего из этого потерявшегося человечка не выбить.

Вместе с охранниками банка они садятся в машину и едут к человеку домой.

Он живет на окраине в маленьком домике, видимо, один. Выясняется, что когда-то он работал программистом, запил, его выгнали. А поскольку программистом он был хорошим, то несколько раз снова брали на работу и, поскольку он и пьяницей был неплохим, опять выгоняли. И вот он придумал, как заработать. Действительно, сумел подсмотреть программы и начал переводить деньги на свой счет. Осторожно, да не слишком жадничая, но вот попался… А насчет третьего банка упорно и отчаянно все отрицал.

Сделали обыск и действительно нашли доказательства его вины — записи программ двух банков. Ничего, что свидетельствовало бы об ограблении третьего банка, обнаружено не было.

В конце концов, пришлось отправить его с охранниками в полицию.

Наутро Кар и Лоридан явились с докладом к Ренуару. Они подробно доложили, в чем дело, и услышали тот же вопрос, который столько раз задавали сами себе этой ночью: «А третий банк?»

— Какие причины у него скрывать? — рассуждал Ренуар. — Ведь что два банка ограбил с помощью компьютера, что три — разница небольшая. Здесь во всем признался, все подробно рассказал, показал, а о третьем молчит. Почему? Может, действительно не грабил? Тогда кто?

— Надо еще покопать, — сказал Лоридан.

— Есть у меня одна мысль, — задумчиво сказал Кар, — но нужно время. Есть у нас время, господин Ренуар?

— Теперь есть, — пожал плечами тот, — теперь времени много.

И Кар с Лориданом использовали это время не зря.

Они начали с того, что установили за директором и главным оператором третьего банка слежку.

Первый результат получили очень скоро. Директор имеет любовницу. И хотя он получает в месяц столько, сколько весь их отдел в год, девица

обходится ему недешево. Изучив ситуацию подробней, они убедились, что без дополнительных доходов он бы не прожил. Один из источников этих дополнительных доходов обнаружили довольно быстро. Не они с Лориданом, конечно, а финансовый отдел «Ока». Директор играл на бирже. Причем довольно удачно. Но этого тоже хватить не могло. Вскоре выяснили, что он играл еще и на бегах и, как ни странно, тоже удачно. Везунчик!

Но в конце концов, никому не возбраняется ходить на ипподром, а тем более на биржу. Можно было привести немало примеров, когда биржа рождала миллионеров.

Наконец удалось обнаружить, что директор занимался «стиркой» — попросту «отбеливал» нечестно нажитые капиталы. Существует такая сложная система, когда, например, мафия, похищая деньги или зарабатывая их преступным путем, производит различные банковские операции, вкладывая, переводя, изымая и снова вкладывая деньги, пока те не станут «чистыми». Но в этом случае надо иметь директоров банков в качестве помощников, а проще сказать, сообщников. Это уже было бы нарушением закона. За это, конечно, директор вряд ли лишился бы свободы,

но наверняка потерял бы место.

Каждый поступок рождает следующий. Пришло время, когда директор запустил руку в кассу своего банка.

Разумеется, после поимки компьютерного вора, обнаруженного Лориданом, в третьем банке махинации с выкраденной программой прекратились. И все же дотошные специалисты «Ока» сумели установить, что последняя операция была проведена буквально через день после задержания преступника, когда директор еще ничего не знал о случившемся.

Все стало ясно.

Однако, раньше чем передать дело в полицию, Шмидт, а вернее, директор агентства поручил Кару и Лоридану поговорить с директором банка. Они хотели, видите ли, узнать его реакцию. Вдруг ошибка? Впрочем, Кар подозревал, что у руководителя «Ока» были иные причины.

Директор банка принял их в своем кабинете на пятнадцатом этаже. Они уже побывали здесь, когда эта история только начиналась.

Теперь директора трудно было узнать. Перед ними был не тот холеный, уверенный в себе человек, который принимал их в прошлый раз, а растерянный старик, в помятом костюме и

небрежно повязанном галстуке. Он, конечно, понимал, что петля затягивается, метался, пытался что-то предпринять, но у него не было никаких шансов.

Когда они вошли, директор стоял возле домашнего бара, расположенного в одном из углов кабинета, и наливал себе в большой стакан коньяк. Судя по его виду, стакан этот был не первый.

— Ну что, что скажете? — спросил директор и жалко усмехнулся.

Кару стало противно.

— Господин директор, — холодно произнес Лоридан, — вы догадываетесь, зачем мы пришли?

— Честно говоря — нет, — снова усмехнулся директор, — представьте себе — нет! Что вам нужно? Чего вы еще не знаете? Какие вам нужны сведения? Вы же поймали преступника? Да? Так чего еще?

— Одного преступника действительно поймали, — сказал Лоридан, делая ударение на слове «одного». — Но есть другой и…

— Да? Есть другой? — перебил его директор и разразился пьяным смехом. Он попытался налить себе еще, но бутылка была пуста, а новой он открывать не стал. — Значит, есть другой. И

кто же?

— Вот что, господин директор, хватит валять дурака! — Лоридану надоела вся эта комедия. — Вы отлично знаете, о чем идет речь. У вас нет желания написать собственноручно признание?

— Нет! — сказал директор, он вдруг выпрямился, хмель словно сошел с него, лицо приняло высокомерное выражение. — У меня другое желание — чтоб вы убирались вон! Слышите? Вы кто — полицейские, прокуроры? Вы сыщики-любители, жалкие пинкертончики! Вынюхиваете, выслеживаете… Небось сами при случае готовы грязную деньгу в карман положить! Вон отсюда!

Он повернулся к ним спиной и устремил взгляд в окно, откуда открывался вид на город, на пляжи, на уходящее за горизонт море, на голубое, усеянное мелкими белыми облачками небо. О чем думал сейчас этот человек, вознесенный жизнью к вершинам успеха, а теперь неминуемо летящий в пропасть?..

Когда Кар и Лоридан выходили из величественного подъезда банка, вокруг распростертого на асфальте тела директора уже собралась молчаливая толпа прохожих…

— Вот так, — рассуждал Лоридан, пока их машина неторопливо катила к агентству. — Вот до

чего может довести женщина. Может поднять на подвиг, а может толкнуть на преступление.

— Как ты заговорил, — усмехнулся Кар, — прямо оратор! Знаешь, что я тебе скажу, — если любишь женщину, нечего ради нее становиться преступником. Она сама тебе этого не простит. Если, конечно, стоящая женщина, — добавил он, подумав о Серэне.

Он любит ее. Да, да, любит! Хотя всегда посмеивался над людьми, когда они начинали рассуждать об этом мифическом, по его мнению, чувстве. Увлечься немного, вместе повеселиться… Но любить… Теперь он честно признавался себе в том, что потому посмеивался над своими влюбленными товарищами, что сам этого чувства еще не испытал. И, кроме того, что такое влюбленный? Это зависимый от женщины человек! А настоящий мужчина зависимым быть не может. Однако его логика страдала одним существенным изъяном. Это мужчина не мог любить, а вот женщина могла. Он, конечно, никого не полюбит, не испытает этого унизительного чувства, а вот она (а точнее, бесчисленные «они») его может и полюбить. Даже должна. И такие встречались.

Но сейчас он вынужден был признать, что

влюблен.

Так вот, если б он совершил ради псе преступление, что бы она сделала? Ведь тех троих он избил ради нее, за то, что они оскорбили, испугали ее. А что она сказала? Что испугалась его, Кара. И если теперь еще узнает, что один из тех подонков умер, еще неизвестно, как она к этому отнесется.

Значит, не убивать таких? Прощать? Может, в этом и состоит суть того, что женщина возвышает, очищает мужчину. Так, по крайней мере, показывают в разных слюнявых фильмах, от которых тошнит, или пишут в романчиках. Очищает! Кстати, об «Очищении». Надо будет поинтересоваться в информационной картотеке «Ока», что это за общество, чем они там занимаются. «Панки», «хиппи», «Поборники Христа», «Слуги Иеговы», «Наследники Гитлера», «Противники войны», «Долой Хиросиму!», «коричневые», «красные», «черные», «зеленые»... Их сотни, этих обществ. И все чего-то хотят или, наоборот, не хотят, за что-то или против чего-то борются, митингуют, демонстрируют, протестуют. И вот «Очищение». Конечно, это плохо, когда реки отравляют — не поудишь рыбу. Или, вон, в жару в центре не продохнешь от машин, он бы тоже продемонстрировал за то, чтобы скорей все ма-

шины перевели на электродвигатели. Но ведь там они и против разных «элементов» борются. Каких? Ну ладно, против полицейских и судей, «слуг господствующей верхушки». Среди этих «слуг» действительно полно взяточников и продажных шкур. Но где гарантия, что завтра они не начнут бороться против сыскных агентов? А мы чьи слуги? Кто нам платит? Что-то я не знаю, чтобы рабочий нанимал себе телохранителя. Или платил, чтоб мы выясняли, не изменяет ли ему жена. Сам выяснит и, в случае чего, так вздует, что она его еще больше полюбит.

Между прочим, «господствующая верхушка» не очень-то любит, чтобы против нее и ее «слуг» боролись. Особенно этого не любят сами «слуги». И как они с такими борцами поступают, уж кому-кому, а Кару хорошо известно. Так что надо все-таки поинтересоваться, чем они там, в «Очищении», занимаются, и, в случае чего, вытащить оттуда эту наивную овечку Серэну.

Но тут он подумал о другом. А что, если поинтересуется работой Кара она? Как она воспримет его деятельность? Не отнесет ли своего любимого к «слугам господствующей верхушки»? И не перестанет ли он в этом случае быть любимым?

Он не успел додумать свои невеселые мыс-

ли до конца. Машина остановилась у подъезда агентства.

Шмидт горячо пожал им руки.

— Молодцы, мальчики! — рокотал его бас. — То-то мы Ренуару нос утерли. Компьютеры, ЭВМ, дисплеи, процессоры, диоды, триоды, бам-бам-бам, бум-бум-бум! Все ученые, все инженеры! А как потребовалось раскрыть трудное дело, так к нам прибежали: «Господин Шмидт, пожалуйста, помогите, спасите!» Нет, мальчики, без нашего брата, человека действия, никакого преступления не раскроешь! И не совершишь, — добавил он несколько неожиданно.

Передав им благодарность от директора агентства, Шмидт пожелал им веселого вечера.

Когда Лоридан и Кар уже выходили, Шмидт, словно забыв что-то, окликнул Кара:

— Да, Кар, останься на минутку. — И когда тот вернулся к столу, Шмидт тихо сказал: — Директору понравилось, как ты высчитал этого банкира, расспрашивал о тебе. Не удивлюсь, если вызовет на беседу. Я сказал, что ты ас.

— Спасибо, — искренне обрадовался Кар.

А кому не радостно, если его отметит начальство.

Они поехали обедать к Лоридану.

Элизабет по случаю удачного завершения операции закатила пир. Во всяком случае, на столе возник роскошный пирог и множество напитков, к которым, по наблюдениям Кара, его друг проявляет с течением времени все больший и больший интерес.

На этот раз и Кар незаметно для себя опорожнял одну за другой пивные банки и вообще как-то весь расслабился, поэтому, когда Лор ушел в спальню прилечь, что случалось с ним после сытного обеда, у оставшихся вдвоем Кара и Элизабет возник доверительный разговор.

В тот день хоть Элизабет и веселилась вместе с ними, радуясь их удаче, но казалась усталой.

Кар спросил у нее о причине.

— Ах, — махнула она рукой, — представляешь, у нас, видите ли, в школе бунт устроили старшеклассницы — им не разрешают ходить на дискотеку.

— Ну и что? — не понял Кар.

— Как что! Они требуют. Директорша не соглашается — как можно, там аморально, там мальчики, а они, как известно, все развратники, наркоманы, преступники и вообще исчадия ада. И вдруг наши чистые, непорочные девы пойдут на дискотеку! Ах-ах! А эти девы, между прочим,

давно уже встречаются с исчадиями ада, по ночам спускаются по веревке со второго этажа в сад, курят под одеялом. А в прошлом году двоих пятнадцатилетних пришлось срочно вернуть родителям — они забеременели.

— Ну да? — удивился Кар. — Я думал, у вас вроде монастыря.

— Именно, — многозначительно поддакнула Элизабет. — Сплошной грех.

— Ну и чем кончился бунт?

— Фарсом! — Элизабет расхохоталась. — Прогресс не остановить. Куда от дискотеки денешься? Договорились на компромиссе: ходить будут, но только в субботу, до десяти вечера и в сопровождении дежурной воспитательницы. Но участницы бунта — их семнадцать — будут наказаны, то есть выпороты. Вот я сегодня весь день и работала. Ты думаешь, так просто выпороть семнадцать здоровых девок! Устала как черт.

— Бедняжка, — посочувствовал Кар, — в следующий раз позови меня, я тебе помогу.

Посмеялись, помолчали. И вдруг Кар начал исповедоваться:

— Знаешь, Бет, я, кажется, влюбился.

— Ну да! — Элизабет чуть не выронила стакан, который держала в руке. — Почему ты так

решил?

— Во-первых, я должен ее все время видеть. Не могу долго без нее, — деловито перечислял Кар, — во-вторых, она мне кажется лучше всех на свете; в-третьих, понимаешь, в-третьих, мне хорошо с ней, в общем, как тебе объяснить, раньше такого не бывало.

— Да-а, — протянула Элизабет, она серьезно обдумывала услышанное. — Похоже, что влюбился. Но это же здорово, Ал! А кто она?

— Да никто. Преподает язык в Университете. Помнишь дело, когда мы выясняли по просьбе одной жены, куда мотается муж? Не помнишь? Ну, мы еще смеялись: он язык учил, хотел жене сделать подарок. Ну?

— Да, да, припоминаю…

— Вот эта преподавательница, которую мы подозревали, что она дом свиданий содержит. Вот она. Начал с ней из-за того дела встречаться, а потом пошло.

— Ты счастлив, Ал, скажи, счастлив? — глаза Элизабет сияли, она сама была искренне счастлива.

«Как она может пороть девочек? Ума не приложу!» — подумал Кар.

— Счастлив? — переспросил он задумчиво.

— Не знаю. Наверное.

— То есть как не знаешь? — возмутилась Элизабет. — Или она к тебе равнодушна?

— Да нет, она мне как-то жизнь спасла.

— Спасла жизнь? — Элизабет даже вскочила. — Что значит как-то? Ты что, не помнишь, когда это было?

— Да помню, все помню, я тебе потом расскажу. Дело не в этом. Понимаешь, она ведь не знает, кто я.

— Как не знает? Почему?

— Она думает, что я тренер по каратэ. Я ей не говорил про «Око».

— Но почему? Что здесь постыдного? Работа как работа. Между прочим, можешь ею гордиться — борешься с преступниками. Рискуешь жизнью.

— Ты думаешь?

— Но я же не стыжусь Лора и его профессии.

— Да, конечно. — Кар никак не мог сформулировать свою мысль. — Понимаешь, мне кажется, что она эту мою профессию не одобрит.

— Почему ты так решил? — допытывалась Элизабет.

Тогда Кар рассказал ей об эпизоде в парке.

— Она мне так и сказала: «Я тебя испугалась». Понимаешь, она против всякого насилия. Еще это

общество «Очищение»…

— Какое «Очищение»? — Элизабет нахмурила брови. — Я что-то слышала об этом. Они устраивают демонстрации, да?

— Да. И не только. Вот она ходит на эти демонстрации, и отговаривать ее напрасно, только поссоримся. Они протестуют против насилия, против, как она говорит, «заражения окружающей среды»…

— Ну, а ты при чем, ты что, на химическом заводе работаешь?

— Да нет, они хотят очистить среду не только от всякого мусора, ядовитых веществ, но и от насилия, деспотизма, в общем, разных таких штук.

— Но ты-то, ты-то как раз и защищаешь от преступников! — Элизабет была искренне возмущена.

— Может быть, может быть, — мямлил Кар. — Понимаешь, я не могу тебе объяснить. Я просто чувствую, что она мою работу осудит. Мы же, сама знаешь, иногда приходится… Словом, не всегда мы ангелы.

— Но нельзя же делать грязную работу чистыми руками. Вы как раз и очищаете мир от всякой гадости, а уж тут все методы хороши, ты объясни ей, — убеждала его Элизабет.

— Ладно, попробую, — неуверенно сказал Кар. — Ты вот что, не говори пока Лору. Пусть пока между нами останется. Сделаю тебя главным консультантом. — Он невесело улыбнулся. — Обещаешь?

— Обещаю. Держи меня в курсе.

— Обязательно. А сейчас поеду. Устал что-то.

Глава VII
ПУСТЯКОВОЕ ЗАДАНИЕ

Жизнь шла своим чередом. Кар продолжал выполнять различные задания. То ловили какого-то типа, скрывавшегося от кредиторов, то следили за сыном миллионера, сумевшим подделать подпись отца на чеках, то охраняли очередную рок-звезду, заглянувшую в город на гастроли. Пришлось разыскивать убежавшую собачку. Ее престарелая хозяйка готова была заплатить любую сумму, лишь бы нашлась эта крохотная лохматая гуляка, соблазненная, судя по всему, соседними собачьими донжуанами.

Однажды устроили засаду на вилле богача-коллекционера, получившего сведения, что ее хотят ограбить. Грабители действительно предприняли такую попытку, завязалась перестрелка, и Кара легко ранили в плечо. Пришлось Серэне соврать, что неловкий ученик на занятиях растянул ему сухожилие.

Вообще Кару все трудней становилось скрывать от подруги свою истинную профессию. Как объяснить нерегулярность работы, неожиданные исчезновения, отлучки? А вдруг она попросит

повести ее на занятия в его «школу каратэ»? «Там посмотрим, — отгонял Кар тревожные мысли, — в крайнем случае расскажу все как есть. Элизабет права: чем моя работа хуже других?» Иногда он делился с Элизабет своими тревогами, советовался, и ему было приятно, что она принимает в его делах такое живое участие. От Лора они держали все в секрете. И Элизабет нравилось играть в такую конспирацию.

В их отношениях с Серэной произошло важное событие: она пригласила Кара к себе домой!

Как всегда, с ней это случилось совершенно неожиданно. После очередной игры в теннис Кар провожал ее домой. В тот раз он ушиб палец, палец распух, покраснел, и еще на стадионе Серэна сказала:

— До чего же ты неуклюжий! Надо сделать примочку, у меня есть чудодейственная жидкость.

На этом разговор и кончился. Но когда они подъехали к ее дому, Серэна вдруг совсем буднично предложила:

— Давай зайдем ко мне, я смажу тебе палец.

Если б Кар не сидел, прочно вдавившись в подушки своего «мерседеса», он, наверное, упал замертво: зайти к ней домой! Нет, это невероятно! Серэна сама предложила зайти к ней домой!

Он выскочил из машины, как снаряд из орудия, но вовремя сдержал свой порыв. Вдруг напугает ее?

Порывшись в сумочке, Серэна достала ключ, открыла дверь, и он очутился в святилище (в этом «доме свиданий»).

Серэна жила в большой квартире, обставленной в стиле модерн — сталь, стекло, пластмасса, дневной свет. Она предложила Кару сесть и ждать, пока она переоденется. Больше ничего не предложила — бар в квартире отсутствовал.

Кар сел и стал ждать, внимательно оглядывая комнату. На столе две-три абстрактных литографии, в углу чуть не до потолка абстрактная скульптура обнаженной женщины (три груди, зато ни одной головы, а где руки и ноги, сразу не скажешь). Серый ковер, стальной диван с красными подушками и такие же кресла. И низкий стол из органического стекла на одной выгнутой стальной ножке. На столе причудливая ваза с одинокой розой. И все.

Серэна вернулась — на ней были короткие шорты и белая шелковая пижамная куртка, стилизованная под куртку дзюдоиста, с черным вышитым на груди иероглифом.

Она молча присела на корточки перед Каром и,

выдоив из пузырька какую-то густую оранжевую жидкость не жидкость, пасту не пасту, стала смазывать ему ушибленный палец, потом заклеила пластырем и, полюбовавшись на свою работу, бодро произнесла:

— Все! Завтра и не вспомнишь. А теперь пошли питаться.

Они прошли на кухню, такую же модерновую, как гостиная, сверкавшую металлом и белой полировкой, в центре которой высился стол. Кар не успел оглянуться, как стол был уставлен всевозможными блюдами, бутылками вина, банками пива и соков. Все выглядело роскошно, но Кар заметил, что все это приготовлено не дома, а приобретено хоть и в дорогом, но все же магазине. Судя по всему, Серэна не очень-то любила готовить. Но неужели у нее каждый день так набит холодильник? Или (у Кара забилось сердце) все это приготовлено заранее, и его приход сюда тоже заранее предусмотрен? Но с Серэной поди узнай!

Кар ел долго, с аппетитом и сам не замечал, что затягивает трапезу. Что потом? Им все больше овладевало смущение. Господи, сколько раз, сколько тысяч раз приходил он к молодым женщинам и вот так садился за стол, прекрасно зная наперед все, что последует дальше, что он сдела-

ет, встав из-за стола, и она, встав вслед за ним! А тут он чувствовал себя каким-то мальчишкой. Это раздражало его и забавляло одновременно.

И вдруг напряжение спало. А почему он должен думать об этом? Она ведь пригласила его в дом, вот пусть она и думает. Прошлый раз…

В это время Серэна встала:

— Пошли, покажу тебе, как я живу.

Они прошли еще в одну комнату — спальню, где имелась лишь очень широкая и низкая кровать, зеркало на стене да полдюжины пуфов. Опять сталь, красная обивка, красный густой ворс. Потом она показала ему свой «развлекательно-тренировочный комплекс», где стояла стереофоническая система «Акаи», видео, тумбочки со множеством видео- и музыкальных кассет, а также аппарат для массажа, комплекс для силовых упражнений, шведская стенка, гантели.

— Ну ты даешь! — удивлялся Кар. — Прямо как в хорошем спортзале. Да и куртка на тебе… Может, ты скрываешь от меня, что у тебя черный пояс, десятый или хотя бы третий дан?

— Я с тобой и без данов справлюсь, — засмеялась Серэна и вызывающе посмотрела на него. — А вот кабинет. — И она театральным жестом распахнула еще одну дверь, заранее предвкушая

эффект. Действительно, Кар остановился на пороге пораженный.

Кабинет представлял собой в самом деле кабинет в лучшем стиле романов Чарлза Диккенса. Стены были сплошь заставлены дубовыми старинными шкафами, заполненными книгами, старинный необъятный письменный стол возвышался у окна, полузакрытого тяжелыми портьерами. Возле стоял совсем уже неожиданный предмет — громадный глобус. Несколько тяжелых мягких кресел и качалка дополняли обстановку.

— Это чтоб мои ученики уважали меня за ученость. Они же понимают, что такой кабинет может быть только у очень солидного преподавателя. И когда приходят, сразу робеют.

Она весело рассмеялась, а Кар еще долго ошеломленно оглядывался.

— Но ведь все это очень дорого, Серэна, — вырвалось у него. — Я не знал, что ты такая богатая.

В голосе его прозвучала тайная грусть, но она мгновенно уловила ее и разгадала причину.

Серэна приблизилась к Кару, взяла под руку, прижалась и почему-то шепотом сказала:

— Не беспокойся. Это все не мое. У меня была лучшая подруга, она уехала далеко и надолго и

оставила мне эту квартиру, обстановку, мебель, все до своего возвращения. А вернется ли — не знаю. Ты не спрашивай меня о ней. Хорошо?

— Хорошо, — так же шепотом ответил Кар.

— А теперь пойдем, — сказала она еле слышно и повела его в спальню…

В этот раз Кар остался у нее ночевать.

И с тех пор делал это нередко.

Их отношения опять вступили в новую фазу. Они были счастливы.

Но у него прибавилось и забот.

Главная заключалась в том, как уберечь свою тайну, как сделать так, чтоб Серэна не узнала о его службе в агентстве «Око».

Они виделись чаще, почти каждый день, он частенько ночевал у нее, и теперь объяснять свои ночные отлучки, неожиданные телефонные звонки стало сложнее. Все агенты «Ока» обязаны были сообщать номер телефона, по которому их можно найти. И хотя правило это было довольно условным — поди разыщи молодых, в большинстве холостых ребят в ночное время! — но все же, если б Шмидт позвонил ему два, три, пять раз и ни разу не застал дома, могли бы возникнуть неприятности. Пришлось для Серэны выдумать целую историю — он, мол, прирабатывает у

одного богатого чудака, страдающего манией преследования. И когда припадок на него накатывает, он срочно вызывает к себе Кара, где бы тот ни был. Не такая уж великая работа, а деньги нужны. Серэна, к счастью для Кара, поверила его истории и даже не проявила к ней особого интереса. Ну прирабатывает, ну и что? Она ведь тоже дает уроки. Каждый зарабатывает как может.

Поэтому Кар с легким сердцем сообщил Шмидту номер телефона Серэны и, отведя взгляд в сторону, сказал, что если уж очень потребуется и его не застанут дома, то иногда, не часто, можно в ночное время найти его по этому номеру. Шмидт ухмыльнулся, записал номер, но никаких комментариев не сделал. В конце концов, Кар среди агентов в таком положении был не единственным. За все время Шмидт позвонил ему к Серэне лишь два раза, а поскольку по телефону он никаких разговоров не вел, а лишь указывал Кару, куда и когда прибыть, то, в общем, Кар мог быть спокоен, пока что его тайне раскрытие не грозило.

Когда к Серэне приходили ученики, он уходил. Бывало, что и Серэна исчезала на свои собрания, она всякий раз предупреждала его, и он старался в такие дни не приходить к ней. Его раздражали

ее рассказы об этих собраниях, полные то восторга, то негодования. Все это его не интересовало, он немного ревновал свою подругу к ее общественной деятельности, но попытки отговорить ее от этого встречали столь решительный отпор, что он прекратил их.

Кар задумывался порой, не познакомить ли Серэну с Элизабет. Элизабет спокойная, рассудительная, опытная, она может хорошо влиять на Серэну. Но потом он сообразил, что придется тогда знакомить и с Лориданом. А тому он не доверял — проговорится еще или как-нибудь пошло сострит, не то скажет. Нет, лучше не рисковать.

В это время в жизни Кара произошло событие в масштабах сыскного агентства «Око» весьма примечательное — его вызвал вице-директор Бьорн.

У директора агентства было несколько заместителей, вице-директоров, каждый ведал группой отделов. Кто-то занимался коммерческой стороной, рекламой, кто-то информацией, связями с полицией, еще один — техническим и компьютерным отделами, отделами слежки, наблюдения, службой телохранителей, похищениями людей, кражами произведений искусства. Вряд ли даже столичное полицейское управление могло похвастаться такой великолепной

структурой, таким укомплектованным высококвалифицированными специалистами штатом, как «Око». Теперь уже не по рассказам Лоридана, а по собственным наблюдениям Кар мог убедиться в этом.

Рядовым сотрудникам, вроде Кара и Лоридана, приходилось иметь дело с начальниками отделов, каковым для них являлся Шмидт. И только в исключительных случаях — с вице-директором, курирующим отдел. Что касается директора, то он возникал лишь в совершенно исключительных, особо важных делах. Причем важность дела определялась отнюдь не его сложностью или необычностью, а только тем доходом, какое оно могло принести «Оку». Как было, например, с псевдопохищением дочери миллионера Дюваля. Разоблачение неверной жены богача, за которое муж-рогоносец выкладывал десятки тысяч, расценивалось куда выше, чем полная опасностей поимка одиозного убийцы, приносившая всего лишь тысячи.

Сотрудники «Ока» приблизительно знали, какой вице-директор какими вопросами ведал. Но вот чем занимался вице-директор Бьорн, не знал никто.

Этот невысокий седой человек с умным энер-

гичным лицом имел в здании свой кабинет с приемной и секретаршей, но почти никогда в этом кабинете не бывал. Где находилась его постоянная резиденция, где он вершил свои дела и какие, оставалось тайной. Впрочем, рядовых агентов, Кара в том числе, это мало интересовало.

— Видите ли, мальчики, — говорил частенько Шмидт, — наше агентство как подводная лодка после сигнала тревоги. Каждая группа задраивается в своем отсеке и знать не знает, что происходит у соседей. Такая система позволяет всему экипажу выжить. Ясно?

Шмидту очень нравилось придуманное им сравнение, и он частенько повторял его, развивая и варьируя, сравнивая, например, директора с командиром лодки, единственным, кто с помощью перископа все видит, или свой отдел — с торпедистами, которые безошибочно поражают противника.

Никто, разумеется, не напоминал ему, что когда в подводной лодке все «задраиваются» в своих отсеках, эта лодка обычно идет ко дну со всеми задраенными.

Нередки были случаи, когда агентов вызывали в отдел персонала. Сообщали о перемещениях,

о прибавке, объявляли выговор за какое-нибудь нарушение, уточняли детали биографии — кто-то ведь женился, разводился, заводил детей, у кого-то умирали родители, менялся адрес. Были и такие, кто занимался на заочных факультетах, заканчивал курсы, приобретал дополнительную специальность. Были и те, у кого в биографии обнаруживались, мягко говоря, «неточности».

Впрочем, главной причиной таких вызовов было стремление дать персоналу почувствовать, что все находятся под постоянным наблюдением, что их биографии и после зачисления продолжали проверяться, а их личная жизнь — на контроле.

Поэтому, когда Кара вызвали к начальнику отдела персонала, той самой женщине, что первой беседовала с ним, он не особенно удивился. Правда, обычно вызывали сотрудники отдела, а тут сама начальница, но, в конце концов, Шмидт же сказал ему по секрету, что Кар обратил на себя внимание самого высокого начальства. Может, его хотят повысить, прибавить жалованье, дать какое-нибудь особо важное задание.

Так что по коричневой дорожке, устилавшей длинный коридор пятого этажа, Кар шел, насвистывая, в самом радужном настроении. Все же, когда он остановился перед стеклянной дверью

под номером «30», сердце его билось сильней.

Ничего здесь не изменилось — тот же металлический стол, шкаф с картотекой, сейф, тот же тренажер для атлетической гимнастики. И та же интересная молодая женщина за столом в строгом, но на этот раз бежевом, а не черном костюме.

— Садитесь, Кар, — сказала она и устремила на него внимательный взгляд.

(«Все повторяется, — подумал Кар, — сейчас она скажет: «Рассказывайте».)

Но женщина задала вопрос:

— С Серэной Рендо у вас серьезно?

У Кара отнялся язык. Он ожидал любого вопроса, только не этого. Он, конечно, догадывался, что его отношения с Серэной известны фирме, как и многие детали личной жизни всех агентов, но чтоб вот так…

Начальник отдела персонала не торопила его с ответом. Наоборот, чтоб дать ему время прийти в себя, она подняла трубку интерфона и дала кому-то какие-то указания, которые вполне могла не давать или дать позже.

Наконец Кар выдавил из себя:

— Думаю, да, но, знаете, надо лучше узнать человека. Мы ведь недавно знакомы, а человек

Серэна скрытный, чтоб лучше узнать, надо время. А времени как раз не хватает. Встречаемся, но чтоб лучше узнать…

Наконец он замолчал, понимая и стыдясь, что несет какую-то чепуху. Сидевшая напротив него женщина в строгом бежевом костюме с непроницаемым лицом («Боже мой, каким же ничтожеством она меня считает!» — краснея, подумал Кар) сделала вид, что не заметила его растерянности.

— Рендо, кажется, преподает в городском Университете? А что именно?

«Как же! Будто ты не знаешь! Небось биографию каждого из ее учеников изучила, и какие у Серэны трусики любимые, и какая помада, и сколько она весит, и какой размер талии, и как мы с ней…» — злорадно накручивал себя Кар, и непонятно было, на кого он злится — на женщину, сидевшую напротив, или на себя.

— Она преподает язык. — Кар в конце концов взял себя в руки.

— Только в Университете?

— Нет, и дома, она прирабатывает, дает частные уроки.

— А вы какие языки знаете? — неожиданно спросила его начальник отдела персонала.

— Я? Никаких вроде бы.

— А почему не изучали?

— Некогда было, да и незачем.

— Знание языков, Кар, открывает в нашем агентстве определенные перспективы. Вы на хорошем счету, но образование у вас немного хромает. Почему бы вам не изучить язык, тем более сейчас у вас есть для этого благоприятная возможность?

Кар не знал, что сказать. Получалось, что, узнав о его романе с Серэной, агентство рекомендует ему воспользоваться этим романом для пополнения своего образования. Странно.

— Да, конечно, — пробормотал Кар, — я не думал об этом. Конечно, могу попробовать.

— Попробуйте. Мы вам поможем. До свидания.

На этой таинственной фразе разговор, казалось бы, закончился. Но когда Кар уже собирался открыть дверь, чтобы покинуть комнату, начальник отдела, словно между прочим, сказала:

— Сегодня к десяти вечера зайдите вот по этому адресу. Вас будут ждать. — И она назвала улицу и номер дома.

Кару очень хотелось рассказать об этой странной беседе Лоридану, но о таких беседах говорить в агентстве было не принято. Хотя никто ни о чем

не предупреждал его, он прекрасно понимал, что язык следует держать за зубами.

То, что «они» знали о его отношениях с Серэной, ему совсем не нравилось (хотя что он воображал, что это останется тайной?). Однако радовали слова: «Вы на хорошем счету». В конце концов, это главное. И вообще, если «они» хотят, чтоб Серэна учила меня языку, — прекрасно! Он готов, хоть урду, хоть хинди, хоть папуасскому!

Все же главным оставался вопрос — что за встреча ему предстоит? С кем? Зачем? Что сулит?

Кар был достаточно сообразителен, чтобы понимать: его ждет нечто весьма важное и необычное. Уж если приглашение (а скорее приказание) явиться по этому таинственному адресу дает сама начальник отдела персонала, значит, речь идет о чем-то из ряда вон выходящем и встреча предстоит с лицом наверняка очень значительным.

Теперь главное — не опростоволоситься. Такие шансы выпадают в жизни не часто. Надо не упустить!

Возникал еще вопрос — имеет ли отношение разговор о Серэне к предстоящему свиданию или зашел просто случайно. Но в такие случайности Кар не очень-то верил. Тогда при чем тут Серэна?

Для прояснения мыслей он зашел в первый же попавшийся бар и заказал двойное виски. Но, уже поднеся стакан ко рту, остановился: э, нет, от него будет пахнуть алкоголем, и как отнесется к этому то высокое лицо, неизвестно. К немалому удивлению бармена, он расплатился и вышел, так и не пригубив виски.

Кар зашел домой, переоделся. Он надел свой самый, как он считал, «деловой» костюм, серый в едва заметную синюю полоску, белую сорочку, скромный галстук, черные ботинки. Долго размышлял, не вложить ли в нагрудный карман платочек, но потом отказался от этой мысли.

Оставшееся время Кар болтался по городу, изнывая от безделья и беспокойных мыслей. Вот когда ему нужна была бы Серэна! Хотя бы посидеть с ней рядом, поговорить на любую тему (кроме той, к сожалению, которая так волновала его сейчас), да, наконец, просто посмотреть на нее. Но у Серэны шли занятия в Университете.

Кар остановил машину на набережной, спустился к пляжу.

В этот час там было не так уж много народа. Главным образом, туристы, вернее, те, кто имел возможность приехать к морю на два-три дня, на неделю. Эти люди приезжали на своих, как

правило, недорогих машинах целыми семьями, селились в дешевых (весьма относительно!) пансионах и спешили загореть, чтобы, вернувшись домой, покрасоваться перед своими бледнолицыми братьями.

Некоторые действительно красиво загорели, иные пребывали пока в полной белизне, наиболее опрометчивые напоминали по цвету развешанные вдоль деревянных пляжных кабинок огнетушители. Кар посидел на веранде одного из бесчисленных выходивших к морю кафе, попивая томатный сок и с завистью поглядывая на тех, перед кем стояли запотевшие бокалы пива.

По мере приближения вечера он все чаще поглядывал на часы. Когда стрелка подошла к девяти, он направился к машине.

Кар ехал неторопливо, хотя адрес, указанный ему, был на окраине города. Он понимал, конечно, что речь идет об одной из тайных квартир, на которых агенты «Ока» встречались между собой, со своими осведомителями и вообще использовали для различных неофициальных служебных целей.

Как ни медленно ехал Кар, он оказался у цели на двадцать минут раньше срока. Пришлось

поездить по соседним улицам. Без пяти десять он остановил свой «мерседес» за углом и, проделав оставшийся путь пешком, позвонил у дверей небольшого скромного домика, притаившегося в глубине густого запущенного сада.

Дверь открылась мгновенно, словно за его приближением следили, хотя никакого глазка не было. Лишь много позже, приходя в этот дом, Кар обнаружил скрытую телекамеру, спрятанную в густых ветвях росшего рядом со входом дерева.

Перед ним стоял здоровенный детина в легкой рубашке, с пистолетом за поясом. Лицо его показалось Кару смутно знакомым, где-то в агентстве он его уже видел, наверняка парень из отдела внутренней безопасности «Ока».

Тот молча кивнул в сторону закрытой двери в конце коридора. Кар прошел к этой двери, открыл ее и увидел лестницу, ведущую на второй этаж. Секунду помедлив, он пожал плечами и стал подниматься. Охранник не последовал за ним.

На втором этаже он обнаружил лишь одну открытую дверь и вошел в нее. Он оказался в большой комнате, уставленной диванами, креслами, низкими столиками — не то салон, не то курительная, не то холл. Окна были зашторены, торшер в углу освещал комнату скупым мягким

светом.

В одном из кресел сидел невысокий седой человек с умным энергичным лицом. Хотя Кар видел его лишь мельком один-два раза, он сразу узнал вице-директора Бьорна.

— Добрый вечер, Кар, — произнес тот тихим приятным голосом, — Садитесь, будьте как дома, — он улыбнулся.

Кар почтительно поблагодарил и уселся на кончик кресла за тот же стол, за которым сидел Бьорн. На низком этом столе стояло традиционное угощение — орешки, маслины, сухие картофельные листики, печенье, банки с пивом, бутылки джина, виски, коньяка, бутылочки «кока-колы» и минеральной воды — все, что любой посетитель может найти в любом баре средней руки.

Откуда-то доносилась тихая музыка.

Кар был в величайшем напряжении. Уж если его вызвал сам таинственный Бьорн, дело очень серьезное. Возможно, решается его судьба, возможно, от этого разговора зависит его будущее. Надо быть предельно внимательным, надо во что бы то ни стало понравиться Бьорну, не оплошать, угадать, как отвечать на вопросы, с полуслова понимать каждую фразу…

Кар вспотел, он задерживал дыхание, боясь что-то упустить.

Между тем Бьорн, продолжая улыбаться, жестом указал на стол:

— Угощайтесь, Кар, не стесняйтесь.

Кар не шевельнулся. Казалось, он даже не слышал.

Бьорн сделал еще одну попытку успокоить его. Он спросил:

— Скажите, Кар, как вы проводите свободное время?

— Свободное время? — Кар слегка расслабился. — Ну, по-разному, езжу на пляж, хожу в дискотеки, играю в теннис.

— Обычно с вашей подругой Серэной Рендо?

Смешно было бы Бьорну делать вид, что ему это неизвестно, а Кару удивляться — откуда.

— Да, обычно с ней, — В голосе Кара прозвучал робкий вызов.

— Ну что ж, это прекрасно, — покивал головой вице-директор, — насколько я знаю, Серэна хорошая девушка, порядочная, работящая.

— О да, господин Бьорн, — На минуту Кар потерял бдительность. — Она много работает, ничего лишнего себе не позволяет, очень честная. В Университете ее ценят, студенты уважают, они видят в ней даже не преподавателя, а старшего товарища.

— Она что ж, проводит с ними и свободное время?

— Иногда. Они бывают на экскурсиях, пикниках, на спортивных соревнованиях…

— Что ж, это похвально, — улыбнулся Бьорн и рассеянно заметил: — У современной молодежи столько способов развлекаться — спорт,

рок-музыка, дискотеки, всякие движения — за мир, за милосердие, за охрану окружающей среды. Есть какие-то хиппи, разные религиозные движения…

— В них и не разберешься, — заметил Кар.

— Ну и что ж, ваша подруга участвует в каких-нибудь движениях?

Наконец-то Кар почувствовал ловушку.

— Да не очень, так, — промямлил он, — бывает, конечно, на всяких там собраниях. Надо быть поближе к студентам, укреплять связи с ними…

— Конечно, конечно, — поддакнул Бьорн, — а вы не сопровождали ее когда-нибудь?

— Что вы, господин вице-директор! Я далек от этих дел, они меня совершенно не интересуют.

— Напрасно. Надо жить интересами своих друзей, тем более подруг, — добавил Бьорн, подмигнув. — Ну да ладно, собственно, разговор о другом. Видите ли, Кар, мы довольны вашей работой. То дело с директором банка показало, на что вы способны. Есть мнение, что вам можно поручать более сложные операции. Естественно, это повлияет на прибавку к жалованью, даст и другие преимущества. А ведь вы, наверное, собираетесь обзавестись семьей, а, Кар? — Бьорн снова подмигнул и хлопнул Кара по колену: — И

правильно. Сколько можно холостяком бегать. Я вот, например, рано женился. И не жалею, уже внуки есть. Это не значит, что надо сразу обзаводиться детьми. Спешить некуда. Но жениться уже пора. Тем более Серэна Рендо такая симпатичная девушка…

— Я-то не против, господин вице-директор, — улыбнулся Кар, — но это же не от одного меня зависит…

— Ну-ну, кто против такого молодца устоит! И прибавка к жалованью тут не помешает. А? Кар?

— Еще бы.

— Понимаете… — Лицо Бьорна стало озабоченным. — Все же вам требуется немного пополнить свои знания. Мы кое-что имеем для вас в виду. Но требуется, пусть не идеальное, а все же знание языка. А уж университетский диплом…

— Куда мне…

— Погодите, погодите, Кар. Тут мы вам поможем. Короче, есть такое предложение: вы записываетесь на факультет лингвистики вольнослушателем, там как раз преподает ваша подруга, и начинаете усиленно изучать язык. Кроме того, вы будете учить его и у нее дома, вместе с остальными студентами, которые к ней ходят. Говорят, она отличный преподаватель, так

уж вас-то она постарается обучить побыстрей. А? Кар?

— Так-то так, — растерянно согласился Кар, — но ведь у меня работа, так что…

— Вот тут мы вам как раз поможем, — перебил Бьорн, — на все то время, что вы будете в Университете, мы вас освободим от работы в агентстве, но вы по-прежнему остаетесь в нашем штате и получаете жалованье. Учебу вашу мы, разумеется, будем оплачивать. Считайте, что мы послали вас на курсы усовершенствования. А? Кар?

Видя, что Кар не знает, как ответить, Бьорн добавил:

— Не думайте, что вы единственный такой. Мы частенько направляем наших работников на различные курсы, в университеты, в специальные школы. У нас совершенствуют свою подготовку и следователи, и криминалисты, и бухгалтера, и, между прочим, в вашем отделе люди проходят дополнительную подготовку в каратэ, стрельбе… Сейчас у нас, например, четверо агентов находятся в Кодокане, пятеро — на курсах по стрельбе в США. Ну так как?

— Что ж, я согласен, — как-то не очень убежденно сказал Кар. Это было замечательное, перспективное предложение, но что-то в нем

— он сам не мог понять что — ему не нравилось.

— Прекрасно, — улыбнулся Бьорн, — прекрасно, я понимаю — вы любите свою работу, но поверьте, это продлится недолго. Зато знание языка, университетский диплом, повышение, надеюсь, свадьба! Вы не забудете меня пригласить? А? Кар?

— Что вы, господин Бьорн, — смущенно пробормотал Кар. — Вы будете почетным гостем.

— Вот и отлично. Да, Кар, вы ведь не говорили вашей подруге, где работаете?

— Да нет, понимаете, я думал…

— И правильно сделали. Очень правильно. Люди, тем более женщины, имеют о нашей работе совершенно искаженное представление. Что у нас тут сплошная стрельба, опасности, схватки с преступниками. Она бы боялась за вас, переживала. К чему это? А что вы ей сказали?

— Что я тренер по каратэ…

— Отлично! Отлично, Кар. Эта работа ведь много времени не отнимает, так что вы можете сказать, что будете совмещать ее с посещением Университета. Отсюда и деньги. Так что все в порядке. Пусть и она, и студенты считают вас тренером-каратистом. Увидите, это повысит ваш авторитет.

— Господин Бьорн, — нерешительно начал Кар, — вы говорили о том, что имеете в виду для меня новую работу. После того, как я кончу учебу, разумеется. Нельзя ли узнать какую?

— Ох, Кар, Кар, — рассмеялся вице-директор и снова хлопнул его по колену, — зачем быть таким любопытным? Пусть в свое время это будет для вас приятным сюрпризом. Для вас и, надеюсь, для вашей будущей жены. Вот так. Надеюсь, мы обо всем договорились?

— Конечно, господин Бьорн.

Бьорн встал, Кар поспешил последовать его примеру.

— Еще одно… — Вице-директор вынул из кармана небольшую визитную карточку: — Вот мой личный телефон. Вы теперь будете иметь дело непосредственно со мной. Так что в случае чего звоните по этому телефону. Ну, а если вы мне понадобитесь, я знаю, где вас найти, и дома, и у вашей очаровательной подруги. Даже у вашего друга Лоридана. Кстати, если он, да и другие спросят, так и говорите — решил прослушать курс в Университете, а в агентстве, мол, мне пообещали не загружать. Все необходимые указания и наш отдел персонала, и финансовый, да и Шмидт получат завтра же. Завтра ведь суббота. Отдыхайте,

а с понедельника начинайте новую жизнь. Желаю удачи, Кар!

Бьорн пожал ему руку, проводил до двери. Кар спустился по лестнице. Дюжий охранник выпустил его в ночной сад.

Кар в задумчивости медленно дошел до своего «мерседеса». Сел за руль и долго сидел не включая мотор, устремив пустой взгляд на безлюдную улицу. Он повертел в руках визитную карточку, которую дал ему Бьорн.

«Бьорн. Агент по рекламе»

— значилось в визитке.

Кар включил мотор и поехал домой. Что же, завтра суббота, начинается уик-энд. Как обычно, они проведут его с Серэной вместе, уедут за город, будут купаться, загорать, пить пиво и есть креветок в маленьких прибрежных ресторанчиках, переночуют в каком-нибудь отельчике или туристском пансионе.

Там он поделится с ней своими новыми планами. Интересно, как она к ним отнесется? Наверное, будет довольна, даже счастлива.

Но вот почему не чувствует себя счастливым он? Ведь все так здорово! Он окончит Университет, изучит язык, получит повышение по службе,

новую, наверняка более интересную работу, прибавку к жалованью. Он сможет жениться на Серэне, они купят дом… Все мечты на пороге осуществления. Так почему же что-то не дает ему ощутить полноту счастья? Почему что-то гложет его?

Кар вернулся домой, выпил стакан холодного молока и залез в постель.

Но еще долго ворочался, прежде чем заснул.

Утром он твердо решил начать новую праведную жизнь.

Долго, до седьмого пота, занимался физическими упражнениями, качал гантели, «раздвигал стены», отжимался, вел «бой с тенью», потом так же долго плескался под душем — то кипятковым, то ледяным. Плотно позавтракал… А дальше что?

Ему не совсем ясно было, как же с работой, идти или не идти? Хоть и суббота, но в «Оке» не существовало выходных дней. Однако он теперь в «Оке» или нет?

Ладно, все эти вопросы решатся сами собой. У него два свободных дня. После обеда (до обеда у нее частные уроки) они поедут с Серэной куда-нибудь далеко-далеко, он с ней посоветуется обо всем и с понедельника начнет действовать.

Он решил посвятить дообеденное время осмотру Университета, своей будущей «Alma mater». Это выражение он услышал однажды из уст Серэны.

Знаменитый на весь мир городской Университет представлял собой город в городе. Он занимал огромную территорию в одном из пригородов, состоял из множества зданий, начиная от двухэтажных деревянных строений, увитых плющом, и кончая многоэтажными громадинами из стекла и бетона. Поскольку история этого учебного заведения насчитывала многие десятилетия, а каждое десятилетие что-то прибавляло, расширяло, дополняло, то Университет отличался довольно беспорядочной архитектурой: архаичное здесь чередовалось с ультрасовременным. Возникали новые лаборатории, хранилища, спортивные сооружения, общежития, столовые. Появились отели, где останавливались друзья и родственники студентов, а также абитуриенты, возникли стоянки для сотен машин, так как многие студенты имели свои. На территории Университета было четыре храма — костел, церковь, синагога и мечеть. Пусть небольшие, но все же! Несколько дискотек, концертный зал. Даже полицейский участок, хотя и считавшийся окружным, факти-

чески «обслуживал» только Университет: служба в этом участке рассматривалась полицейскими, как самое строгое наказание. После туристов студенты были наиболее заметной популяцией в городе. Сами горожане, так сказать аборигены, оставались как-то незаметны.

Но если туристы, а к таковым причисляли всех, кто приезжал в город отдыхать, проводить отпуск или каникулы, развлечься, приносили аборигенам радость, иначе говоря — доходы, то студенты причиняли немало беспокойства.

Эти нахальные молодые люди заполняли кафе, бары, дешевые ресторанчики, пляжи, ночные дискотеки, улицы, площади, набережные (непонятно, когда они учились!).

Чужаки, временные жильцы, они вечно вмешивались в городские дела, что-то требовали, против чего-то протестовали. Господи! Слушали бы свои лекции, загорали бы, танцевали, флиртовали, уважали старших. Черта с два!

Среди студентов различались три четко обозначенные категории.

Первая действительно только и делала, что моталась по лекциям, засиживалась в библиотеках и читальных залах и даже на пляжах и в скверах не расставалась с книгой. Таких было

меньшинство.

Вторая одевалась в странные одежды, по-уродски стригла и красила волосы, торговала на улицах какими-то поделками — серьгами, амулетами, поясками, браслетами, тихо колола себя и нюхала наркотики, курила, глотала всякую дрянь и пугала прохожих своим диким зловещим видом.

Наконец, третья категория, самая большая, хоть и училась, развлекалась, заводила романы — словом, делала все то, что положено делать молодежи, но, к сожалению, еще и боролась. За что, против чего? Определить это было не так-то просто.

В Университете существовало множество обществ, движений, групп, союзов, начиная от самого мощного «Борцов за мир, против войны» и кончая движением эсперантистов. Были клубы «Защитим кошек и рыб», «Дети — наше счастье» и «Пороть жестоких родителей» (бедная Элизабет — добейся этот клуб своей цели, она осталась бы без работы!). Было «Общество поддержки папуасов и эскимосов», «Движение против вооруженной полиции», «Союз заик», множество клубов спортивных болельщиков и, конечно же, болельщиков всевозможных музыкальных звезд

и рок-ансамблей. Были «тихие» клубы филателистов, филуменистов, других коллекционеров, вегетарианцев, йогов, приверженцев различных религий, культов… Словом, кого только не было!

Студенческое общество «Очищение» занимало во всем этом пестром скопище значительное место.

Его лозунгом было «Очищение планеты от материальной и духовной грязи». Поэтому студенты, объединившиеся в «Очищении», боролись против предприятий, отравлявших воздух вредными выбросами, и против тех, что сливали в реки отравленные отходы, и против засилья в городах автомобилей с их выхлопами, и против нефтяных пятен, угрожавших пляжам, и против вырубки лесов, этих легких планеты… Но боролись «очищенцы» и против террора, как они считали, полиции, и против военных, грозивших уже не заразить землю, а просто уничтожить ее, отравить радиацией, газами, наводнить бактериями. Доставалось и фабрикантам оружия (а заодно и всем богачам), продажным муниципальным чиновникам (а заодно и правительству)… Словом, многим доставалось. И легко предположить, что у сильных мира сего сжимались кулаки при одном упоминании об «Очищении».

Тем более что члены общества отнюдь не ограничивались митингами и демонстрациями, что само по себе доставляло городским властям немало хлопот.

Они предпринимали различные акции! Однажды они за одну ночь прокололи шины нескольким сотням автомобилей, «чтобы не ездили по улицам и не отравляли людей»; другой раз, когда некий магнат туристического бизнеса собрался построить новый отель и с этой целью вырубить небольшую рощу, очищенцы ночью умудрились перетащить к берегу землеройные машины, мотопилы, трактора, приготовленные для работ, и сбросить в море. Наконец, и это уже не лезло ни в какие ворота, когда на горé невдалеке от города начали строительство какого-то военного сооружения (видимо, радарной системы), очищенцы устроили там пикетирование и долго срывали работы, пока полиция не вступила с ними в настоящее сражение. Причем пострадали не только студенты, но и несколько полицейских. Общество объединяло здоровых решительных ребят и девчат, которые смело лезли в драку с вооруженными дубинками, газометами и водометами стражами порядка.

Вот тут-то и крылось самое уязвимое место в

этом благородном обществе. Оно было отнюдь не однородным. В «Очищение» входили студенты, умевшие прекрасно говорить, сильные полемисты, эрудированные, широко образованные. Они выступали с речами, издавали брошюры, писали статьи в левые газеты, да и в университетские (а их насчитывалось десятка два). Именно благодаря им общество приобретало все больше сторонников, и не только студентов, но и преподавателей, горожан, даже временных приезжих. Растущий авторитет «Очищения», его общественный вес тоже были благодаря им.

Но в обществе имелись и другие люди, те, кто считал, что нечего заниматься болтовней, а надо действовать — бить полицейских, громить миллионеров, проводить карательные акции («террористические» — утверждали власти). Среди этой категории имелись и прямые экстремисты, которым, в общем-то, было наплевать, за что и против чего бороться, лишь бы похулиганить, побузотерить, подраться. Их акции частенько компрометировали все движение и служили великолепным предлогом для осуждения всего «Очищения» в целом.

Между этими двумя крайними крылами общества обреталась основная масса честных,

порой немного инфантильных «борцов за правое дело». И разные лидеры стремились вести их за собой. Впрочем, все эти внутренние течения существовали лишь для посвященных. Широкое общественное мнение воспринимало общество как единое целое.

«Очищение» справедливо считалось прогрессивной организацией.

А для власть имущих «отцов города», фактически правящих городом хозяев отелей, ресторанов, казино, магнатов туристского бизнеса, владельцев крупных предприятий (в том числе «Ока»), разных бизнесменов, банкиров, словом элиты, — организацией опасной.

У «Очищения» было много явных сторонников.

И много тайных врагов.

Хотя основной преподавательский состав Университета был вполне благопристойный, все же имелось немало преподавателей, особенно молодых, которые участвовали в разных студенческих клубах и движениях, в том числе в «Очищении».

Университетское начальство, а Университет в конечном счете сам был большим коммерческим предприятием, смотрело на эти «шалости» сквозь пальцы. В наши времена, увы, нельзя руководить десятками тысяч студентов с помощью розги и

оставления без десерта. Приходится считаться с эпохой. Не следовало забывать, что каждый студент — это все-таки тысячи монет в кассу Университета. Ну пусть пошумят, покричат, лишь бы устои не пошатнули. В конце концов, отучатся в свой срок, выйдут в большую жизнь и шуметь перестанут. Как говорил Бисмарк: «Молодость — единственный недостаток, который проходит сам собой».

Так что со студентами и всеми их играми приходилось считаться. Что ж делать, каждый бизнес имеет свои неприятные стороны, несет свой риск.

Поэтому и преподавателей, отличавшихся излишним вольнодумством, приходилось терпеть. Черт с ними, пусть и они пошумят немного. Руководство Университета до сих пор с содроганием вспоминало, какую бурю протеста, какой бунт тысяч студентов вызвало увольнение совсем уже невозможного профессора (выяснилось, что он чуть ли не коммунист! Кошмар!) — ночные пикеты, разгромленные лаборатории, побитые в директорском корпусе стекла… В конечном счете профессора пришлось оставить.

Кар долго катался на своем «мерседесе» по тенистым аллеям, петлявшим между универ-

ситетских зданий. Интересно, в каком из них преподает Серэна? Сейчас она дома, вдалбливает этим молодым кретинам иностранные слова.

Кретинам? Интересно, а каким окажется он сам? Нет, конечно, Бьорн молодец — задарма «Око» дарит ему университетский диплом, учит уму-разуму, и он еще ворчит. Но не поздно ли? Ему все же не восемнадцать лет. Правда, в Университете обучаются люди и постарше его, особенно иностранцы. Но все-таки…

Впрочем, главное — Серэна. Чтоб быть ближе к ней, он пошел бы и в школу уборщиков мусора…

Кар посмотрел на часы на приборном щитке. Скоро ехать за Серэной. Начнется их радостный день. Но тут же возникло неприятное воспоминание.

Однажды они возвращались с ней после очередного уик-энда. Вечерело. Оба устали и ехали молча. В какой-то момент Серэна посмотрела на свои слегка испачканные туфли и горестно вздохнула:

— Вечно я куда-то наступаю, всякая грязь ко мне липнет. Надо хоть вытереть.

Она осмотрелась в машине, ища какую-нибудь тряпку, сунула руку в карман на правой дверце и, ничего не найдя, перегнулась через Кара и

запустила руку в карман на левой дверце.

И вдруг вскрикнула так громко, что Кар чуть не съехал в кювет. Серэна отдернула руку, будто ее ударило током.

— Зачем это, для чего? — вопрошала она, глядя на Кара испуганными глазами.

Тут только он вспомнил, что в кармане левой дверцы у него всегда лежал пистолет.

— О господи, — недовольно проворчал он, — как ты меня напугала. Ну что особенного? Ты что, никогда пистолетов не видела?

— Но тебе-то он зачем? — не унималась Серэна.

— Мало ли зачем — у нас в стране каждый второй автомобилист держит в машине оружие. Его бы и носить не мешало.

— Да для чего, кто на тебя нападет?

— О, таких хватает…

Он чуть было не напомнил ей то нападение в парке, но вовремя удержался. Напомнила она сама.

— Ты же сильный, Ал, ты знаешь все эти приемы. Я помню, как ты тогда расправился с ними в парке. Это было ужасно! Так зачем же тебе еще пистолет?

— Послушай, Серэна. — Кара начинал раздра-

жать этот разговор. — Вот представь, что я не сильный и не знаю, как ты выражаешься, все эти приемы. Ты подумай, что бы с нами, с тобой эти негодяи сделали? А будь у меня пистолет, я смог бы тебя защитить.

— И ты бы выстрелил в них? Ты же мог их убить!

— Нет, Серэна, с тобой невозможно разговаривать! — взорвался наконец Кар. — Пистолеты, между прочим, для того и существуют, чтоб из них стрелять! И даже иногда убивать! Что ж я, по-твоему, должен был сделать, если три здоровенных мерзавца нападают на тебя, на нас? Да к тому же они могли быть тоже вооружены. Ну, ответь мне, что я должен был бы сделать?

Серэна некоторое время молчала.

— Не знаю, — сказала она. В голосе ее звучала растерянность.

— Зато я знаю! — воинственно вскричал Кар. — Я знаю, что если кто-нибудь когда-нибудь попробует причинить тебе зло, это будет последний день в его жизни!

— Не надо, Ал, пожалуйста, не надо, — жалобно попросила Серэна. — Ну, пожалуйста. Когда ты так говоришь, я боюсь тебя. Ты не хочешь, чтобы я боялась тебя?

— Нет, — сказал Кар, успокаиваясь, — но те, кто захотят обидеть тебя, вот они пусть боятся. Послушай, Серэна, — продолжал он нравоучительно, — ты пойми, мы живем в джунглях. Да, да, в джунглях. Каждый норовит устроить себе жизнь получше, все иметь, нажить богатство. Если получается просто так — прекрасно. Но если нет, если кто-то мешает, то этого мешающего уничтожают…

— Как ты можешь так говорить, Ал! — воскликнула Серэна.

— Дело не в том, что я говорю, а в том, что есть на самом деле. Ты прости, но ты какая-то еще маленькая, живешь и ничего не замечаешь. Между прочим, уж ваше-то «Очищение», — продолжал Кар после паузы, — неужели не сталкивается со всякой подлостью, насилием?

— Да, конечно, — согласилась Серэна, — мы против этого и боремся. Но не пистолетами же!

— И что у вас получается? Многого вы добились?

— Ну, меньше, чем хотелось бы, но это не причина, чтоб убивать наших противников.

— Давайте, давайте, — зловеще закончил этот разговор Кар, — смотрите, как бы они вас не убили.

Почему сейчас ему пришел на память этот разговор?

Так или иначе, но пистолет он из машины убрал.

Они встретились, как всегда в последнее время, на набережной, в маленьком и не слишком дорогом рыбном ресторанчике. Сам ресторанчик помещался в одноэтажном старом доме, выходившем на прибрежное шоссе. Но в сезонное жаркое время стулья и столики выносились на примитивную террасу, располагавшуюся между шоссе и морем. Там продувал легкий ветерок, волны плескались у подножия террасы, а чайки, которым посетители бросали кусочки хлеба, тоскливо крича, занимались своим воздушным пилотажем.

Официанты с подносами в руках носились между террасой и рестораном, вызывая яростный рев клаксонов и брань проезжавших по шоссе автомобилистов.

Кар и Серэна сидели у самого края, над морем, в уголке. Он поглощал огромный бифштекс, она — крабов. Кару ничто не могло испортить аппетит, в том числе жара. Серэна с умилением следила, как ее возлюбленный засовывал в рот куски, каждого из которых ей хватило бы на два обеда.

А он любовался Серэной. В своей крошечной белой мини-юбке и черной майке, обтягивающей ее, как перчатка, загорелая, улыбающаяся, она действительно была очаровательна.

— Ты троглодит! — рассмеялась Серэна.

— Погоди, — пригрозил он, — если не хватит бифштекса, придется взяться за тебя!

Она опять рассмеялась.

— Я люблю смотреть, когда ты ешь, — сказала она.

Наконец обед подошел к концу. Они допивали кофе.

— Послушай, Серэна, — начал он торжественно, — я принял важное решение. — Он сделал паузу, Серэна устремила на него вопросительный взгляд. — Дело в том, что я решил обзавестись семьей.

Впрямую они никогда не говорили о возможности брака. Кар не делал предложения, даже намеков. Но внутренне каждый считал это дело решенным. Просто не торопились, неизвестно почему. Им и так было хорошо.

— И поскольку я решил обзавестись семьей, — продолжал Кар, — для начала женой, а жена, тем более та, какую я имею в виду, требует больших расходов…

— Ну уж… — перебила Серэна и покраснела.

— Ого-го, еще каких расходов! Поскольку моя будущая жена невероятная транжира… — Он помолчал, но на этот раз Серэна не попалась на крючок. — Невероятная транжира, — повторил Кар. — Я должен много зарабатывать. Есть кое-какие перспективы, один мой друг кое-что предлагает. Но необходим диплом!

— Диплом? — не поняла Серэна.

— Да, диплом. Университетский. Вот мой друг и говорит: «Ал, ты шляпа, живешь в городе, куда люди из-за тридевять земель приезжают, чтобы учиться в нашем знаменитом Университете, а ты валяешь дурака со своим каратэ, которое оставляет тебе массу времени для учебы. К тому же Серэна может давать тебе дополнительные уроки».

— Он так и сказал — «дополнительные уроки»? — удивилась она. — Он что, обо мне знает? Что ты ему говорил?

— Да нет, об уроках это я говорю, — спохватился Кар. — Серьезно, я подумал, почему бы мне не поступить вольнослушателем в Университет и с твоей помощью быстренько его закончить и получить диплом? А?

Серэна молчала, обдумывая услышанное.

— В общем, идея неплохая, — серьезно рассудила она, — правда, времени потребуется много, даже если я буду заниматься с тобой дополнительно по моей ускоренной системе. Но думаю, что дело того стоит.

— Если даже не сумею получить диплом, то язык-то изучу, а, как я понял, то, что предлагает мой друг, как раз связано со знанием языка.

— А что именно? — поинтересовалась Серэна.

— Да так, представительство его фирмы, — туманно пояснил Кар, — реклама. Может быть, будут даже поездки в другие страны.

— А как ты собираешься жить? — немного смущенно спросила Серэна. — Конечно, это не главное, у меня кое-что есть…

Кар нагнулся и нежно поцеловал ее в щеку, он был тронут.

— В том-то и дело, что я смогу продолжать свою тренерскую работу. Просто изменю часы занятий, и все. Так что насчет деньжат я не беспокоюсь. Но когда женюсь, их уже не будет хватать. А мой друг сулит большие заработки. Я, конечно, осторожно смотрю на это, но если даже половина его обещаний сбудется, то и это будет неплохо.

— Короче, поступай, — решительно сказала Серэна. Она уже вся жила новым замыслом Кара.

— Я все тебе узнаю, сведу в Университете с кем надо. Позабочусь, чтоб ты ходил именно на мои лекции. Нет, ты знаешь, по-моему, это прекрасная идея. Твой друг не дурак. Он практически мыслит.

— Вот-вот, — заметил Кар.

«Если б ты знала этого «друга», — подумал он, — ты бы им так не восхищалась».

Тот день они провели как обычно, поехали далеко за город... «Мерседес» Кара мчался вдоль моря. Его трепещущая поверхность уходила за горизонт — синяя вблизи, зеленоватая подальше, сверкающая серебристыми бликами. Морской ветерок залетал в открытое окно машины, обдавая их свежим соленым ароматом.

Справа шли виноградники, маленькие домики под красными черепичными крышами, сады, потом начались луга, по которым в одиночку и компаниями лениво бродили коровы, пощипывая траву. Тянувшаяся вдоль шоссе проволочная сетка под слабым электрическим током не давала коровам выйти на шоссе. Впрочем, вряд ли они к этому стремились.

А за садами, лугами, деревнями, словно театральные Декорации, высились горы, тонувшие в голубоватой дымке, увенчанные снежными

шапками.

Навстречу им мчался поток автомобилей, и сами они мчались в потоке. Обычный субботний день.

Иногда у моря возникали трайлерные городки — скопище белых домиков на колесах, деловито снующие между ними люди в купальниках, столики, за которыми восседали целые семьи.

Наконец прибыли к цели — маленькому поселку. Они давно облюбовали его. Здесь все же было поменьше народу, дикий пляж, единственный отель, в котором всегда была свободная комната для двух жаждавших уединения влюбленных.

Как всегда, они долго бродили между покрытых остро пахнущими водорослями скал, охотились с помощью палки с гвоздем на конце за крабами, убегавшими в расщелины, собирали морские звезды, купались, загорали, и снова купались, и снова подолгу лежали на песке, раскинув руки, обратив к солнцу лица.

Они были счастливы.

У них было все, чего они хотели сегодня, — море, солнце, любовь…

А впереди — то, что они захотят завтра: деньги, свой домик, дети, путешествия, интересная работа. Он — у нее, она — у него…

Как хорошо, что люди не знают наперед свою судьбу, что, как бы ни были они озабочены, напуганы мрачными перспективами, неопределенным будущим, они все равно в душе всегда надеются на лучшее.

Недаром говорится: надежда умирает позже человека.

Глава VIII
ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО

Запись на лингвистический факультет заняла на удивление мало времени. Главное, чтобы студенты аккуратно платили за учебу. Не в пример некоторым странам, от окончившего Университет требовались наряду с дипломом прежде всего знания, за один диплом без таковых никто не стал бы держать выпускника на работе. Поэтому никто не был больше заинтересован получить эти знания, чем сам студент, тем более что обходились они в копеечку.

Оказалось, что деньги за Кара уже переведены. Его без звука записали в группу Серэны, и со среды он приступил к занятиям. Сначала Кар чувствовал себя потерянным. Необходимость точно прибывать на занятия, сидеть в аудитории, что-то записывать… Школьные годы давно растаяли в дымке воспоминаний. Кроме того, он не узнавал свою Серэну. Она была в сером костюме, в строгих очках и сама держала себя строго.

«Черт возьми, — подумал Кар, — какой она может быть разной. Надеюсь, в семейной жизни она будет другой».

Конечно, занятия особой радости Кару не доставляли. Он давно забыл, что значит учиться. Чтоб нажимать на спуск автомата, всаживать нож в спину часового, к которому подкрался ночью, выстрелить в затылок пленному, для всего этого особых знаний не требуется…

То есть как это не требуется? Еще какие знания нужны! Неизвестно, где нужно было больше терпения, упорства, способностей — выучить глаголы, какие-то исторические даты, прочесть роман какого-то иностранного писателя или до совершенства овладеть приемом иванами, что в переводе с японского означает «скала, смытая волнами», или юки-оре, что значит «сломанная снегом ветка». Недаром в Кодакане тайны дзюдо постигают годами.

И вот что важнее — знать культуру, историю, литературу, язык какой-нибудь страны или получить черный пояс и хотя бы второй дан, — это еще как сказать.

Вернее, что важней для него, что принесет больше пользы? Раньше он думал, что в его профессии умение стрелять, драться, владеть ножом — главное. Но вот, оказывается, если верить вице-директору Бьорну, иные знания открывают более широкие перспективы. Ну что ж, ему видней.

Учиться так учиться.

Кар, в общем-то, был способным парнем, быстро схватывал, обладал хорошей памятью, и предметы давались ему без особого труда. А главное, все скрашивало присутствие Серэны. Сидя в аудитории, он порой ловил себя на том, что не столько слушал ее объяснения, сколько смотрел на нее, любовался ее лицом, фигурой, манерой держаться, вспоминал какие-то минуты их общения — вот они купаются, вот едут в машине, вот обедают на приморских террасах, гуляют, танцуют, целуются…

Кар гнал от себя игривые мысли и, нахмурив лоб, весь обращался в слух: «Глагольные окончания изменяются в зависимости…»

Ох, и скучища все-таки…

Кар оглядел своих соседей по аудитории.

Он уже успел присмотреться к тем, кто входил в его группу. Ну, всех-то он, конечно, не удостаивал вниманием. Но вот Роберт, его соотечественник, парень будь здоров — культурист, весь из мускулов, красавец, только помоложе. Кар вначале ревниво следил, не обращает ли Серэна на него особого внимания. Оказывается, нет. И то слава богу. А вот Жюли — француженка, хорошенькая брюнеточка, черноглазая, кокетливая, темпера-

ментная небось, как все эти француженки! Не то что Мари, местная, жительница этого города (что не часто встречалось в Университете), серьезная, красивая, лицо классически очерчено, высокая, с прекрасной, тоже классической фигурой (так, по крайней мере, решил Кар, хотя вряд ли он мог бы ответить на вопрос, что такое классическая фигура). Или могучая золотоволосая шведка Ингрид. В любую погоду она ходила на занятия в коротких джинсовых шортах с бахромой и таком же потрепанном джинсовом лифе, обнажавшем живот. И длинные ноги ее, и живот, и руки были мускулистыми и всегда загорелыми до черноты. Эдакая Валькирия из скандинавских мифов (так, по крайней мере, считал слабо разбиравшийся в мифологии Кар).

То, что Кар выделил из всей группы именно этих трех красавиц, вовсе не значило, что в ней не было других представительниц женского пола, просто он тех не замечал. Ну а ребята? Ребята были разные. Вот Роберт, в смысле внешности и физических данных (тем более что занимался культуризмом) — опасный соперник, но, слава богу, Серэну он, видимо, не интересует. Был еще Эстебан, испанец, прилизанный красавчик, эдакий тореадор, кажется, у них роман с Жюли.

Или Эдуард, опять-таки соотечественник, — в очках, длинный как жердь, узкоплечий, сутулый, но самый умный и образованный в их группе, он изучал четвертый язык и имел уже один университетский диплом. Эдуард пользовался уважением, всеобщим уважением и был признанным лидером. Наконец, Кар выделил еще одного пария, тоже, в виде исключения, из этого города, — невысокий, крепкий, с низким лбом и бегающими глазами. Явно, если верить Ламброзо, потенциальный преступник. Над всеми посмеивается, все ему не нравится (кроме денег и роскошной жизни, которая ему недоступна). С таким надо держать ухо востро. У парня было странное имя Лиоль и тщательно скрываемая им биография. Он ничего и никому старался о себе не рассказывать (как, впрочем, и Кар).

Был еще сорокалетний толстяк, вечно демонстрирующий всем фото своей такой же толстой жены и четверых детей («И когда успел настругать?» — неодобрительно думал Кар). Подлинное имя толстяка все забыли и звали его почему-то Боб, хотя было точно известно, что он не Роберт.

Появление Кара в группе произвело впечатление — такой могучий, интересный, прошедший войну, каратист! Только Роберт сначала по-

глядывал на него ревниво, но в конце концов успокоился. Кар вел себя скромно, на девчонок из группы не претендовал, в занятиях охотно обращался ко всем за помощью, признавая тем их превосходство.

— Научил бы меня каратэ, — вызывающе улыбаясь, попросила его однажды Ингрид. — Я бы тогда ничего не боялась.

— Ничего или никого? — игриво спросил Кар.

— И никого, — расхохоталась она. — Прими меня в свою школу, увидишь, я буду прилежной ученицей.

Кар перестал улыбаться — вот откуда грозит опасность! Он напрасно ожидал ее со стороны Серэны, а, поди ж ты, явилась с совсем неожиданной.

— Возьму, — нашелся он, — только надо дождаться нового набора. Нынешние-то мои ученики уже заканчивают. Могу, конечно, дать индивидуальные уроки…

— Что ж, с таким парнем можно позаниматься и частным образом, — в свою очередь рассмеялась Ингрид и бросила на Кара оценивающий взгляд.

«Этого мне еще не хватало! — с тревогой подумал Кар. — Уж кого такая схватит своими ручищами — не вырвется».

С Робертом они быстро нашли общий язык, но спорили отчаянно. Как ни странно, споры сблизили их.

— Слушай, Роберт, твой культуризм годен только девок ловить. Ну, накачал ты себе мячи футбольные вместо бицепсов. А что толку? Только сердце портишь.

— За мое сердце не беспокойся, — горячился Роберт, уязвленный пренебрежением к его хобби, — зато такую фигуру ни один бог не создаст!

— Ну при чем тут бог? — насмехался Кар. — Бог творит разумные создания, а фигура культуриста — сооружение неразумное. Да и качаешь небось по десять часов в день.

— Уж лучше мышцы качать, чем мозоли на пальцах набивать и ногами потолок доставать.

— Эх, ты! — Кар смотрел на него с жалостью. — Да не знай я своих приемов, не имел бы я счастья с тобой тут болтать.

— Между прочим, твои приемы, — неожиданно серьезно сказал Роберт, — только чтоб народ калечить. Каратисты — люди жестокие и злые.

— Брось. — Кар добродушно улыбнулся. — Ну какой я злой, посмотри на меня! А вот постоять за себя могу.

— Ну ладно, — Роберт тоже улыбнулся, — будем

считать, что ты редкое исключение — добрый каратист! Во всяком случае, когда полиция начнет нас в следующий раз лупить, пригодишься.

— В следующий раз, — насторожился Кар, — что ты имеешь в виду?

— Да задумали мы тут одно дело. Ты об «Очищении» слышал?

— Так, туманно, — соврал Кар.

— Ладно, будет время, просвещу. Может, приобщим тебя к нашему братству. А вот насчет культуризма ты заблуждаешься. Сейчас даже женщины этим увлекаются…

— Ну что ты хочешь от неразумных существ! — засмеялся Кар.

— Наоборот, это свидетельствует об их понимании жизни…

И спор разгорелся с новой силой.

Только бы они действительно не вздумали затащить его на какую-нибудь их демонстрацию. Если предложат, надо сослаться на занятость, мол, тренировка по каратэ у него как раз в это время. А вдруг и Серэна с ними?

Она-то знает его расписание жизни. Вот черт!

Как ни странно, ближе всего он сошелся с тем, кто вначале был ему наиболее неприятен — с Лиолем. Но тот подкупил его тем, что открыто

восхищался Каром — его мастерством в каратэ, мускулатурой, мужественной внешностью и военной медалью, которую Кар никогда не носил, но о которой Лиоль откуда-то узнал.

— Эх, мне бы твое искусство, — не раз говорил он с откровенной завистью, — я б им показал!

— Кому им? — спрашивал Кар без особого интереса.

— Есть такие, — таинственно бормотал Лиоль и злобно сжимал кулаки. — Вообще-то я парень здоровый, — продолжал он и напрягал внушительные бицепсы. — Только драться не умею. То есть как раз драться умею, но не по-научному. Научил бы приемчикам.

— Как-то ты странно выражаешься, — недовольно говорил Кар. — «Научи приемчикам». Что это тебе, карточная игра? Каратэ — не приемчики. Это стройная, научно обоснованная, исторически сложившаяся японская система боя без оружия. Ее надо изучать, долго тренироваться, совершенствоваться. А ты — «приемчики»!

— Но ты же преподаешь эту систему. Может, и я могу у тебя заниматься?

«О господи, и этот, — вздыхал Кар, — надо что-нибудь придумать, сказать, что я временно прекратил занятия, ногу растянул или вроде

этого».

Постепенно Кар все ближе сходился со своими сокурсниками.

Серэна отнеслась к поступлению Кара в Университет весьма серьезно. Она выговаривала ему, если он небрежно занимался, проверяла его работы, зачислила его в свой кружок берущих дополнительные уроки. Сначала такая забота пришлась ему по душе, но постепенно стала тяготить.

Они, например, как и прежде, ездили по воскресеньям за город. И вдруг, когда они жарились на пляже, блаженно поворачиваясь вслед за солнцем, Серэна деловито говорила:

— В том последнем диктанте ты абсолютно не следил за пунктуацией! Вот, например…

— Слушай, Серэна, — не выдерживал Кар, — ты можешь со мной хоть в воскресенье не чувствовать себя учительницей, черт возьми!

— Да, пожалуйста, — обижалась Серэна, — я просто хотела, чтоб ты лучше усваивал то, что я долблю на занятиях.

— Да я это ценю, Серэна, очень ценю. Но пойми, ты для меня любимая женщина! И в этом — все. Ясно? Даже там, в аудитории, я тебя, конечно, слушаю, но при этом смотрю на твое лицо, глаза…

— Перестань… — Серэна краснела и отворачивалась. — С тобой нельзя говорить о серьезных вещах.

— Можно, — веселился Кар, — например, ты можешь без конца говорить о том, что не можешь без меня жить. Я готов слушать это с утра до вечера, даже в аудитории.

Однажды Серэна сказала:

— Ты знаешь, завтра наше «Очищение» решило пикетировать дирекцию порта. Представляешь, они хотят построить какой-то специальный причал, к которому смогут подходить супертанкеры! Если, не дай бог, что случится — все побережье на десятки километров закроет нефтяная пленка. Прощай наши пляжи, купания, вообще весь город!

— Погоди, Серэна, — рассудительно возразил Кар, — есть тысячи портовых городов, к которым подходят танкеры, и к нашему в том числе, пусть и небольшие, нигде ничего не случается, все идет нормально. Почему именно здесь что-то должно произойти?

— А если? — запальчиво вскричала Серэна.

— Но ведь и взрыв, и пожар, да любая катастрофа может произойти, от этого никто не гарантирован. Не закрывают же на этом основа-

нии порты, не прекращают добывать нефть. Ты как-то странно рассуждаешь.

— Все равно, — уже тише сказала Серэна — примитивные доводы Кара ее явно поколебали, — нечего им строить этот причал!

Против такой логики трудно было возражать.

После некоторого молчания Серэна тихо спросила:

— А ты не пойдешь с нами на эту демонстрацию?

— Нет, Серэна, — решительно ответил Кар, — не пойду. Пожалуйста, не втягивай меня в эти ваши игры. Я хочу учить язык, а не учить портовое начальство, что им строить, а чего не строить.

— Ну и пожалуйста. — Серэна надулась.

Кар посчитал вопрос исчерпанным, но на следующий день к нему подошла Ингрид и, обворожительно улыбаясь, зашептала:

— Слушай, Кар (почему они все звали его по фамилии, а не по имени — Альберт? Потому что он старше всех? А как же Боб?), у меня к тебе конфиденциальный разговор. Задержись после занятий. Ладно?

Кар не нашел сразу отговорки, а потом уже было поздно. Черт бы ее побрал, еще дойдет до Серэны…

После занятий Ингрид затащила его в один из пустовавших в это время спортзалов и сказала:

— Ну ты можешь мне показать хоть пару-тройку твоих приемов? Прошу тебя!

Кар немного растерялся, но в то же время обрадовался — слава богу, речь идет всего лишь о каратэ… Он внимательно оглядел Ингрид — перед ним стояла рослая, пышущая здоровьем, мускулистая девушка. Волна золотых волос рассыпалась по плечам, глаза горели азартом, ослепительные зубы сверкали в улыбке.

«Вот врежет ей полицейский по этим зубам, — с сожалением подумал Кар, — тогда поймет, что ее дело ходить на свидания, а не на демонстрации. А туда пусть ходит этот кусок мяса — Роберт, его небось ни одна дубинка не прошибет».

— Надо измерить силу твоего удара, — скрывая улыбку, сказал он. — Вот сожми кулак и изо всей силы ударь меня в живот.

— Ты что! — испугалась Ингрид. — Знаешь, как я сильно бью.

— Давай, давай, не бойся, — подгонял Кар, — хочешь учиться, слушайся инструктора. Учти, в каратэ, дзюдо, джиу-джитсу сенсей учитель — высшая власть. Его указания выполняются мгновенно, не рассуждая.

Он подставил живот, и Ингрид нерешительно ткнула его кулаком.

— Я сказал, изо всей силы!

Ингрид зажмурила глаза и со всего размаха ударила Кара в живот.

— Ой! — вскричала она, дуя на кулак. — У тебя что там, бронежилет?

— Нет, всего лишь брюшной пресс с кое-какими мышцами, — усмехнулся Кар, — вообще-то удар у тебя сильный, надо только научиться наносить его. Учти, Ингрид, удар — дело опасное. Ты ведь сильней любого мужчины. Давай я тебе лучше покажу пару приемов дзюдо — подножку, бросок через бедро. Вот позволит себе кто-нибудь из твоих бесчисленных поклонников лишнее, — Кар подмигнул, — а ты его — раз, и он на земле и сдается.

— К сожалению, — вздохнула Ингрид, — тот, кому бы я сдалась, ко мне никаких приемов не применяет. — И она устремила на Кара красноречивый взгляд.

— Так смотри… — Он поспешил переменить тему разговора. — Вот он пытается тебя обнять…

— Кто?

— Да хулиган, ну, скажем, какой-нибудь пьяный нахал, давай, обнимай меня.

Не успела Ингрид радостно обнять Кара своей могучей рукой, как оказалась на полу.

— Попробуем еще раз.

Минут двадцать шла тренировка. Ингрид раскраснелась, на лбу выступили капельки пота. Она азартно швыряла Кара и восторженно вопила при этом. В конце концов он и сам запыхался. Ингрид действительно для женщины обладала необыкновенной физической силой, быстро усваивала приемы, и подчас даже Кару приходилось с ней нелегко.

— Ну, для начала хватит, — сказал он наконец, отдуваясь. — Ох и сильная же ты! Гарантирую, всякий, кто захочет обнять тебя без твоего согласия, сразу пожалеет.

— Зато тот, кто захочет с моего согласия, уж наверняка не пожалеет, — пообещала Ингрид.

Она тяжело дышала, волосы растрепались, она была сейчас очень красива, и у Кара на мгновение мелькнула мысль, что раньше она уже давно была б в его объятиях. Но это раньше. Когда еще не было Серэны…

— Скажи, Альберт (ого, она уже называет его по имени!), а против полицейских я могу применить эти приемы? — спросила Ингрид.

— Против полицейских? — растерянно пере-

спросил Кар (еще этого не хватало!). — При чем тут полицейские? Ты что, собираешься ограбить банк?

— Нет, но я собираюсь демонстрировать против этих мерзавцев, портовых заправил, — они, видишь ли, хотят отравить нефтью все побережье.

— Тихо, тихо, — сказал Кар, — «мерзавцы», «заправилы», «отравители». Вот засудят тебя за клевету, будешь знать.

— Так пригодятся мне твои приемы?

— Ты знаешь, Ингрид, я все-таки не советую тебе драться с полицейскими. Их твоя красота не обворожит, и отделают тебя под первое число. К тому же они вооружены. Нет, серьезно, с полицией не советую связываться.

— А ты бы не пошел с нами? (О господи, и она туда же!) Уж ты бы им надавал.

— Нет, Ингрид, я в эти игры не играю, — решительно заявил Кар.

— Трусишь! — В голосе Ингрид звучало презрение.

— Да перестань, — отмахнулся Кар. — Я вообще ничего не боюсь. Но повторяю, ваше «Очищение» меня не интересует. Ну пойдете, пошумите, кому-то из вас — надеюсь, не тебе — разобьют башку. И чего вы добьетесь? Ты что же, думаешь, из-за

ваших карнавалов не будут строить этот причал? Не смеши.

— Ладно, не хочешь — не надо. Будет время, сам к нам придешь. А насчет того, что трусишь, ты не сердись, ладно? Это я сгоряча. — Она быстро потянулась к Кару и поцеловала его. — До свидания, спасибо за науку! — Она побежала к двери и последнюю фразу выкрикнула уже у выхода.

Кар некоторое время стоял в задумчивости, устремив взгляд на дверь, за которой скрылась Ингрид…

На следующей неделе демонстрация состоялась. Кар узнал об этом из последних известий по радио. К счастью, все обошлось довольно мирно. Студенты собрались на площади перед зданием портового управления. Они вручили служащему управления протест и требование отказаться от проекта строить причал для супертанкеров. Тот обещал передать протест дирекции. «Прямо в лучших дипломатических традициях», — подумал Кар.

Никаких сообщений о том, что некая белокурая амазонка убила полдюжины полицейских с помощью приемов каратэ, не поступило.

Когда они увиделись на следующий день, Серэна ни словом о демонстрации не обмолвилась.

Кар даже не знал, была ли она там.

Жизнь продолжалась. Кар привык к ее новому течению. Он поймал себя на том, что увлекся занятиями, получает удовольствие от изучения языка и добился в этом немалых успехов. Во всяком случае, Серэна похвалила его.

Укрепились и его отношения с сокурсниками, он даже съездил с ними однажды на пикник.

Кар продолжал регулярно получать свое жалованье, из агентства ему никто не звонил, не обнаруживался и вице-директор Бьорн. Ну и слава богу.

С Лориданом он продолжал видеться регулярно. Только от него Кар узнавал, как идут дела в «Оке». А шли они прекрасно. Городской филиал расширялся, удалось провести несколько удачных дел. Теперь агентство по существу монополизировало службу личной охраны почти всех богачей в городе. Сотрудники «Ока» взяли на себя функции частных детективов во многих крупных магазинах, в порту, в больших отелях. Даже на некоторых заводах, верфях, фабриках.

Уже произошли стычки между различными забастовщиками и агентами «Ока», во время которых агенты показали себя с лучшей стороны, проломив полдюжины черепов и избив несколь-

ко десятков человек.

Шмидт канонизировал Кара и теперь, когда он отчитывал провинившихся агентов, то неизменно добавлял: «Кар так бы не прошляпил дела…», «Вот Кар уж сумел бы…», «Вот Кар давно бы его поймал…» и так далее.

Иногда Кару удавалось поговорить наедине с Элизабет. Ведь она была единственной, кому он мог поведать о своих отношениях с Серэной, от кого мог услышать доброжелательный и мудрый совет.

Ну хотя бы по поводу того встревожившего его разговора, который произошел у них с Серэной во время пресловутого пикника.

Пикник устроили в воскресенье, и впервые они провели его не вдвоем, как обычно, а вместе с сокурсниками. Сначала Кар возражал: придется притворяться, не удастся побыть вдвоем… Но Серэна убедила его в том, что негоже чураться своих товарищей, что иногда все же следует и им посвящать немного своего свободного времени и что вообще такие пикники бывают не часто.

В конце концов Кар согласился, и в воскресенье все отправились за город, на этот раз на большой парусной яхте, которую раздобыл Роберт.

Веселая компания загрузилась в яхту с утра,

прихватив такое количество вина и еды, что их вполне хватило бы на экипаж авианосца средних размеров.

Как вскоре убедился Кар, паруса яхты существовали для престижа. Никто не умел ими управлять, и судно, хоть это было совсем не романтично, надежно двигалось с помощью мотора.

Море было таким прекрасным, что дух захватывало.

А может быть, ему так казалось, потому что он в этом городе впервые видел море с моря, а не с берега.

А берег с яхты казался зеленой дугой с вкрапленными в нее белыми точками вилл, ресторанов, отелей. На берегу раскачивались пальмы, пестрели цветы, золотились пляжи. Вдали синели горы, увенчанные снежными вершинами, а обернувшись, он видел синеву моря, уходившего за горизонт. Волны были ленивые, медлительные, спокойные. Яхту почти не раскачивало. Негромко пыхтел мотор, что-то скрипело, что-то постукивало.

Запах смолы, нагретого дерева, соленой воды. Мягкий свежий ветерок…

Как прекрасно все в природе! Как все создано для счастья и радости. И как сами же люди все

портят. Воюют, дерутся, плетут какие-то интриги, обманывают друг друга. И уж конечно, свински обходятся с природой. Вон, во-о-он к порту движется танкер. И правда, не дай бог, что-нибудь случится! Вся эта красота будет перечеркнута, отравлена, убита!

Вообще его друзья затевают детские бесполезные игры, но то, что они не хотят войны, насилия — понятно. Кар вспомнил свою жизнь в джунглях, животный страх, когда нарастал вой приближающейся мины, когда по деревьям щелкали пули, когда с безумным лицом налетал на него маленький желтокожий человечек с ножом. А сам он чем был лучше, впиваясь порой голыми руками в худую желтую шею и сжимая ее, пока не обмякало под ним легкое тело? И кровь, всюду кровь и гарь, и горький запах взрыва, кислый запах земли, мертвящий запах оружия.

Запах смерти…

К чему это все? Вон красотища какая кругом, только бы и смотреть на все это, на море, на солнце, просто смотреть — счастье. И вдруг все испоганить, отравить! А люди — он смотрел на Ингрид, на ее разметавшиеся золотые волосы. Смотрел на миниатюрную черноглазую Жюли, порывистую, хохочущую во все горло, на, конеч-

но же, самую красивую из всех, непревзойденную ЕГО Серэну. Смотрел и на Роберта — загорелого, могучего, эдакого бога, героя древнего эпоса, ничего не скажешь!

И что ж, этих красавцев, этих людей тоже уничтожить? Нет, пожалуй, все-таки очищенцы в чем-то правы. Конечно, толку от их суетни мало, но стараются ведь, делают, что могут.

Кар ощутил вдруг, как растет в нем какое-то странное теплое чувство к этим веселым ребятам, которым жить бы да жить беззаботной жизнью — пить, гулять, любить друг друга… А вот чего-то бунтуют, наживают неприятности, а то и синяки, ради кого? Себя? Да нет, ради других тоже.

Ладно, все это глупости! Вообще, откуда последнее время лезут ему в голову какие-то дурацкие мысли? Кар — человеколюбец, Кар — борец за всеобщее благополучие, Кар — блюститель нравственности! Ох и бред! Уж не под влиянием ли Серэны становится он таким? Если становится? Или эти ребята на него так действуют?

Не прогадал ли господин Бьорн, отправив своего лучшего (!) агента в Университет…

Он совсем другой. Он — убийца, наемник, каратель. Он — ловкий агент, специалист по увечьям и избиениям. Он — мастер слежки и вынюхива-

ния. Вот он кто!

И эгоист, как все люди. Он хочет побольше денег, потеплей местечко, поменьше риска и получше домик. А еще он хочет Серэну. Именно ее он хочет в жены, и кто попытается помешать ему в этом, может заранее заказывать панихиду!

Воинственные мысли Кара прервала Ингрид. Она возникла неожиданно и неслышно из-за палубной надстройки, села рядом и, склонившись над ним, почему-то шепотом спросила:

— Ты чего тут разлегся? Все работают, обед готовят, удочки настраивают, палубу драят. Я вон полсотни тарелок перемыла, а господин Кар тут дремлет, вкушает радости жизни. — Она смотрела на него откровенно влюбленными глазами, уперлась ему в грудь горячими ладонями.

Кар запаниковал — сейчас поцелует, точно — поцелует, вопьется губами, не оторвешь! И свяжут их имена, как имена Жюли и Эстебана! Какой ужас! Нет, никто не возмутится — романы между студентами обычное дело. Вот и прибавится еще одна узаконенная пара: Альберт и Ингрид. Но Серэна-то как к этому отнесется? Как ее переубедить, как перед ней оправдываться? Нет! Ни в коем случае нельзя допустить, чтоб у кого-то возникло даже предположение о том, что

он и Ингрид… Черт возьми, что делать?

Драма усугублялась тем, что тайну их отношений с Серэной следовало неукоснительно хранить (роман с преподавателем — это уже выходило за правила игры). Поэтому и здесь, на яхте, они не подавали вида, были строго официальны друг с другом (по мнению Кара, даже перебарщивали, она, во всяком случае, — уж слово-то нежное можно было незаметно прошептать или взгляд бросить!).

Кар ловко вскочил на ноги, чуть не опрокинув Ингрид, и фальшиво бодрым голосом вскричал:

— Винюсь! Винюсь! Сейчас буду работать за десятерых! Готов! — И он помчался на переднюю палубу, а разочарованная Ингрид поплелась за ним.

Кар энергично включился в работу, продолжая размышлять о грозящей ему опасности. И тут Кару пришла в голову прекрасная мысль — надо поделиться своими тревогами с Серэной, а попросту — переложить на нее ответственность за решение (чего уж себя обманывать?).

Кар повеселел (как все-таки мы любим, чтоб другие решали за нас), он драил палубу, вязал какие-то узлы, переносил тяжелые ящики. Его могучее, великолепно тренированное тело легко

и ловко перемещалось в пространстве. Движения были молниеносны и точно рассчитаны. Вот где сказалось преимущество Кара перед не менее красивым, но куда менее умелым Робертом. Конечно, когда тот застывал неподвижно на носу яхты, скрестив руки, подобный юному богу, можно было без конца любоваться его совершенной мускулатурой, по которой, казалось, следовало изучать анатомию. По сравнению с ним даже Кар со своей богатырской фигурой казался хрупким.

Но когда надо было поднять тяжелый груз, быстро что-то переставить, перекинуть, укрепить, влезть на мачту — вот тут-то и видна была разница между эффектной, но мертвой горой мускулов культуриста и эффективными, готовыми к любым нагрузкам, хорошо натренированными мышцами атлета.

Зрелище это было настолько наглядным, что женская часть компании на какое-то время перестала что-либо делать, а лишь следила за Каром и Робертом. К великой досаде Лиоля и Эстебана. Что касается Эдуарда, он лишь презрительно поглядывал на этих, как он считал, «животных» с куриными мозгами.

Уж не говоря о толстом Бобе. Тот без конца фотографировал своих товарищей, море, берег,

встречные пароходы, даже чаек в небе. «Ох, жена будет довольна, она любит, когда я привожу ей фото из своих путешествий», — бормотал он себе под нос.

Наконец пристали к берегу.

Выбрали уединенный пляж, окруженный пальмовой рощей, укрытый в небольшой бухте с бирюзовой водой.

Вылезли. Девушки захлопотали, накрывая скатерть прямо на песке, разжигая спиртовки, доставая продукты.

Мужчины принялись открывать консервные банки, бутылки, разгружать переносной холодильник, разжигать костер, так, не для дела, для экзотики.

Тут снова всех поразил Кар. Буквально за считанные минуты он соорудил какой-то особый костер, разжег его без помощи спичек и зажигалки. Огонь горел ровно и сильно, а дыма почти не было.

— Где ты так научился? — восхищенно спросил Лиоль. — Ты смотри, словно и нет дыма.

— Чему в джунглях не научишься, — усмехнулся Кар, — если б не научился, не сидел бы сейчас с вами. («Кажется, я уже кому-то говорил это», — недовольно подумал он.)

На минуту все умолкли. Они вдруг осознали, что вот этот ловкий красивый парень прошел войну и наверняка сто раз рисковал жизнью, в него стреляли, и он стрелял в других, быть может, убивал. На минуту словно темная гора нависла над ними, и война показалась не отвлеченной картиной, о которой они кричали на своих митингах, которую в виде черной бомбы, зачеркнутой красным крестом, рисовали на своих плакатах, а реальностью с ее кровью, грязью и смертью.

Случайно поймав устремленный на него взгляд Серэны, Кар с удивлением заметил, что глаза ее повлажнели.

— Молодец, Кар! — воскликнул Лиоль. — Все-то ты умеешь. Рассказал бы чего-нибудь из своих военных похождений. Уж представляю, как ты там им жару поддавал!

Он бросил злорадный взгляд в сторону Роберта. Уж раз он не мог уколоть обоих, так хоть одного. Используя другого.

— Нет, — решительно сказал Кар, — об этом вспоминать не буду никогда! Никогда! — повторил он твердо.

— Напрасно, — неожиданно сказал Эдуард, — такие вещи надо помнить, чтоб не повторить.

— Какое-то время он с загадочным выражением смотрел на Кара и добавил: — Прости, я хотел сказать — не повторились.

В тот момент Кар не уловил разницы.

Некоторое время, усевшись, улегшись вокруг «стола», все гневно осуждали войну. Кар в разговоре участия не принимал. У него почему-то испортилось настроение. Только много позже он понял: из-за реплики Эдуарда.

Когда он вновь спустился на землю с облаков своих размышлений, речь шла о высоких материях — о гуманизме, долге, призвании.

— Гуманизм — высшее призвание человека, — разглагольствовал Роберт, — люди должны быть гуманны. Все! Во всем! Тогда на земле настанет рай.

— Да? — ехидно вопрошал Лиоль. — Все должны быть гуманны? Интересно, как ты себе это представляешь? Например, заповедь «не убий», да? Никого не надо убивать? Так?

— Так, — неуверенно соглашался Роберт, он чувствовал подвох.

— Ну, а вот посадят тебя перед двумя кнопками, одну обязан нажать. Нажмешь левую — погибнет, скажем, миллиард китайцев, все население, или, вот, мы все тут, кроме тебя; нажмешь правую

— твоя мать. Интересно, какую ты нажмешь? А?

Роберт молчал. Вот подлец, подловил-таки его. Действительно, кого уничтожать — собственную мать или миллиард ни в чем не повинных людей?

Его выручил Эдуард. Сняв очки, он близоруко щурился на солнце. Он совсем не загорел — его узкая белая грудь смешно поросла редкими волосами, узкие белые плечи сутулились.

— Все дело в том, — медленно заговорил он, — чтобы не допустить такого выбора, вот в чем задача.

— Ну, а если? — настаивал Лиоль.

— Выбор не в кнопках, — так же неторопливо развивал свою мысль Эдуард, — а в том, может быть такой выбор или нет. Так вот, такого выбора быть не должно. Возьмем не твой отвлеченный пример, Лиоль, а реальное положение. Ты ведь не случайно прибег к образу кнопки. Ты же не сказал — утопить, расстрелять, сжечь, ты сказал — нажать кнопку. Ты имел в виду кнопку атомной войны, а может, и не имел, образ пришел к тебе бессознательно, автоматически. И неудивительно, он реальность.

Эдуард помолчал, его внимательно слушали, хотя, быть может, и не всем была ясна его мысль.

Эдуард никогда не старался «опускаться» до уровня слушателей, пусть шевелят мозгами и поднимаются до его.

— Так вот, — заговорил он снова, — если проанализировать твой образ, то речь идет, повторяю, о том, в каком случае нажать кнопку атомной войны. Вот здесь твоя ошибка — ее нельзя нажимать вообще! Ни в каком случае! Никогда! Но ты прав в том, что если такая кнопка есть, то когда-нибудь, кто-нибудь ее непременно нажмет. Есть только один способ, чтобы ее не нажали…

Он опять сделал паузу.

— Какой? — не выдержала самая нетерпеливая — Жюли.

— Чтобы ее вообще не было! — твердо закончил Эдуард. — Тогда и нажимать будет нечего. Тогда и выбора, который ты предложил, не будет.

— Я не предлагал! — запротестовал Лиоль. — Я просто говорил, я привел пример, если кто-нибудь… Я не предлагал!

— Так что главное в том, чтобы не было кнопок, — снова заговорил Эдуард, не обратив внимания на бормотание Лиоля, — а вернее, чтобы от них не шли провода. Не будет атомного оружия, пусть кнопки остаются, для электронного бильярда например. Вот за то, чтобы этих бомб не было, мы и

боремся, мы с вами, наше общество «Очищение».

На этом разговор закончился. Постепенно напряжение серьезной беседы спало, побежали купаться, играть в мяч. Роберт стал принимать разные позы, описывая Ингрид и Мари конкурсы культуристов. Лиоль, покачиваясь — он поглотил больше банок пива, чем все остальные, вместе взятые, — бродил бесцельно по пляжу, пока не прилег на песок. Вскоре раздался его громкий храп. Эстебан и Жюли растворились в природе.

Как-то так получилось, что Серэна и Кар остались в сторонке одни лежать и загорать.

Издали казалось, что они просто лежат, подставив солнцу лица, и молчат, а между тем они вели тихий разговор.

— Тебе нравится? — спросила Серэна. — Ведь первый раз с нами поехал.

— Очень нравится, — ответил Кар, он слегка кривил душой, но не хотел разочаровывать подругу. — Только жаль, что мы должны маскироваться.

— А по-моему, это даже интересно, — рассмеялась Серэна. — Знаешь, как я хочу тебя поцеловать! А нельзя. Зато что тебя ждет сегодня вечером!

— Вот тут они несли всю эту чепуху про кнопки,

— проворчал Кар, — а я бы всех с легким сердцем утопил, лишь бы сейчас остаться с тобой наедине.

— Ты такой кровожадный? — с притворным ужасом спросила Серэна. — Всех? Даже Ингрид?

«Вот черт! Заметила все-таки что-то, — подумал Кар. — Ах, эти женщины, шиш их обманешь!»

— Кстати, об Ингрид, — заметил он озабоченно, — я хотел поговорить с тобой насчет нее, видишь ли, она…

— Не трудись, — снова рассмеялась Серэна (но на этот раз Кару показалось, что не совсем искренне), — я тебя не ревную.

Они долго молчали.

Вдруг Серэна сказала:

— Я хотела поговорить с тобой, Ал, — но снова замолчала, видно не отваживаясь на серьезный разговор.

— Я слушаю, — как можно мягче сказал Кар, чувствуя, что ей почему-то трудно продолжать. — Что случилось?

— Видишь ли, ничего не случилось. Но вот ты вроде вошел в нашу группу, в компанию, ребята хорошо о тебе отзываются, а мы же все очищенцы. Мы объединены общей идеей. Справедливой. Я знаю, ты считаешь, что все это глупости. Но

неужели тебе трудно пойти с нами на демонстрацию, на собрание? Тебя ж это ни к чему не обязывает. Посидишь, послушаешь. Ну хоть ради меня.

Кар задумался.

В конце концов, действительно, что его, убудет, если он пройдется как-нибудь по улице в их компании? Что тут такого? Смешно, конечно, эдакая экскурсия детишек, а в качестве строгой учительницы — очкарик Эдуард! Но, в конце концов, что плохого? А уж на собрании посидеть…

Даже интересно послушать. Может, они в чем-то правы, может, скажут что-нибудь умное. От него ведь не требуют, чтоб он выступал.

— Ладно, Серэна, схожу как-нибудь на твое шоу, раз тебе этого так хочется, — снизошел он.

Серэна мгновенно перекатилась по песку к нему вплотную и крепко поцеловала. Он никак не ожидал такой ее бурной реакции и, испуганно оглядываясь, приподнялся на локте. Но на них никто не обращал внимания.

— Не пугайся, — смущенная своим порывом, прошептала Серэна, откатываясь на прежнее место, — просто я очень рада. Мне так хочется, чтоб ты был с нами, Ал!

— Буду, буду, чего я ради тебя не сделаю, могу

даже заняться культуризмом. — Кар решил на всякий случай подпустить шпильку, уравновесить, так сказать, Ингрид.

— Не остроумно, — фыркнула Серэна. — И вообще хватит лежать, пошли купаться.

Они побежали к морю и долго плавали в теплой, такой прозрачной воде, что хорошо видели дно в десятке метров под собой, стайки рыб, морские звезды, водоросли…

Плавали, лежали на воде, слегка шевеля кистями рук, обратив лица к голубому небу.

Какое блаженство! Какой покой! Как далеко унеслись заботы, тревоги. Так бы всю жизнь — плыть по этим теплым волнам, ощущать на лице ласковый взгляд высокого солнца… И чтоб рядом всегда была его Серэна…

А впереди чтоб ждали всякие приятные сюрпризы. Интересно, о каком приятном сюрпризе говорил тогда вице-директор Бьорн? Бьорн, Бьорн — вдруг Кар почувствовал холодок в затылке. А как Бьорн отнесется к тому, что он пойдет на собрание очищенцев? На демонстрацию? Вообще свяжется с ними?

Настроение Кара сразу испортилось. Эх, не надо было ему ничего обещать Серэне! Стоял в стороне и стоял бы себе! Так нет, захотел сделать ей при-

ятное. Тряпка, влюбленный дурак, марионетка в руках девчонки!

Кар ругал себя на чем свет стоит, обвинял в несуществующих грехах, в безволии, в мягкотелости, в отсутствии принципиальности, в желании угодить Серэне любым способом…

К концу пикника он наконец вернул себе хорошее настроение, но озабоченность осталась.

Домой вернулись поздно, усталые, слегка хмельные от воздуха, моря и еще кое от чего, более материального. Расстались на набережной, пообнимались, перецеловались. При этом Ингрид сжала Кара с такой силой и так долго не отпускала его губы в страстном поцелуе, что он чуть не задохнулся.

Когда наконец она оторвалась от него, он быстро огляделся, но Серэна ничего не заметила, она прощалась с другими…

Вот о том разговоре Кар как-то и поведал Элизабет. Но, разумеется, ничего не сказал о Бьорне, просто поделился своими опасениями, как, мол, отнесутся в агентстве к тому, что он свяжется с этим чертовым «Очищением», не повредит ли это карьере.

Элизабет основательно и подробно, как обычно, разобрала ситуацию и пришла к выводу, что хотя

причин для самоубийства пока нет, но лучше бы, конечно, от очищенцев держаться подальше. Вряд ли Шмидт будет от этого в восторге. И не послужит ли это препятствием к возвращению Кара в «Око». Да, положение не из приятных. А нельзя как-нибудь избежать, потянуть, чтоб не огорчать Серэну?

Словом, надо подумать.

Разговор этот никак не успокоил Кара. Уж если, по мнению Элизабет, его поведение не понравится Шмидту, то что говорить о Бьорне! Не бросит ли он Кара на произвол судьбы, не отречется от него? Прощай тогда карьера, повышение, мечты и планы.

Кар не находил себе места. Что делать? Что делать?

И именно в один из этих дней, когда поздно вечером он ворочался в постели, не находя сна, раздался телефонный звонок.

Кар вздрогнул и схватил трубку с такой поспешностью, что чуть не уронил аппарат. Кто бы это мог быть? С Серэной он уже попрощался — она давно спит. Лоридан в такое время не звонит, тем более Ингрид (которая, чтоб ей пусто было, взяла манеру иногда позванивать ему просто так, видите ли, чтоб услышать его голос, ну?).

В трубке раздался приятный негромкий голос вице-директора Бьорна:

— Добрый вечер, Кар, надеюсь, я вас не разбудил? Нет? Я так и думал, что вы еще не спите, занимаетесь, наверное. Дело в том, что хотелось бы повидаться. Вы смогли бы завтра часа в четыре заехать по тому же адресу? По-моему, у вас в это время занятий нет, а у вашей подруги как раз есть — в другой группе. Договорились? Значит, жду. Покойной ночи.

И он повесил трубку. Кар не успел вставить ни одного слова.

«Все ясно, — в панике решил он, — Бьорну стало известно, что я решил пойти на собрание, и теперь меня ждет отлучение, изгнание, страшная кара. Все кончено, все рухнуло!»

Кар даже не в состоянии был сообразить, что о его в общем-то довольно неопределенном обещании, легкомысленно данном Серэне, никто, кроме них двоих, не знает. И уж кто-кто, а Серэна была последним человеком, который мог бы поделиться этой тайной с вице-директором Бьорном. Хотя ведь знала еще Элизабет.

Но обо всем этом Кар не думал. Он напряженно размышлял, как выйти из положения. Все отрицать? Признать и раскаяться? Соврать, что он

просто сболтнул, чтоб отвязаться от Серэны?

В беспокойных мыслях прошли ночь и день, и вот к четырем часам ровно он вошел в запущенный сад. И почему-то только тогда, посмотрев на часы и подумав о Серэне, вспомнил, что Бьорн выбрал этот час, так как знал не только, что у Кара нет занятий, но и что Серэна занимается с другой группой. Откуда он знает? И зачем упомянул об этом? Ясно, зачем. Чтоб Кар помнил: ни на минуту его не выпускают из-под контроля. Настроение его, когда он нажал на кнопку звонка, достигло нижней точки.

Охранник ожидал его за дверью, а вице-директор — все в той же комнате, уставленной креслами и низкими столами. Те же орешки и маслины, те же бутылки. Все в жизни повторяется.

— Мы давно не виделись, Кар, — улыбнулся Бьорн. — Как идет учеба?

— Хорошо, господин вице-директор, осваиваю язык успешно. Тем более Серэна помогает. Грозит, что скоро перестанет говорить со мной на родном языке, а будет только на иностранном.

— Молодец, ха-ха! — рассмеялся Бьорн. — Настоящий преподаватель. Впрочем, с ней-то вы всегда общий язык найдете. А? Кар? — Он игриво под-

мигнул.

Кар сделал вид, что смутился.

Он уже выработал тактику поведения. Скажет, что притворно согласился, чтоб не ссориться с Серэной, но, конечно, ни на какие собрания ходить не намерен. Только неловко начинать этот разговор самому, надо ждать, пока заговорит вице-директор.

А тот не торопился подходить к главному. Он дотошно расспрашивал Кара о занятиях, о программе, словно сам собирался поступать в Университет, пустился в пространные воспоминания о том, как в свое время учился на юридическом.

Потом стал расспрашивать о сокурсниках Кара. Кар давал им довольно меткие характеристики, и порой господин Бьорн хохотал чуть не до слез. Особенно его заинтересовал почему-то Лиоль.

— Ревнивец, говорите? — смеялся он. — К таким молодцам, как вы и этот, как его, Роберт, ревнует! Ха-ха! Что ж поделаешь, не всем такими красавцами быть, как вы. А? Кар? Ну, а как вы свободное время проводите, где бываете, о чем спорите?

Кар понял: сейчас заговорит о главном. Он подробно отвечал, а вице-директор все задавал вопросы, но как-то беспорядочно. В чем дело?

Может быть, он проверяет профессиональную наблюдательность Кара, его память, умение оценивать людей? Всем этим должен в полной мере обладать сотрудник любого сыскного агентства, а может, это особенно необходимо для его будущей работы? Может быть, его переведут в аналитический отдел?

К «Очищению» вице-директор особого внимания не проявил, так спросил, между прочим, бросил презрительно: «Все в игрушки играют» — и продолжал говорить на другие темы.

Кар почувствовал, что разговор подходит к концу. «Ага, — сообразил он, — решено проверить мою лояльность — сообщу ли я сам, ох хитрец!» И сказал:

— Господин вице-директор, тут одна вещь меня немного беспокоит. Хотел спросить вашего совета.

Кар старался показать, что это мелочь, но он как добросовестный работник считает нужным все равно посоветоваться с начальством.

— Да? — насторожился Бьорн. — Что случилось?

— Ничего особенного. Просто был тут один разговор с Серэной. Она считает, что нельзя быть белой вороной, уж раз я вошел в их компанию, в

смысле, сошелся с сокурсниками, вместе занимаемся на факультете, с некоторыми берем частные уроки у нее, вот на пикнике были вместе, так не годится откалываться…

— Не понял, — Бьорн нахмурил брови, — что вы имеете в виду?

— Ну так они же все члены этого движения, этого «Очищения», ходят на разные там собрания…

— Ну и что? — лицо Бьорна приняло скучающее выражение.

— Вот она и говорит: «Все ходят, участвуют, а ты нет. Могут не понять тебя. Тебе бы тоже следовало ходить».

— А вы? — Бьорн устремил на Кара совсем не скучающий взгляд.

«Вот оно! Сейчас я все выложу, сейчас опережу его, а если попрекнет, скажу, что как раз хотел получить совет, а пообещал, чтоб не обострять». Кар повторял мысленно свой сценарий.

— Ну, для вида пообещал. Не хотел ссориться. Сказал, мол, да, да, как-нибудь зайду. Она ведь, знаете, господин вице-директор, как припрет к стенке — не выкрутишься, но я, конечно, не собираюсь там бывать…

— И напрасно! — неожиданно резко прервал Бьорн.

Кару показалось, что он ослышался. «Напрасно? Что он имеет в виду? Издевается?»

Но вице-директор и не думал издеваться.

— Видите ли, Кар, ваша главная задача — получить диплом, изучить язык, все, что мешает этому, надо отсечь. Очень хорошо, что вы сдружились с вашими сокурсниками, что ближе стали с вашей невестой, уж будем так называть Серэну Рендо. Это все способствует достижению вашей главной цели. И не разрушайте достигнутого. Ну подумаешь, сходите с ними на демонстрации, митинги, побываете на собраниях. Что вас, убудет от этого? Вы достаточно умный человек, настоящий патриот, они что, распропагандируют вас своими дурацкими лозунгами? Пусть себе шумят, а вы присутствуйте и смотрите. Зато Серэна будет довольна, ваши товарищи не будут на вас коситься, а это только поможет занятиям…

— Значит, вы не осуждаете? — Кар еще не совсем понимал. — Можно ходить туда?

— Конечно, даже нужно, — улыбнулся Бьорн. — Ничего страшного. Может быть, даже любопытно, при случае расскажете. Ну, а теперь хватит об этом. Скажите лучше, как спортивные дела, не потеряли формы?

У Кара словно гора свалилась с плеч. А он-то

думал! Он-то боялся! Сам себя запугал! Идиот! Все-таки голова этот Бьорн, с широкими взглядами, не мелочный. Действительно, что они, Кара распропагандируют, уговорят? Он-то понимает, какой это бред, все эти их идеи. Но главное — снята проблема, как быть с Серэной. Теперь он со спокойной душой может выполнить свое обещание. Ничем в агентстве это ему не грозит.

Они еще немного поговорили.

— Я рад за вас, Кар, — сказал в заключение вице-директор. — Учитесь, старайтесь, ни о чем не беспокойтесь. Ваше новое назначение вас ждет. Как-нибудь позвоню. — Он широко улыбнулся на прощание и хлопнул Кара по плечу.

Домой тот летел как на крыльях. Он решил отметить этот день. Кар слышал, что всякие торжественные события (а собственно, какое именно было в данном случае?) отмечают шампанским. Кар и пил-то его всего раза два-три в жизни, и оно ему не понравилось. Но раз так полагается… Он купил по дороге бутылку и направился прямо к дому Серэны. Он нетерпеливо дожидался ее возвращения, переминаясь с ноги на ногу в подворотне напротив. Наконец она появилась. Кар бросился к ней.

— Скорей к тебе, жду не дождусь! — Он схватил

ее за руку.

— Что случилось? — встревоженно спросила Серэна. — Что с тобой?

— Ничего, просто хочу выпить шампанского в честь нашей дружбы!

— Дружбы? Только дружбы? — Серэна нахмурилась.

— Да нет, ты не так поняла — в честь дружбы, любви, близости… Словом, всего, что нас пока соединяет. Пока, — повторил он многозначительно, — и всего, что еще соединит.

— Ты же хотел сначала кончить Университет, — простодушно сказала Серэна и медленно покраснела.

Она поспешила отвернуться, завозилась с ключом в замке.

Они соорудили на скорую руку ужин и запили его шампанским, которое оба не любили.

Кар был оживлен и весел, Серэна сдержанна, она не понимала причины его веселья, но в конце концов поддалась ему. Вечер они закончили в дискотеке и вернулись в ее дом глубокой ночью.

Наутро, уходя в Университет — у нее занятия начинались раньше, — Серэна долго что-то мямлила и, наконец вздохнув, сказала:

— Ал, сегодня вечером в шестой аудитории

собрание нашего общества — замышляем одну акцию. Я сказала ребятам, что ты придешь.

Она устремила на Кара требовательный и в то же время не совсем уверенный взгляд.

Кар, не отрывая бритву от щеки, весело ответил:

— Конечно, о чем речь, приду. В шестую аудиторию? Обязательно приду.

Серэна подбежала к нему, поцеловала в намыленную щеку и, крикнув «Жду!», исчезла за дверью.

Кар продолжал бриться, что-то радостно и фальшиво насвистывая.

День Кар провел на занятиях. Пообедал в одиночестве в студенческом кафетерии, огромном зале с длинной стойкой, к которой подходили студенты, накладывая себе в тарелки всякую снедь. Без ограничения, но, чтобы войти в зал, следовало заплатить, и не так уж мало.

Были на территории Университета и другие кафетерии, подешевле, сравнительно дорогие рестораны и совсем дешевые столовки. Словом, каждый питался в зависимости от толщины своего кошелька.

Потом Кар посидел на берегу, глядя вдаль и думая о Серэне. На этой скамейке под высокой

пальмой они любили с ней сидеть и любоваться морем. Поэтому он и выбрал эту скамейку.

Как Серэна была счастлива, что он согласился наконец приобщиться к ее «общественной деятельности». Смешно! Такая красивая молодая женщина, с хорошей работой, неплохо обеспеченная, увлеклась какой-то ерундой, ходит, суетится… Ничего, скоро они поженятся, и все эти детские увлечения вылетят у нее из головы. Появятся другие — муж, дети, дом.

«А может, не вылетят? — вдруг подумал он. — Ведь участвуют же в этом движении и люди постарше, и совсем пожилые, у которых дети, внуки. Что ими движет? Неужели они серьезно рассчитывают своими протестами поколебать всю эту махину — химические и оружейные заводы, нефтяные компании, автомобильные фирмы, муниципалитет, полицию, преступные синдикаты?.. А главное — благополучных людей, которым на все это наплевать. Но вот борются, что-то делают. И его Серэна».

Кар почувствовал к этим людям неожиданную симпатию. Молодчаги! Ничего не боятся, вон шины прокололи, лозунгами все стены автомобильных туннелей расписали, добились, чтобы не вырубили под казино один из городских скве-

ров. «Им таких, как я или Лоридан, не хватает, — усмехнулся про себя Кар, — мы б им были кстати, когда на них полиция налетает. Вот теперь я знаю, что буду там делать — обучать их каратэ! Начну с Ингрид, она всю полицию перебьет». — Он снова усмехнулся.

Посмотрел на часы. Пора было идти на собрание.

Он не спеша доехал до Университета, разыскал шестую аудиторию.

Дверь была открыта. Народу много. Но ребята оставили ему место. Они все собрались тут: и Серэна, и Ингрид, и Роберт, и Лиоль, и, конечно, Эдуард.

Народ все прибывал. Опоздавшим пришлось стоять у стены. Наконец на возвышение, на котором обычно стоял преподаватель, вышел бородатый парень в очках и сказал:

— Внимание, давайте начнем!

Глава IX
ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ

Собрание Кара удивило.

Он приготовился скучать, внутренне посмеиваясь над всей этой болтовней. И действительно, бородач, открывший собрание, долго и нудно что-то говорил о призвании молодежи в современном мире вообще и студентов «нашего замечательного Университета» в частности.

Потом вышла девчонка. У нее была перевязана рука и огромный синяк под глазом.

— Вот смотрите. — Она говорила негромко и как-то равнодушно, и это тем сильнее контрастировало с тем, что она говорила. — Мне сломали руку, избили. За что? Я подошла к двери полицейского управления и наклеила на нее нашу листовку, ту, где мы призываем бороться с произволом властей, которые хотят все общественные пляжи превратить в частные, сдать их в аренду прибрежным отелям. Сколько берут отели, вы знаете. А где мы будем купаться? Мы должны будем ездить за двадцать-тридцать километров, за город. Для нас в городе места не будет. Тогда дежурный выскочил, схватил меня и затащил в

управление. И они стали меня бить резиновыми дубинками. Посмотрите. — Девчонка, не стесняясь, стащила с себя через голову свитер, сбросила юбку и, оставшись голой, несколько раз повернулась вокруг себя. Все ее тело — спина, живот, ноги, грудь — было исполосовано багровыми следами.

В зале раздались возмущенные возгласы.

Девушка с трудом, из-за сломанной руки, снова оделась и сошла с трибуны.

Ее сменил расхристанный парень.

— Ты, Марго, получила по заслугам. Нашла место, где развешивать наши листовки! Ты что, собиралась агитировать полицейских? И вообще есть дела поважней пляжей и танкеров. Вам известно, что к нам в порт собирается зайти крейсер, на котором размещено атомное оружие? Известно? Так вот, этого нельзя допустить. Последнее время самолеты с атомными бомбами завели привычку падать на землю, а военные корабли — тонуть. Это поопасней, чем разлив нефти. Поэтому надо что-то предпринять, чтобы этого не допустить!

— Потопить! — крикнул кто-то из зала.

Раздался смех.

— Вот за такие предложения полиция памятник поставит, — покачал головой парень. — Они

готовы заслать к нам любых провокаторов, лишь бы скомпрометировать наше движение, оттолкнуть от нас народ.

— А такие, как ты, норовят болтать, а не дело делать! — выкрикнул тот же голос.

На этот раз в зале зашумели, раздались аплодисменты, свист…

Кар оживился. Ишь ты! Какие тут собрались, сейчас передерутся — борцы за мир! Вот будет потеха. Он стал внимательно присматриваться к собравшимся. В подавляющем большинстве то была молодежь — студенты, и не только они. Юноши с сумками, в шортах и рубахах — загорелые, растрепанные, энергичные, шумные; девушки тоже в шортах, в брюках, в майках с изображениями каких-то бородатых людей, тоже растрепанные, разрумянившиеся. Все они усиленно жестикулировали, что-то кричали.

Но были здесь люди и постарше, даже несколько пожилых. Не обращая внимания на шум, они степенно обменивались короткими фразами или спорили о чем-то своем.

Однако в зале, как заметил Кар, находились и такие, как он, безучастно наблюдавшие за происходящим. Иные с иронической улыбкой на губах, иные позевывая, иные недовольно кривя рот.

В это время на трибуну вышел Эдуард. Он поправил очки, разложил перед собой на кафедре какие-то листки и заговорил, ни разу в них не заглядывая.

— Вот что, друзья. Здесь совершенно справедливо, хоть и анархически, кто-то кричал, что надо меньше говорить, больше делать. Но во-первых, иногда говорить и значит делать. Посмотрите, какое внимание привлекло наше движение. К нему вынуждены прислушиваться даже власти, городской муниципалитет, наши городские да и национальные политические деятели. От многих решений, которые привели бы к загрязнению окружающей среды, они вынуждены были отказаться. К сожалению, не от всех. Вот мы и должны добиться, чтоб от всех. Но мы ведь хотим очистить землю не только от того, что отравляет природу, но и от того, что отравляет наше общество. Что у нас, мало в городском муниципалитете коррумпированных чиновников, полицейских-взяточников, разных бизнесменов, которые всех и вся покупают? — Он помолчал и тихо сказал: — Даже лидеров нашего движения. (Шум в зале.) Вспомните Гарольда-Безумца. Помните? Его так прозвали, потому что он как безумный боролся за наше дело. А где он

теперь? (Зал молчал.) Так вот информирую — он получил очень выгодную стипендию в одном из самых престижных университетов Соединенных Штатов. Недавно мне сообщили, что там он сидит тихо и никакой общественной деятельностью не занимается. Так что с нами борются по-разному. Избивают, провоцируют, подкупают… Надо держаться покрепче. И не надо поддаваться на провокации. А что касается этого крейсера, то его нельзя допускать в наш порт, пусть заходит в военно-морские базы, а не в курортные города. И еще одно. Правильно, конечно, что мы боремся с загрязнением окружающей среды, но нельзя из-за этого запускать борьбу с загрязнением нашей городской верхушки. Предлагаю продумать акцию по очищению Управления городской полиции от…

Конец этой фразы потонул в шуме и криках аудитории. Многие вскочили, размахивали руками. Те, что постарше, неодобрительно качали головами — одно дело бороться с плохой вентиляцией в кинотеатрах, и другое — против стражей порядка.

В конечном итоге собрание так ни до чего и не договорилось. Однако те, кто, в отличие от Кара, внимательно следили за дебатами, отметили

предложения некоторых ораторов создать группы по проведению различных, впрочем, вполне мирных акций — выйти на лодках в море, чтоб преградить крейсеру вход в порт, потребовать значительного увеличения налога на владение автомобилем с бензиновым двигателем и снижения налога на двигатель, работающий на газу, устроить перед муниципалитетом сидячую демонстрацию и продолжать ее до тех пор, пока не состоится решение о переносе городской мусорной свалки в отдаленный район в горах… Никаких решений по поводу полиции принято не было.

Кар поймал себя на том, что с интересом слушал многие выступления, узнал массу любопытных фактов. Между прочим, один из ораторов, правда мимоходом, упомянул и «Око», да еще как!

— Полиция, жандармерия, разные сыскные агентства вроде «Ока», все они одним миром мазаны, на службе богачей, готовы нам головы проломить…

«Ничего себе характеристика, — подумал Кар, — неужели действительно так? Надо будет спросить у Лоридана».

Анализируя свои впечатления (ведь Серэна наверняка поинтересуется ими), Кар пришел к

выводу, что собрание было интересным, что все эти студенты честно хотят, чтоб все стало лучше. Другой вопрос — как этого добиться. Он искренне соглашался чуть не с каждым выступавшим. Уж больно все убедительно говорили. Особенно Эдуард. Его он после собрания сильно зауважал.

— Ну! Как тебе? — Серэна догнала его у выхода из Университета.

Она с беспокойством смотрела на Кара, чувствовалось, что его ответ имеет для нее огромное значение.

— Ты знаешь, мне понравилось. — Кар улыбнулся. — Лихой там народ у вас. Горячий. И, по-моему, честный. И дело, за которое они воюют, — стоящее. Действительно, иной раз идешь по городу, кажется — задохнешься. Эдуард молодец, здорово выступил. Я тебе скажу, эти полицейские, они готовы с лысого волос содрать, я помню…

Но тут он прикусил язык. Стоп! Вот против кого не следует выступать, так это против полиции. Он вспомнил того оратора. «Нет, — подумал Кар, — сегодня полиция, завтра «Око». Тут не надо горячиться».

Серэна была на седьмом небе. Она была счастлива, что теперь последняя, пусть маленькая, преграда, еще остававшаяся между ними, пала…

— Ну вот, видишь, — увлеченно говорила Серэна, — ты пойми, Ал, мы действительно хотим людям добра. Ну почему люди не понимают, что нельзя вырубать леса, строить химические заводы около рек, сбрасывать в море всякие нечистоты? И с человеческой грязью тоже надо бороться. Правда?

— Конечно, конечно, — поддакивал Кар. — Поехали к тебе. Надо отметить мое знакомство с твоим обществом.

— Ал! — Серэна внимательно на него взглянула. — Ты что-то последнее время пристрастился все отмечать. Притом с возлияниями.

— Да? Я не замечал. Ладно, пошли просто посидим, а то у меня от этого собрания в голове звон стоит.

Вечер они закончили как обычно, разве что были еще нежней друг к другу.

При первом же свидании с Лориданом Кар вспомнил не дававшие ему покоя слова оратора, упомянувшего «Око».

Они сидели в крохотном садике Лориданов на белых, легкого металла, стульях вокруг белого стола, уставленного прохладительными напитками.

Элизабет в зеленых брюках и зеленой блузке,

в огромной соломенной шляпе сновала между домом и садиком, поднося все новые банки с пивом, бутерброды, традиционные орешки. Лучи закатного солнца подсвечивали листву, в них, отражаясь, горели стекла окон, тихо насвистывали птицы, пахло свежескошенным газоном, далеким морем, остывающей после дневного зноя землей.

В природе установились покой и тишина.

— Скажи, Лор, — заговорил Кар, нарушая длившееся долго ленивое молчание, — я тут слышал, что «Око» берет на себя полицейские функции, разгоняет пикетчиков…

— Как будто ты этого не знал, когда у нас работал, — усмехнулся Лоридан. — Да нет, агентство этим не занимается.

— А как же…

— Дело вот в чем, — начал объяснять Лоридан, — мы ведь заключаем договора на охрану разных предприятий — заводов, верфей в том числе. И когда рабочие начинают там валять дурака и это грозит порчей товаров, грузов, оборудования, мы обязаны охранять все это. Это же входит в условия договора. Понимаешь?

— Но эти рабочие с этих же заводов…

— Какая разница — чужие грабители или свои

рабочие, если это угрожает целости имущества, мы обязаны вмешаться.

— А что, рабочие ломают станки или разворовывают продукцию?

— Ну нет, конечно, — неуверенно протянул Лоридан, — но они же бастуют, не пускают на завод тех, кто хочет работать, пикетируют. Мало ли чего они там могут натворить? Так ведь?

— Не знаю, — Кар пожал плечами. — А были случаи, что они там чего-нибудь ломали?

— Не знаю, я, во всяком случае, не слыхал, — честно признался Лоридан, — я только знаю, что за охрану заводов агентству здорово платят. Там же сотни наших ребят работают!

— Но разве это не дело полиции — очищать заводы от пикетов? — упорствовал Кар.

— Конечно, но «Око» тоже имеет на это право. Согласно статуту и договору, — туманно добавил Лоридан, — так что все законно. — И, помолчав, без особой последовательности добавил: — Ну, а вообще, если наши ребята намнут кое-кому бока, в чем грех? Мы же не честных людей бьем, а подонков. Вспомни Нолана…

— Да, конечно, — задумчиво согласился Кар.

Он вспомнил Нолана, его изувеченное лицо и зверскую физиономию Юзефа. Конечно, они

воюют только с подонками, а честных людей не трогают. Только вот как определить — кто честные, а кто нет?

Кто берет на себя роль судьи?

К ним подсела Элизабет. Она была озабочена. В стране все более ширилось движение против телесных наказаний в школах, в том числе и в частных, и она боялась, что потеряет работу.

— Слава богу, наша директриса пока держится твердо. Родители ее поддерживают. Но сами девчонки недовольны…

— Странно, — усмехнулся Кар, — Недовольны? С чего бы?

— Да ладно, — продолжала Элизабет мрачно, — кончится тем, что они организуют мафию. Мне по секрету одна наша учительница рассказала, ей сестра написала из столицы — там в такой же вот школе, только мужской, мальчишки вечером напали на их инспектора, ну, который выполнял наказания, как я здесь, навалились, набросили на голову мешок, сняли штаны и так выпороли, что он две недели отлеживался в больнице.

— Вот, вот, — засмеялся Лоридан, — смотри, как бы твои девочки с косичками тебе темную не устроили.

— Ничего, — сказал Кар, — Бет у нас специалист

по кэтчу и дзюдо, она им покажет что к чему.

— Смеетесь, — печально пробормотала Элизабет, — а вот потеряю работу, интересно, чем ты это компенсируешь? — Она неодобрительно посмотрела на мужа.

Лоридан промолчал. Действительно, чем?

— А мы с Бет откроем школу для малолетних дзюдоисток, — попытался все свести к шутке Кар, — чтобы могли справляться с учителями.

Но шутка повисла в воздухе.

«Да, — сочувственно размышлял он, — тебе хорошо, тебя ждет повышение, да и Серэна неплохо устроена. А им каково? Может быть, если меня повысят, смогу Лору помочь?»

Они еще долго сидели в маленьком садике, болтая ни о чем, прислушиваясь к ночным звукам — сиренам далеких кораблей, беспрерывному, несмотря на поздний час, шелесту шин на шоссе, музыке, что слышалась из окна соседнего дома…

«Действительно, — размышлял Кар, — как определить, кто порядочный, а кто подонок? Кому дано такое право? Вот я смог бы? У всех разные понятия, разные требования, интересы одних противоречат интересам других. Любопытно, что думает об этом Серэна?»

Последнее время он все внимательней прислу-

шивался к ее мнению, и оно становилось для него все важней.

На следующий день он, не называя имен, рассказал ей о проблеме, волнующей Элизабет.

Сначала Серэна возмутилась.

— Ну как ты можешь вообще говорить об этом! Как можно бить детей! Это же бесчеловечно!

— Детей! — усмехнулся Кар. — Да ты бы посмотрела на этих детей. Здоровые девки, небось все уже с мальчишками…

— Как тебе не стыдно! — еще больше распалилась Серэна. — Ты циник! Для тебя нет ничего святого. Хотела бы я посмотреть, если б тебя взгрели кнутом, что бы ты запел!

— Да погоди, — успокаивал ее Кар. — Я ж не говорю, что я за телесные наказания. Я рассуждаю отвлеченно. Ты вообще можешь рассуждать отвлеченно, а не орать и не размахивать руками? Не хочешь, давай бросим этот разговор.

— Ладно, прости, — Серэна остывала, как выключенный чайник. — Ты прав, давай будем рассматривать проблему отвлеченно. Не вноси эмоций.

— Я вношу эмоции? — возмутился Кар. Он все никак не мог примириться с ярко выраженной женской логикой своей подруги.

— Не я же! — как ни в чем не бывало заявила Серэна. — Ну, давай рассуждать спокойно. Изложи свою точку зрения.

— Не мою, ясно? Не мою, а вообще, скажем, чью-то… Вот смотри, ты газеты читаешь, я тоже иногда. Во всех школах черт знает что делается! Ребята курят марихуану, маленькие жрут конфеты с ЛСД, а самые старшие уже колются. Воруют, хулиганят, в Америке дежурят в классах полицейские, учителя ходят с револьверами! А сколько случаев нападения на них, избиения, даже убийства? И вовсе не тех, кто плохо с детьми обращается, а на любых! Нынешние школьники — звери, почище нас, когда мы в джунглях воевали. И что, прикажешь им лекции о доброте читать? Они и слова-то этого не знают.

— А почему? — вскочила Серэна. — Почему? Да потому, что они, как ходить начнут, уже ковыляют к телевизору, а там до самого выпускного класса одни убийства, пытки, мученья, всех режут, бьют, насилуют! Что, не так? А комиксы? Кино? Те же кошмары. Ты думаешь, Ал, чему ребятишки учились, когда смотрели, что вы там творили в ваших, как ты говоришь, джунглях — убивали, жгли, взрывали? Это же все у нас показывали в хронике. Чему вы их учили своим

примером?

Серэна раскраснелась, глаза горели, она размахивала руками, тыкая в Кара обвиняющий палец.

Он испугался. Такой он ее еще не видел. Куда девалась очаровательная девушка с милым лицом и смеющимися глазами! Перед ним стояла разгневанная фурия! Вот, значит, как, вот как она оценивала его участие в войне! Не герой, воин, награжденный медалью, а убийца, насильник, жуткий пример для детворы. И ведь никогда с ним об этом не говорила, молчала. Военное прошлое Кара было запретной темой в их разговорах. Теперь он понимал почему.

— Как тебе не стыдно, — слабо возражал Кар. — Мы жизнью рисковали, защищая правое дело, цивилизацию. Бились с врагом…

— Правое дело! — Серэна залилась истерическим смехом. — С врагом! Каким врагом? С этими несчастными детьми и женщинами в лохмотьях? Я же видела их по телевизору. Правое дело! Какое? Они, что ли, напали на нас? Может, позвали на помощь? Вы туда явились за тысячи километров, напомнить о старом захотели. Что вам эти люди сделали! За что вы их губили? — кричала Серэна. И неожиданно тихим голосом добавила:

— Все отравили, там ничего теперь не растет, а что растет, так без витаминов. У них и так-то есть нечего… Да вы еще последнее разорили…

Она заплакала. Это было так неожиданно, так необычно, что Кар совсем растерялся. Он обнял ее вздрагивающие плечи, гладил короткие черные волосы, бормотал какие-то глупые слова утешения.

Размолвка закончилась, разумеется, примирением. Как всегда. Как обычно между влюбленными.

Но для Кара, в его мыслях и чувствах, она сыграла решающую роль. Такая обычная размолвка и так много значила для него? Да нет, дело было не в ссоре — такие у них и раньше бывали. Дело было в тех немногих словах, что сказала ему тогда Серэна, и в том, как они были сказаны.

Кар вдруг задумался о себе. Не о делах своих, планах, желаниях. А именно о себе — вот ты, Альберт Кар, кто ты есть?

Он всегда считал себя воплощением мужества, силы, твердости, неуязвимости. Воин, жестокий, беспощадный воин, имевший право на это звание и перенесший в мирную жизнь все, чему научился на войне. Не только силу и воинственность, конечно, но и храбрость, искусство обмануть

врага, притвориться.

А кто был враг? Да все! Шмидт, опытом и сыскным мастерством которого нужно было восхищаться, чтоб хвалил тебя; вице-директор Бьорн, которым нужно было восхищаться, чтобы повысил тебя… Целый сонм чиновников, домовладельцев, работодателей, товарищей по работе, всех, от кого хоть в чем-то зависело его благополучие, — их надо было кого запугивать, кого обольщать, кого обманывать, применяя военную хитрость. Вся жизнь — война, поле сражения, где не должно быть места милосердию, жалости, а лишь силе и беспощадности. Ведь они все тоже норовят скрутить тебя. Победит сильнейший, хитрейший.

Вот так он всегда рассуждал и соответственно действовал.

Но что-то изменилось за последнее время. Он вдруг стал прислушиваться к чужим мнениям, находить в них правоту, переосмысливать свои суждения.

Это не значит, конечно, что, если домовладелец справедливо поднимал цену за квартиру из-за общего повышения цен и Кар понимал это, он не старался тем не менее этого домовладельца как-нибудь обмануть. Все же собственное благо-

получие важнее. Но раньше он всегда считал себя правым, теперь понимал и точку зрения других.

Наслушавшись выступлений этих очищенцев, он вдруг перестал их презирать — болтуны, бездельники. Он еще надо многим про себя иронизировал, но ко многому уже стал относиться серьезно. Он вдруг обнаружил, что часто они бывают правы. А главное, что его особенно поразило, что стало для него невероятным открытием — это что люди могут, оказывается, бороться не только за собственное благополучие, но и за благополучие других!

Кар ловил себя на том, что стал возмущаться разными несправедливостями, которые его-то лично не касались. Раньше такое ему и в голову не могло прийти. Кого-то там преследуют, ну и черт с ним, не его же! Теперь его интересовали и чужие беды, и чужие судьбы. Поразительно!

Откуда все это? Серэна? Сокурсники? Очищенцы? Или вообще жизнь?

Его поразила и деликатность Серэны. Ведь все, что стало для него открытием, она видела и знала давно, но с ним ни разу об этом не заговорила. Значит, она понимала его душу? Если б не тот злополучный разговор на пикнике, когда он согласился пойти на собрание, быть может, все так

бы и осталось?

Да нет, признавался себе Кар, не осталось. Рано или поздно что-то другое подтолкнуло бы его или сам он наконец дошел бы до новых мыслей.

Так или иначе, размолвка эта, столь незначительная внешне, сыграла важную роль в их отношениях, еще более сблизила, заставила Кара на многое взглянуть другими глазами.

А так жизнь текла по-прежнему.

Шли занятия, было еще два-три собрания, на которые Кар пошел с удовольствием, хотя по-прежнему лишь посидел наблюдателем в углу. Они продолжали проводить с Серэной свои загородные уик-энды. Но иногда отправлялись на пикник всей компанией.

Укреплялись, вернее, как он мысленно называл это, «уточнялись» его отношения с сокурсниками.

Больше всего хлопот у него было с Ингрид. Она, видимо, не на шутку влюбилась в него и использовала малейшую возможность остаться с ним наедине, обменяться взглядом, коснуться руки или наградить «товарищеским» поцелуем, после которого он не сразу приходил в себя.

Его попытки отшутиться, сослаться на занятость особого успеха не имели. И тогда он в

отчаянии прибег к последнему средству — намекнул Ингрид на то, что у него есть девушка!

Ох, уж лучше бы он этого не делал! Ингрид мгновенно превратилась в тигрицу. Щеки ее запылали, глаза метали молнии.

— Знаешь, Альберт, если я ее найду, — а я найду, — задушу собственными руками! Так и скажи ей — пусть лучше убегает на край света. Тебя я завоюю, будь уверен. А вот других, кто будет мешать, задушу! — Ингрид демонстрировала своими могучими руками, как она это сделает.

Глядя на нее, Кар испытывал за свою хрупкую Серэну панический страх. Черт ее знает, эту сумасшедшую, еще действительно выкинет какой-нибудь номер. Надо удвоить бдительность.

Зато с Робертом у них сложились спокойные отношения — они перестали наконец спорить о сравнительных достоинствах культуризма и каратэ и вели профессиональные разговоры о методике тренировок, количестве и интенсивности упражнений, максимальных и оптимальных нагрузках и разных других мудреных вещах, понятных только им.

Что касается Лиоля, тот просто ходил за Каром тенью. Он смотрел на него не менее влюбленными глазами, чем Ингрид, и готов был, кажется,

отдать за него недельную стипендию, а может, и жизнь (которую Лиоль ценил, конечно, меньше).

Он с самого начала зауважал Кара за его «боевые», как он выражался, «качества». Но окончательно стал его рабом после одного случая, происшедшего на очередном пикнике.

Девушки пошли купаться. Эдуард сидел, по своему обыкновению, уткнувшись в книгу. Эстебан с Жюли, естественно, куда-то исчезли, а Кар, Лиоль и Роберт перекидывались мячом на опушке. И вдруг мяч, брошенный неловкой рукой Лиоля, застрял в ветвях дерева. Роберт и Лиоль безуспешно пытались выбить его оттуда, швыряя чем попало. Кар несколько минут иронически наблюдал за ними, потом взял нож, молниеносно соорудил с его помощью рогатку, натянул на нее кусок резиновой ленты, подобранный на одной из лодок, на которых они и приплыли, и с первого выстрела сбил мяч.

Роберт и Лиоль смотрели на него, открыв рты.

— Вот это да! — вскричал Лиоль. — Вот это точность! Ну все умеет! Все знает! Тоже небось там научился?

Довольный собой, Кар подошел к дереву, прикрепил к нему, сняв с руки, свои не такие уж дешевые часы, а затем, отойдя на полтора десятка

метров, метнул нож. Просвистев в воздухе, нож с силой вонзился в полусантиметре от циферблата. Кар подобрал нож и снова метнул, на этот раз лезвие ножа впилось на таком же расстоянии от часов, но с другой стороны. Кар еще несколько минут метал нож, который со всех сторон вплотную к часам вонзался в дерево, ни разу не задев циферблат или ремешок.

Лиоль смотрел как завороженный. Он не мог произнести ни слова.

— Научи, этому хоть научи, — сказал он наконец хриплым голосом. — Хочешь, платить буду! (Для него это было вершинной жертвой.)

Кар посмеялся. Но Лиоль пристал к нему с таким упорством, что Кару не оставалось ничего другого, как преподать своему новоявленному ученику несколько уроков.

— Но чтоб девчонки не знали, учти! — предупредил Кар.

— Клянусь! — с жаром произнес Лиоль и даже поднял вверх два сложенных пальца. Не хватало только Библии.

Когда же в результате этих занятий он освоил нехитрое искусство и с десяти метров стал попадать в карточного туза, Кар навсегда стал его идеалом, уже во всем.

Пожалуй, наибольшие изменения претерпели отношения Кара с Эдуардом. Тот никого не учил приемам каратэ или искусству метать ножи, он вообще никого и ничему не учил в общепринятом смысле слова. Он просто размышлял вслух, отвечал на вопросы, рассказывал о прочитанном…

— Скажи, Эдуард, — спросил его однажды Кар, — ну получишь ты еще один диплом, изучишь еще один язык, не всю же жизнь быть студентом, начнешь служить, в государственном ли учреждении, в частном, ты что ж, будешь продолжать эту свою борьбу? Ее ведь начальство нигде не поддерживает, и отпуск, чтоб ходить пикетировать военные базы и химические заводы, тебе никто не даст.

— Как тебе объяснить, Ал? Свою борьбу, как ты говоришь, я, конечно, буду продолжать. Пойми, борьба за чистоту земли, неважно, материальную или духовную, это не временная служба, как, например, солдата на войне, это постоянное кредо.

— Кредо?

— Ну, так сказать, постоянное состояние, как, например, вера у верующего. Понял? Поэтому, где бы я ни был, я всегда буду продолжать это дело.

— А если выгонят? Ты — ведущий специалист какой-нибудь фирмы и вдруг ходишь на демон-

страции!

— Ну выгонят, так найду другую работу. Но дело не в этом. Ты прости, Кар, ты немного примитивно понимаешь борьбу за мир, за оздоровление морали, очищение среды обитания. Соль не в том, чтобы пикетировать, устраивать сидячие забастовки, походы за мир. Это все хорошо и необходимо, тем более молодежи, которая мало что умеет. Но ведь сейчас в этой борьбе участвуют и иные люди. Ловкие, тренированные, энергичные, решительные. Смотри, что делают эти активисты из «Гринпис». Слышал о таком движении вроде нашего? Одни подплывают к военным кораблям, к районам атомных испытаний, другие вступают в схватку с армией, полицией. Я не за крайности, у нас тоже есть горячие головы — прокололи людям шины на их автомобилях и чего добились? Что автомобильные фабриканты заработали на продаже новых шин. А владельцы автомобилей, они чем виноваты? Нет, это не методы. Просто я хочу сказать, что ныне борцы за мир часто становятся бойцами, не надо думать, что все они только и ходят с плакатами. Так вот, думается, что убежденные люди, как я — ты ведь меня спрашиваешь, — на любом месте могут бороться: хозяин фабрики — построить очистные сооруже-

ния, генерал — быть против войны, фабрикант — переключить производство с бензиновых двигателей на дизельные или газовые… Да мало ли как? Можешь быть уверен, в этом деле безработных не бывает.

Кар молчал, обдумывая услышанное.

— И еще скажу тебе, — нарушил молчание Эдуард, — такие люди, как ты, нам очень нужны — смелые, опытные, умеющие за себя постоять и за других. Ну разве это не свинство, когда эти полицейские или частные агенты бьют наших девушек?

— Частные агенты?

— А ты что думал? У них свой бизнес. Их нанимают охранять себя миллионеры. Не мы же с тобой. Ну, а раз положено охранять, то ведь не только личность, но и имущество. Так что, скажем, забастовщики для них простые воры, они с ними, как с ворами, и поступают.

«Интересно, — подумал Кар, — уж кажется, какая пропасть между Лориданом и Эдуардом, а говорят одно и то же».

— Ты когда-нибудь слышал об американском агентстве «Пинкертон», впрочем, теперь оно стало ничем не хуже любого транснационального картеля.

— Еще бы! — воскликнул Кар.

— Вот поинтересуйся, чем оно занимается, почитай.

«Тем же, что и «Око». — Кар усмехнулся про себя: — Уж что-что, а это я знаю получше Эдуарда».

Так порой беседовали они, и Кар не замечал, что частенько приходил к Эдуарду с возникавшими у него вопросами.

А возникало их все больше и больше.

Вот тогда-то и позвонил ему снова вице-директор Бьорн.

И все повторилось. Все было как в прошлые разы. Поздний час, глухой сад, молчаливый охранник, столик с напитками и орешками, приветливый господин Бьорн.

— Ну, как дела, Кар? Я слышал, вы успеваете. — Он и не думал скрывать, что внимательно следит за жизнью Кара. — Укрепили дружбу с вашими товарищами по курсу. А как с Серэной Рендо, надеюсь, день свадьбы приближается? Я уж готовлю свадебный подарок! — Бьорн рассмеялся. — Эх, Кар, завидую я вам — молодой, красивый, с обеспеченным будущим. Сами любите, и вас любят. — Он помолчал. — А ведь есть бедняги, ходят без работы, еле сводят концы с концами. И все-то у вас впереди. Не то что у нас, стариков.

— Он грустно покачал головой.

— Ну что вы, господин вице-директор, какой вы старик! У меня-то будет ли еще все это. А у вас…

— Ну-ну, Кар, о чем вы говорите, мы вас высоко ценим. И пока вы выполняете наши указания, хорошо работаете, как сейчас, «Око» о вас позаботится, за нами не станет. Учтите, мы возлагаем на вас большие надежды. Нам нужны толковые преданные сотрудники.

«Работаю, как сейчас! — подумал Кар. — Ничего себе работа, тружусь на себя, болтаюсь по пикникам и интересным собраниям. А за меня все оплачивают, да еще готовят, как выражается вице-директор, «приятный сюрприз». Так бы всю жизнь работать», — усмехнулся он про себя.

— …сейчас все дорожает, — донесся до него мягкий голос Бьорна. — Я бы на вашем месте не затягивал дело с домом. Чего ждать? Заключите договор, внесите аванс. Пусть себе цены повышаются, у вас-то договор, там цена закреплена.

— Аванс? — Кар опять усмехнулся, на сей раз открыто. — Это ведь немалая сумма, господин Бьорн, я ее еще не накопил.

— А Серэна Рендо, она ведь ваша будущая…

— Нет, господин Бьорн, я должен сам все обеспечить, иначе какой я мужчина.

— Правильно, Кар, очень правильно. Но хочу вас порадовать. «Око» готово вам помочь. Видите ли, — он заговорил деловым тоном, — нашим лучшим, надежнейшим сотрудникам мы идем в исключительных случаях навстречу. Как и другие фирмы, вы это знаете. Поэтому в счет вашего будущего жалованья, а оно будет высоким, могу вас заверить, мы дадим вам кредит, так сказать, аванс. Позже будем вычитать небольшими долями из жалованья. А? Кар?

— Но…

— Между прочим, ваша нынешняя невеста, а будущая жена ничего не узнает, вы ведь внесете эти деньги за дом, кстати, мы можем сами перевести их в банк. Представляете, какой это будет для нее сюрприз! А? Кар? Закончен свадебный ужин, и вы, вместо того чтобы ехать в снятую вами квартиру, везете ее в новый, ваш, ЕЕ дом и на своих могучих руках вносите в комнаты?

«Да, это было бы здорово!» — подумал Кар. Он уже представлял, как действительно вносит Серэну в дом, как она благодарно обнимает его, счастливо смеется, как он водит ее по ЕЕ новому дому…

— И что, — спросил он нерешительно, — такое возможно? Что я должен сделать?

— Ничего особенного. — Бьорн небрежно вытащил из внутреннего кармана несколько тщательно сложенных листков. — Вот, подпишите эти бумаги — ваша просьба о кредите, согласие о последующих вычетах из будущего жалованья, обязательство вернуть в случае ухода из агентства — словом, все это чистые формальности. А когда выберете дом, сообщите в бухгалтерию, и они переведут или сами возьмете. Это уж как захотите.

Кар горячо поблагодарил. С радостью подписал бумаги. Бьорн снисходительно улыбался. За будущий дом даже выпили немного виски (чего доселе Кар в присутствии Бьорна себе не позволял).

— Ну вот, смотрите, не проговоритесь невесте, — погрозил пальцем Бьорн, — а то весь сюрприз пропадет.

— Господин вице-директор… — Кар не знал, как сказать. — Господин вице-директор, тут такое дело. Я ведь ничего моей работе никому не говорю…

— Правильно.

— Но потом-то, когда мы поженимся, заживем нормальной жизнью, у меня будет эта новая работа, придется же Серэне сказать. Получится,

что я все время обманывал ее, ну, не обманывал, а скрывал… Как тут быть?

— Все будет в порядке, — успокоил его Бьорн. — То, что вы все время работали у нас, говорить ведь не обязательно. Скажете, что поступили после Университета на одно место. Подвернулось, мол, отличное место, вы и поступили. Повезло!

— Дело в том… понимаете… дело в том… — Кар совсем запутался. — Серэна не очень хорошо относится к агентству. Нет! Не именно к «Оку»… вообще к сыскным агентствам, ну… там к полиции, жандармерии. К таким… учреждениям. Они ведь там, сами знаете, считают, что им мешают за это их очищение бороться… преследуют, словом…

— Пусть это вас не беспокоит, Кар, это же не завтра. Вы уже будете женаты. У нее изменятся взгляды. Семья, дом, муж. Вряд ли она по-прежнему будет играть в эти игры.

Кар молчал. Он не разделял оптимизма Бьорна.

— А в крайнем случае, если ей потребуется время, я понимаю — мы нелегко расстаемся с заблуждениями молодости, в крайнем случае поступим по-другому. Скажете, что работаете в засекреченном отделе какой-нибудь фирмы,

на военном заводе, в конструкторском бюро, что не имеете права рассказывать о работе. Все нужные документы мы вам всегда сделаем, то есть выдадим. Так что пусть вас это не беспокоит, — Бьорн похлопал Кара по колену и совершенно неожиданно спросил: — Скажите, Кар, вот этот Эдуард, вы мне как-то про него рассказывали, с вашего курса, как вы с ним, ничего?

— Ничего, неплохой парень вроде, — немного удивленный ответил Кар, — а что?

— Да так, ничего, судя по вашим рассказам, любопытный парень. Он что, верховодит в этом «Очищении»?

— Ну, не совсем, но его очень уважают.

— Вы с ним подружились? Вместе на пикники ездите? Да? Выпиваете иногда?

— Ездим, но он все равно сидит, читает. А насчет этого, — Кар щелкнул пальцами, — он вообще не пьет.

— Значит, наркоман.

— Да что вы, господин вице-директор, — Кар рассмеялся. — Он, знаете, Иисус такой, никаких пороков у него нет. В этом смысле — скучный человек. Но поговорить с ним интересно, он много знает. А уж спорить — мастер!

— Ну что ж, значит, для вас полезный товарищ

— можете с ним оттачивать свое полемическое мастерство. — Бьорн улыбнулся. — Так до следующей встречи, Кар. Как выберете дом, звоните.

Кар был в таком восторге, что полночи не спал и не давал спать Серэне, расспрашивая ее, в каком бы доме она хотела жить.

— Да чего ты привязался, — рассердилась она наконец, у нее слипались глаза. — Вот когда решим купить лет через двадцать, тогда подумаем.

— Почему через двадцать? — игриво подмигнул Кар. — Почему не через два? Вот кончу Университет, и надо будет обзаводиться…

— Знаешь что… — Серэна вышла из себя. — Если ты ночью наедине с любимой женщиной ничего другого не собираешься делать в постели, как обсуждать, две должны быть в твоем будущем доме веранды или одна, тогда обсуждай сам с собой, а я хочу спать! — и повернулась к стене.

Пристыженный Кар тоже вскоре заснул, убаюканный мечтами. Ему снился личный небоскреб, к которому он подлетает на персональном самолете, а ведет самолет его персональный пилот с лицом вице-директора Бьорна…

Утром Серэна еще некоторое время дулась на него, но потом заулыбалась, как всегда, и помчалась на занятия.

Кар торопливо оделся и устремился в другую сторону, в ближайшую контору одной из бесчисленных компаний по продаже недвижимого имущества, процветавших в городе. Ему не терпелось стать домовладельцем!

В конторе, занимавшейся недвижимостью, Кара встретили с распростертыми объятиями. Не потому, что в городе не хватало желающих (в основном жителей совсем других городов и даже стран) приобрести землю, домик, дом, домище, виллу, дворец, замок, имение и так далее, а просто потому, что это было коммерческое предприятие, существующее благодаря клиентам, а следовательно, каждого клиента, даже если он хотел приобрести лишь два квадратных метра земли (контора продавала и места на кладбищах), следовало приветствовать.

Кару подвинули кресло, поднесли чертежик, макеты, рисунки. Подсел консультант.

Они сидели долго — пока Кару позволяло время. В результате этих переговоров на среднем уровне Кар остановил свой выбор на небольшом красивом двухэтажном коттедже с гаражом в подвале и бассейном в садике за домом. Дом мог быть предоставлен в его распоряжение очень быстро. За небольшую дополнительную

плату ему согласились меблировать дом, при условии, что в течение трех лет он выплатит стоимость мебели, холодильника, телевизора и стиральной машины. Прикинув в уме, на что он может рассчитывать, Кар решил, что кредитов, предоставленных ему «Оком», вполне хватит. Уточнили детали, и, весело и фальшиво насвистывая, новоиспеченный домовладелец покинул контору.

В тот же вечер он, слегка волнуясь, впервые набрал номер Бьорна. Тот взял трубку сразу.

— Слушаю, — сказал он сухо.

— Извините, господин вице-директор, это Кар. Извините. Вы сказали, что я могу позвонить, когда улажу дела с домом. Вот я…

— Да, да, конечно. — Голос Бьорна потеплел. — Куда надо перевести деньги?

— Лучше бы мне их получить наличными, — нерешительно сказал Кар. — Дело в том, что я еще и мебель там прихватил, так что придется дополнительно заплатить. Но вы не беспокойтесь, господин вице-директор, тут я свои добавлю. Потому я и хотел получить наличные.

— Дело в том, Кар, что я уточнил, бухгалтерия наличными выдать не может, но она все переведет. Думаю, что и вопрос с мебелью не проблема.

«Око» — организация богатая и для хороших работников ничего не пожалеет. Только напишите еще одну просьбу насчет мебели и передайте мне при следующем свидании.

— Спасибо, господин вице-директор, большое спасибо.

— Не стоит и говорить, Кар. Надеюсь, у вас все в порядке.

— Все, господин вице-директор. Вот завтра наши, я имею в виду очищенцы, собираются вручить петицию муниципалитету относительно какого-то крейсера, чтоб он не входил в порт. Вот все думаю, идти или нет…

— Идите, Кар, обязательно идите. Не следует подводить товарищей. А во сколько они собираются?

— Кажется, после занятий, в четыре.

— Ну-ну. А вы пойдите. Вдруг полиция начнет вмешиваться. Вы там как раз пригодитесь, защитите ваших девушек. А? Кар? Проведете тренировку по каратэ. — И Бьорн весело рассмеялся.

Пожалуй, самым трудным для Кара в эти счастливые дни было держать при себе свою тайну, не сказать Серэне, что у них теперь есть свой дом, да еще какой. Засыпая, он видел этот дом, его комнаты, бассейн так реально, что, кажется,

открой он глаза — и все это предстанет перед ним наяву. Господи, как он хотел, чтоб мечты его скорей осуществились.

Он решил поговорить с Серэной. Чего ждать? Через три месяца они могут сыграть свадьбу, переехать в свой дом, зажить новой жизнью. Какая разница, куда будут приходить к ней ученики. Кстати, он учел при выборе дома место его расположения — совсем близко от Университета. Ведь последнее время Кар ночевал у Серэны все дни недели, так что практически они были мужем и женой. Так почему не узаконить эти отношения? Зачем ждать диплома, тем более что можно было сдать все экзамены и раньше, недаром Серэна нахваливала его. А в таких делах она врать не будет.

Однако случилось такое, из-за чего все эти прекрасные планы едва не рухнули.

Отправляясь на демонстрацию, Кар чувствовал себя неловко. Как-то все это было по-детски. Идет веселая толпа студентов, в шортах, майках, некоторые девушки даже в купальниках. Ведь жарища! Но идут и люди постарше, даже какие-то старики, детишки. Идут медленно, кто как, не в ногу, болтая и смеясь. Некоторые несут полотнища с лозунгами протеста. Кто-то при-

хватил саксофон, кто-то гитару. Вполне мирное шествие, к таким давно привыкли, и прохожие не обращают внимания. Это не первая подобная демонстрация — ну придут к муниципалитету, вручат петицию. Какой-нибудь мелкий клерк примет ее, пообещает передать начальству, и все разойдутся. На том дело и кончится.

Это для Кара все было впервой, и он чувствовал себя каким-то инородным телом, вроде взрослого дяди, затесавшегося в колонну малышей.

Светило солнце, дул теплый ветерок, на набережную накатывались ленивые невысокие волны, на улицах прохожих было мало, многие еще досыпали послеобеденную сиесту.

Демонстранты шли себе и шли.

Вдруг на улице, выводившей на центральную площадь города, на которой высилось здание муниципалитета, возникла цепочка полицейских. Тонкая, в один ряд.

Стоявший впереди офицер через громкоговоритель предупредил:

— В муниципалитете — ответственный прием! Прошу разойтись!

Демонстранты продолжали движение. «Какой еще прием?» А в задних рядах офицера не услышали. Тот повторил свое предупреждение. Но

колонна продолжала двигаться.

Еще двадцать, десять, пять метров, и тонкая цепочка служителей порядка была смята, вернее, растворилась в толпе, их просто обходили. И тогда из ворот муниципалитета выскочили десятки полицейских, они были в касках, в руках дубинки. Полицейские набросились на демонстрантов, толкая их, отжимая обратно на улицу, откуда те пришли, а кое-где и пуская в ход свои резиновые дубинки.

Никто ничего не мог понять — сколько раз вот так мирно подходили к муниципалитету, потом уходили. Ну, бывало, что полицейские довольно миролюбиво просили разойтись. Но чтоб такое! Набрасываться, пускать в ход дубинки?

(Откуда было знать студентам, что именно в этот час городской голова принимал военного атташе той страны, под флагом которой должен был прийти в порт злополучный крейсер!)

Сначала Кар растерялся. Вот черт! Первый раз пошел с этими очищенцами, и на тебе, сразу попал в заваруху! Что надо делать? Лучше всего незаметно исчезнуть, еще не хватало угодить в полицию.

Он огляделся. И наверное, тихо исчез бы с поля брани. Но в этот момент он увидел, как два дюжих

полицейских, схватив Серэну и Ингрид и заломив им руки, выталкивали их на тротуар. Словно что-то красное застлало ему глаза. Растолкав нескольких и без того перепуганных студентов, он бросился вперед. Через минуту оба полицейских неподвижно лежали на асфальте. В руку еще одного подбежавшего яростно вцепилась Ингрид. Хоть и не слабак на вид, бедный полицейский явно проигрывал в схватке с разбушевавшейся валькирией.

Схватив Серэну за руку. Кар выволакивал ее из толпы. Но он плохо сориентировался и врезался в плотную группу полицейских. Не думая о последствиях, он начал пробивать себе дорогу, используя все свое мастерство каратиста. Он успел уложить двух-трех, когда в затылке у него взорвалась «атомная бомба», и он потерял сознание.

Очнулся Кар в камере полицейского управления с двумя десятками других задержанных демонстрантов. Он облегченно вздохнул, не увидев среди них ни Серэны, ни Ингрид.

Одного за другим задержанных стали вызывать в кабинеты к инспекторам. Когда вызвали Кара, он увидел в комнате еще нескольких полицейских. Вид у них был весьма потрепанный, и Кар понял, что все это его жертвы.

— Подпишите протокол, — устало и равнодушно сказал инспектор. — Учтите, ваше дело плохо: сопротивление властям, оскорбление, нанесение побоев представителям службы порядка, членовредительство, вон сержанту вы вывихнули руку, подстрекательство, хулиганские действия, помеха движению транспорта на проезжей части, неподчинение решению городского муниципалитета… Что еще? Ну ладно, и этого хватит. Лет на пять потянет.

— На сколько? — в ужасе закричал Кар.

— Не ори, говорю — на пять. Но может, судья жалостливый попадется, тогда тремя отделаешься.

— Да вы что! Мне Университет кончать надо, у меня работа, я воевал, у меня медаль! Это незаконно! Я требую адвоката!

Инспектор некоторое время с презрением смотрел на Кара.

— Сопляк, — процедил он сквозь зубы, — я тоже воевал, но так себя не вел. Пройди в соседнюю комнату.

В полном отчаянии, ничего не видя вокруг, Кар прошел в расположенный рядом кабинет и застыл на пороге. В кабинете за столом сидел, судя по нашивкам, высокий чин, а рядом… вице-директор Бьорн.

— Ну что ж ты, Кар? — Бьорн посмотрел на него с упреком. — Своих, можно сказать, бьешь. Ведь с кем мы рука об руку работаем? С полицией. Кто ее лучшие помощники? Мы. Когда главному инспектору доложили, что ты натворил, он за голову схватился. Ты же уголовный преступник, Кар! Тебя впору на десять лет в тюрьму упрятать. — Бьорн горестно покачал головой и замолчал.

Он молчал ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы Кар не успел умереть от отча-

яния, потом заговорил:

— К счастью, главный инспектор ценит и уважает «Око», как и мы его. Не сомневаюсь, когда он уйдет в отставку, то займет у нас высокий пост. И вот из уважения к нашему агентству он согласился отложить рассмотрение и вынесение решения о передаче в суд. Так что подпиши признание и поблагодари главного инспектора. Хорошо, что я здесь случайно оказался. Иди, я тебе позвоню.

Как во сне, Кар подписал какие-то бумаги, пробормотал слова благодарности и пулей вылетел из полицейского управления.

Господи! Он что, с ума сошел? Будь они прокляты, эти очищенцы, эти студенты и все их идиотские акции, демонстрации, митинги! Чтоб из-за них поставить на карту свое счастье. Десять лет, да пусть хоть пять, хоть два! Все же пойдет прахом, все будет кончено. И повышение, и дом, и Серэна… Серэна!

Он схватился за голову и помчался к ней. Лишь бы с ней ничего не случилось! Если только они посмели ее тронуть, он их всех убьет, и этих полицейских, и инспектора, и главного инспектора, и городского голову, всех вообще!

Он бежал, задыхаясь. Затылок невыносимо болел, пощупав его, Кар обнаружил огромную

шишку. Ничего его огрели! Ладно, «там» и не такое бывало… Он влетел к Серэне на исходе сил. Увидев ее в дверях, Кар чуть не потерял сознание…

Серэна бросилась к нему, обняла, плача и смеясь, она целовала его. Увидев шишку на затылке, пришла в панику, уложила, притащила компрессы, примочки, мази, хотела немедленно позвонить врачу. Кар еле остановил ее.

— Господи, — суетилась Серэна, — когда я увидела, что они ударили тебя и потащили в полицию, я чуть не умерла. Ингрид помчалась собирать ребят, мы хотели идти выручать тебя. Ты представляешь, Ингрид отняла у полицейского дубинку и так его отколошматила, что он небось и сейчас еще в себя не пришел. Ничего не понятно, почему они сегодня устроили это побоище. Надеюсь, ты скоро поправишься. Вот ребята будут рады. Сейчас позвоню Ингрид.

«Поправлюсь-то я поправлюсь, — думал Кар, — но чтоб я еще хоть раз пошел с ними! Дудки! И еще сейчас прибежит эта валькирия, ох!»

— Прошу тебя, Серэна, только не зови сюда Ингрид. Скажи, что я заснул. Что я проснусь через год, через сто лет!

— Не понимаю тебя, — удивилась Серэна. —

Она так обрадуется. Она так переживала, когда тебя схватили. Я думала, она убьет того полицейского.

«Еще бы!» — это была последняя мысль Кара, прежде Чем он погрузился в сон.

В Университете его встретили как героя. Даже сдержанная Мари поцеловала в щеку. Эдуард молча пожал ему руку, но рукопожатие это говорило о многом. Лиоль без конца рассказывал всем на курсе, как Кар разметал два десятка полицейских и лишь коварно подобравшиеся к нему сзади враги сумели нанести удар, от которого любой другой давно отправился бы на тот свет, а вот Кар отделался шишкой. Что касается Ингрид, то лишь присутствие ребят спасло его от угрозы действительно быть задушенным в ее объятиях.

Теперь Кар стал не только своим, но и ходил в эдаких легендарных фигурах.

Все это было прекрасно, но настроение его не улучшалось. Он со страхом думал о свидании с Бьорном. Действительно, лучший (ой ли?) агент «Ока», избивающий полицейских, уличенный в десятке разных правонарушений! Лишь благодаря Бьорну он сумел избежать тюрьмы, да к тому же его собственноручное признание хранится у главного инспектора в столе, эдакая бомба замед-

ленного действия.

Кар то корил себя за никому, и ему прежде всего, не нужное участие в этой проклятой демонстрации, то с возмущением вспоминал, как полицейские заламывали руки Серэне, и радовался, что оказался поблизости.

Так или иначе, это был урок.

Но что делать дальше? Из разговоров его товарищей явствовало, что они теперь рассчитывают на него не только как на непременного участника всех их пикетов, собраний, демонстраций, но чуть ли не как на главную ударную силу в борьбе с полицией. В хорошенькое положение он попал… И посоветоваться не с кем.

Но советчик нашелся. Через несколько дней ему позвонил Бьорн (ох, уж лучше б не было этого звонка!).

Как всегда, он отлично знал расписание Кара и выбрал для свидания время, когда Кар был свободен, а Серэна занята.

На этот раз Бьорн оставил свою обычную улыбку дома. Напитки и орешки отсутствовали. Он был сух и деловит: начальник, инструктирующий подчиненного.

Кар сидел и молчал. Он был потрясен до такой степени, что, даже если б хотел, не смог вымол-

вить ни слова.

— Мы довольны вами, Кар, — ровным голосом говорил Бьорн, — первую часть задания вы выполнили отлично. Недаром и я, и сам господин директор считаем, что вы заслуживаете повышения. Наше обещание остается в силе, как только получите диплом, перейдете работать в мой отдел. Со временем я расскажу вам, чем он занимается. Впрочем, фактически вы уже работаете в нем. Так вернемся к заданию. Итак, первая часть выполнена: вы внедрились в «Очищение», завели там друзей, а благодаря этой случайной драке с полицией и завоевали в движении немалый авторитет. Кстати, не обольщайтесь, не такая уж она была случайная, эта драка… — И Бьорн устремил на Кара иронический взгляд. — Так или иначе, — продолжал вице-директор, — но вами авторитет завоеван. Теперь важно его не растерять и разумно использовать. Я думаю, вы теперь сами убедились, что «Очищение» отнюдь не невинные игры дурачков студентов, а опасный заговор. Его политическая окраска не наше дело, хотя мы не имеем права с ней не считаться. Но что оно подрывает наши имущественные условия, несет в себе опасность для наших имущественных институтов, очевидно. Бороться с ними

дубинками, как вы испытали на собственном опыте, дело бесполезное, это только прибавляет им популярности. Нам поручили в рамках наших обычных услуг скомпрометировать «Очищение». Следует создать такую ситуацию, такой инцидент, чтоб от него отвернулась общественность, чтобы очищенцы в глазах общественного мнения ассоциировались с анархистами, террористами, грабителями, словом, разными бандитами.

Бьорн помолчал.

— Как вы знаете, Кар, наше сыскное агентство никогда не подводит клиентов. Это солидный заказ, мы должны его выполнить, и мы сделаем это. В частности, благодаря вашим усилиям. Повторяю, первая половина задания выполнена. Вы искусно внедрились в «Очищение». Это вам зачтется. Следующее ваше задание таково: подумать, какой факт можно использовать для их компрометации, а если нет такового, то как его создать. Далее подумайте, кого из ваших сокурсников можно привлечь к делу. Судя по вашим донесениям… Что вы так на меня смотрите, Кар? Вы же понимали, что ваши рассказы — донесения. Они, между прочим, все записаны на диктофон. И с моей точки зрения, очень толковые. Вам не откажешь ни в наблюдательности,

ни в точности психологического анализа. Да, да, не скромничайте. Так вот, судя по вашим донесениям, мне представляется, что подходит Лиоль. А? Кар? Его легко купить, за деньги, думаю, он продаст родную мать. К тому же он всех ненавидит. Кроме вас, вас он уважает и, по-моему, боится. Так что из него вы можете веревки вить. Роберт — надутый болван. Прикиньте, как его взять обманом. Насчет Серэны Рендо не знаю. Она, правда, в вас влюблена… Ну тут решайте сами. Если хотите оставить ее в стороне от всего этого — пожалуйста. Повторяю, решайте сами. Сколько вам нужно времени? Недели хватит? Затягивать нельзя. Через десять дней придет этот крейсер. Словом, думайте сами.

Вице-директор опять помолчал.

— Вот так, — произнес он, вставая. — Через неделю я вызову вас. Если придумаете что-нибудь раньше — прекрасно, позвоните мне. И учтите, Кар, чем лучше вы проведете эту операцию, тем на большее вы можете рассчитывать в моем отделе. Желаю успеха.

Он пожал Кару руку.

Весь этот разговор по существу был монологом господина вице-директора. А его роль заключалась в том, чтобы слушать, радоваться, что он

так хорошо выполнил первую часть задания, и ломать себе голову над тем, как получше выполнить вторую.

И еще над тем, какой он круглый идиот, как замечательно он может работать руками и ничего не соображать головой. И еще, как хорошо и спокойно было там, в джунглях, среди рвущихся мин и свистящих пуль, и как страшно и опасно в этом жутком городе, полном солнца, веселых глупых юнцов и зловещих вице-директоров «Ока».

И еще он думал, что теперь делать? Топиться, задушить при следующем свидании Бьорна, все рассказать Серэне, сесть в первый самолет и улететь на край света, покорно выполнять задания, притвориться, что выполняет, а на деле срывать его? А нельзя ли придумать что-нибудь такое, чтоб и овцы были целы и волки сыты?

Ведь существует же какой-то выход, черт возьми! Не может не существовать!

Эх, жаль, посоветоваться не с кем…

Как же он одинок! Как чертовски одинок. Даже не с кем поделиться. А ведь у него вроде много друзей — Серэна, Лоридан, Элизабет… А разве не друзья ему Эдуард, Роберт, Ингрид, даже этот скользкий Лиоль? Нет, этот не друг — недаром Бьорн именно его назвал как возможного по-

мощника.

И не с кем посоветоваться. Как же он одинок!

И в какое страшное положение попал. Кругом обложили, нигде ни лазейки!

Кар прекрасно понимал теперь, что и кредит на дом, который он уже приобрел и от которого не может отказаться, потому что не может вернуть аванс, и вся эта явно подстроенная сцена в полиции, у которой он теперь в руках, и записанные на пленку его «рассказы», а в действительности, как справедливо сказал Бьорн, донесения — все это звенья одной цепи, которой он накрепко прикован к «Оку». А возможно, и обещания о прибавке к жалованью, о новой интересной и престижной работе тоже лишь еще одно звено этой цепи?

Впрочем, нет, это уже другая цепь — золотая. Кнут и пряник. Если он хорошо справится с заданием, его наверняка будут использовать на таких же трудных заданиях. И будут больше платить, и сохранят кредит, и вице-директор Бьорн, элегантный и улыбающийся, придет к нему на свадьбу с букетом цветов для Серэны.

Если только Серэну раньше не посадят за решетку или не проломят голову полицейской дубинкой…

Кар зашел в первый попавшийся бар, заказал чего покрепче и, сев за столик, устремил взгляд в окно. Солнце садилось красное и в дымке — это предвещало плохую погоду, что было редкостью в его замечательном, солнечном, счастливом городе. Чайки летали низко. Они кричали тревожно и, казалось, о чем-то предупреждали. Вдали в порту мрачно загудела сирена. На соседней башне зловеще пробили часы.

Словно все кругом напоминало ему об опасности, об угрозе.

Кар поежился.

Глава X
АКЦИЯ «ПОРТФЕЛЬ» И ДРУГИЕ...

В затуманенной голове Кара возникло воспоминание.

...Они долго тогда шли вдоль той знаменитой широкой реки, потом рисовыми полями, где одиноко, словно телеграфные столбы, торчали сахарные пальмы. По дороге сожгли пару деревушек — огонь мгновенно охватывал жалкие строения, прикрытые пальмовыми листьями. Ненадолго задерживались, смотрели, как единственный — второй — этаж проваливался меж свай, как жались друг к другу в безумном страхе дюжина старух и ребятишек в лохмотьях. Мужчин не было. Они или скрывались, заслышав их приближение, или, если не успевали, валялись тут же с пулей в затылке.

Шли долго. Наконец оказались у холма — цели их путешествия. За холмом было ровное поле, и туда за ними должны прилететь вертолеты. Их карательная экспедиция затянулась, они опаздывали на три дня, но, в конце концов, какое это имело значение! Вертолеты должны на рассвете прилетать каждый день...

Они уже начали приходить в себя после изнурительного похода, даже раненые приободрились, кое-кто хрипло смеялся, кое-кто вслух мечтал о девочках и байоне — рисовой водке.

Вот тогда-то их и накрыли… Когда воет мина — ничего нет страшней! Тогда думаешь — уж лучше бы она скорей разорвалась. Откуда летели мины, было непонятно, с холма по ним вели пулеметный огонь. Слева эта речища — не переплыть, справа рисовые поля — по ним не очень-то побегаешь, назад не повернешь — оттуда тоже стреляли. Выхода не было, только зарываться в мягкую сырую землю и, сжимая в кулаке нагрудный крестик, истово, отчаянно молиться, чтоб случилось чудо, чтоб уцелеть.

Многие из его товарищей остались лежать на том поле, продолжая держать в руке бесполезный крестик. Видно, уж больно велики были их грехи, если даже бог от них отвернулся.

Вертолеты прилетели, как и было условлено, на рассвете. Прикрывая уцелевших огнем, сумели подобрать немногих оставшихся в живых и вывезти. Кар и Лоридан оказались в их числе.

Они тогда три дня пили беспробудно — так благодаря всевышнего.

Но Кар еще долго вспоминал те кошмарные

часы, когда, зажмурив глаза, пытался вгрызться в черную землю, ощущая во рту ее влажный вкус, когда, понимая, что окружены, что выхода нет, что ничего не поможет, что податься некуда, он вопреки всякому здравому смыслу надеялся: выход найдется.

И еще он помнил то странное, необычное для него ощущение — ничего не надо делать, просто лежать и ждать, кто-то за него решит — жить ему или умереть. Он привык воевать, бежать, стрелять, схватываться врукопашную и опять бежать, атаковать, ползти, перепрыгивать препятствие или подлезать под него… Что-то делать! И выход находился. Но ждать!

Он выжил! Тогда, на той сырой земле. Но разве он ничего не делал для спасения? Как же не делал? Он ждал! Он лежал неподвижно, не шевелился, притворялся мертвым! И это тоже действие, тоже борьба за жизнь. Господи, сколько их, способов борьбы за жизнь! Всю жизнь человек борется — от первого крика, когда вышел на свет, до последнего смежения век, когда этот свет покидает. Всю жизнь человек воюет, сражается, что-то придумывает, хитрит, преодолевает трудности, извивается между препятствиями или ломает их, падает, встает, набивает шишки себе, другим…

Всю жизнь. Пока жив. Вот так он тогда рассуждал. Вот такое вспомнил теперь.

Ведь он опять со всех сторон обложен, окружен. Конечно, вокруг него не рвутся мины, не свистят пули, но разве положение его от того лучше? Он и тогда мог поднять руки и сдаться в плен. Плен был ужасен, но все же лучше смерти. Самый легкий путь, он мог выбрать и теперь. Делать свою работу, выполнять полученное задание и уцелеть во всей этой запутанной катавасии. Но потом потерять главное — любовь Серэны, уважение его новых друзей, которое, как он понял сейчас, стало таким важным для него, и, наконец, уважение к себе. Или все это сохранить, потеряв удобную, приятную жизнь, а может, и жизнь вообще (Кар хорошо знал, с кем имеет дело), в лучшем случае — свободу.

Так он рассуждал, ворочаясь в постели, не в силах заснуть.

А разве нельзя найти третий выход? Так, чтобы выйти из боя без потерь? Ведь удавалось же на той войне. Почему же не получится на этой? Солдат он, черт возьми, или не солдат! Просто поле сражения другое, другие враги и товарищи, а значит, и оружие, и маневр должны быть другими.

Кар со стыдом признавался себе, что в послед-

нее время потерял бдительность, ту постоянную настороженность, то ощущение опасности, которые столько раз спасали его на войне. Он, видите ли, решил, что если вернулся к мирной жизни, имеет квартиру, хорошую работу, любящую его девушку, то все в порядке, бояться нечего, живи и наслаждайся жизнью. Черта с два! Он забыл, что в мире, где он жил, война не кончается, а просто меняет формы.

Да, белый город, синее море, голубое небо, золотое солнце. Но джунгли и здесь, только их не видно…

Короче говоря, хватит распускать нюни! Надо сражаться, надо воевать!

Надо придумать такую акцию, из-за которой «Очищение» не будет скомпрометировано. Он, мол, старался, все так хорошо придумал, а никакой компрометации почему-то не получилось. Надо, чтобы эту акцию никто не заметил. Главное во всем этом деле — уберечь Серэну, себя… Нет, ребят тоже надо уберечь.

Что бы такое придумать? История с этим крейсером его не вдохновляла. Во-первых, там уже дело зашло слишком далеко, и ни помочь, ни помешать он ничему не сможет. Во-вторых, и без него справятся. И очищенцы, и бравые моряки.

Во время очередной встречи Кар предложил вице-директору свой план:

— Господин Бьорн, в «Очищении» узнают, что Управление полиции передало президенту Университета очень секретный документ: список подрывных, по мнению полиции, организаций — клубов, союзов, движений, в том числе, разумеется, «Очищение», — и имена лидеров этих организаций, с тем чтобы им чинили в Университете всевозможные препятствия, главарей заваливали на экзаменах, а если возможно, то и вообще отчисляли.

— Ну-ну, — подбодрил Бьорн. Он был явно заинтересован.

— Узнав об этом списке, очищенцы постараются его добыть, чтобы опубликовать в своей университетской газете. Это, должно быть, не так уж сложно. Пусть список хранится у президента не в сейфе, а в портфеле, в шкафу. Акцию проведет любой активист «Очищения», лучше, если, например, Роберт, Лиоль, в крайнем случае я.

Кар замолчал. Молчал и Бьорн. Он обдумывал услышанное. Наконец спросил:

— Так в чем смысл операции?

— А в том, — самодовольно улыбаясь, закончил свое изложение Кар, — что список окажется

фальшивкой! Печать полицейского управления поддельной — какие-то мелкие детали не сойдутся, а подписавший документ высокий полицейский начальник несуществующим, или давно ушедшим в отставку, или умершим. Легко представить, в каком виде окажется «Очищение» в глазах студентов.

— Неплохо! — усмехнулся Бьорн.

— Есть еще вариант, — продолжал Кар. — Документ лежит в портфеле со сложным замком. Открывать его на месте похититель не будет. Когда он будет вылезать из машины, его схватят, приведут в полицию, он признается, что хотел взять список, вообще, возможно, произнесет целую речь. А когда при свидетелях откроют портфель, там будут деньги. И опять же вместо прогрессивной, как они себя называют, организации, очищенцы окажутся обыкновенной бандой воришек: якобы хотели разоблачить полицию, а в действительности просто воровали деньги. Только тогда похитителя придется упрятать за решетку, и уж я для этой роли не гожусь.

— Интересно, интересно. Да, вас нельзя, да и Лиоля, он нам для другого пригодится. Кстати, вы его не прощупывали?

— Еще нет, господин вице-директор, сначала

хотел узнать ваше мнение о моем плане.

— Второй вариант мне меньше нравится. Грубовато, много мелочей, на которых можно споткнуться. Первый подойдет. Документ сделаем, пусть полиция потрудится, с президентом Университета договоримся, в конце концов, он один из наших клиентов в этом деле. А вот как устроить, чтоб «Очищение» узнало о документе? А? Кар?

— Господин вице-директор, — Кар подмигнул, — уж этим пусть займутся мои товарищи из «Ока». Никогда не поверю, чтоб они не придумали. Моя задача — организовать похищение.

— Да, конечно, — сказал Бьорн, задумчиво глядя на Кара. — Конечно… Когда у меня все будет готово, я сообщу.

В его отношениях с Бьорном что-то неуловимо переменилось. Кар держал себя более уверенно, более независимо. Исчез заискивающий тон. А Бьорн, в свою очередь, видел перед собой не недалекого парня, хотя и отличного профессионала для грязных работ, а человека, способного, оказывается, и шевелить мозгами, даже разработать неплохую операцию. Его определенно стоило перевести в тот отдел, которым Бьорн руководил. Что ж это был за отдел? И почему окутан такой

тайной?

В официальном перечне услуг, которые сыскное агентство «Око» готово оказывать клиентам, числилось сорок два пункта. Здесь были и слежка, и охрана людей и объектов, взыскание долгов со скрывающихся должников, помощь страховым компаниям, некоторые криминологические экспертизы, перевозка денег и ценных грузов, розыск, переговоры с похитителями заложников и многое, многое другое. Был даже пункт, согласно которому агентство открывало двери или сейфы клиентам, потерявшим ключи.

Но был ряд услуг, который мог бы числиться сорок третьим пунктом устава компании. Однако не числился. Не упоминался. Эти услуги оказывали за очень высокую цену и лишь узкому кругу надежных клиентов. Тайна оберегалась тщательнейшим образом, и никто даже из сотрудников «Ока», кроме немногих, работавших в отделе Бьорна, в тайну эту посвящен не был. Да, «Око» принимало участие в срыве забастовок, разгоне пикетчиков, недопущении их на территорию бастующих заводов. С некоторой натяжкой можно было считать, что «Око» не нарушало закон, наоборот — охраняло его. В конце концов оно берегло частное владение. И хотя левые газеты

не раз обрушивались на агентство, обвиняя его в политическом терроре, судебному преследованию «Око» не подлежало.

А вот деятельность возглавляемого Бьорном отдела даже самый снисходительный судья вряд ли признал бы законной.

Трудно сказать, как определяли функции отдела руководители «Ока» и их клиенты, но на нормальном человеческом языке их бы следовало назвать политическими провокациями.

Если нужно было заслать провокаторов, доносчиков, предателей в коммунистические и другие левые организации, в профсоюзы, в студенческие, молодежные да и иные прогрессивные движения, создавать там всякие инциденты, компрометировать их, добывать сведения, за это тоже бралось «Око». Как правило, в этих случаях клиентами выступали владельцы крупных предприятий, судоходных компаний, строительных фирм, руководители больших учебных заведений, различных реакционных организаций, фашистских союзов. Но порой клиентами становились полицейские управления, секретные отделы различных правительственных учреждений, даже служба безопасности. Это в тех случаях, когда провал мог иметь ужасные последствия

для официальных учреждений и даже малейшего риска они не могли допустить, в крайнем случае рисковало «Око», частное предприятие, а уж что оно не выдаст клиента, можно было не беспокоиться. Да и само «Око» давно разработало многослойную систему прикрытия, используя подставных лиц, мелких частных детективов и разных других малопочтенных людишек, которых путем подкупа, шантажа и угроз держало в руках. А на благосклонность суда и следствия всегда можно было рассчитывать.

Хуже обстояло с прессой. Впрочем, и тут имелись кое-какие рычаги.

У президента Университета и руководителей муниципалитета состоялось несколько малоприятных бесед. Подлинные хозяева города намекнули официальным властям, что так больше продолжаться не может. Пока студенты мутили воду, требуя понизить цены в кафетерии, разрешить организовать в городе две футбольные сборные, а не одну, даже когда они воевали за какого-то уволенного профессора-вольнодумца — все это еще можно было терпеть. Но когда они начали предъявлять политические требования — провести чистку полиции, расследовать факты коррупции в муниципалитете, не допускать

визита крейсера из страны-союзника по блоку с атомным оружием на борту, когда они начали угрожать самому существованию нефтяных предприятий, химических и некоторых военных заводов — это, с точки зрения хозяев города, перешло все границы. Убедившись, что обычные меры не помогают, они обратились к агентству «Око». Посовещавшись, решили первый удар нанести по «Очищению», наиболее опасному и сильному движению, быстро приобретающему все новых сторонников.

Бьорн, как всегда, тщательно разработал операцию. Выискивая сотрудника агентства, который мог бы стать орудием в этом деле, он натолкнулся на Кара. Идеальная фигура. Солдат, костолом, ограничен, не интересуется политикой, влюблен в активистку «Очищения» (а она в него, что весьма важно) — что еще надо? Подергать ниточки, и марионетка выполнит любые движения.

Чем дальше развертывалась операция, тем больше был ею доволен Бьорн. Кара, оказалось, легко купить похвалами, обещаниями повышения, прибавки. Потом предусмотрительный и осторожный Бьорн закрепил успех, связав Кара кредитом в счет будущей прибавки, подстроенным инцидентом в полиции, новыми

обещаниями.

Да и Кар не обманул его ожиданий, он ловко втерся в «Очищение», после драки с полицией снискал всеобщее уважение, придумал неплохой план провокации, вообще оказался куда шустрей, чем вначале предполагал Бьорн.

Разумеется, Кар был не единственным оком «Ока», как выразился однажды про себя Бьорн, весьма довольный своим нехитрым каламбуром. Поэтому довести до сведения очищенцев, что существует пресловутый документ, оказалось легко.

Но тут возникло неожиданное препятствие, едва не поставившее под угрозу все предприятие.

— Похищать план нельзя, — категорически заявил Эдуард на закрытом совещании немногих руководителей движения, на котором присутствовала Серэна и о котором она рассказала Кару. Серэна доверяла ему теперь абсолютно и не скрывала от него то, что вообще-то не полагалось говорить никому.

— Понимаешь, — негодовала она, — Эдуард считает, что риск слишком велик! Во-первых, говорит, можно попасться, и тогда нашего товарища отдадут под суд — ведь он, по существу, крадет чужое имущество!

— Какое имущество? — с досадой спрашивал Кар, не предвидевший такого поворота событий.

— Как какое, а портфель! Это же чужой портфель!

— О господи! — простонал Кар.

— Во-вторых, — продолжала Серэна, — незаконное проникновение в чужое помещение, в-третьих, взлом — там, он говорит, наверняка придется вскрывать замки многих дверей. За все это грозит тюрьма. И потом… — Она помолчала. — И потом, он подозревает, что это вообще провокация.

— Провокация? — вскричал Кар. — У него есть какие-нибудь данные?

— Данных нет, он сам честно признался, есть интуиция…

— Ах, интуиция, — с облегчением повторил Кар, — пусть не боится. Если у него кишка тонка, я сам смотаюсь за этим портфелем. Тогда на войне и не такое делал. Ты думаешь, снять часового легче? Только там в случае неудачи грозила смерть, а не какие-то два-три месяца тюрьмы.

— Ты бы пошел на это? — Серэна смотрела на него с восторгом. Потом вдруг тихо и очень серьезно сказала: — Кар, я должна тебе выдать одну тайну.

— Какую? — испуганно спросил он.

— Я тебя очень люблю… — еще тише прошептала она.

— А разве это тайна? Я-то думал, что все об этом давно знают! — Кар изобразил удивление.

— Ну, знаешь! — вскричала Серэна. — Твоей самоуверенности нет границ. Представь, нет, не все. И я еще подумаю и, пожалуй, пересмотрю…

Но он закрыл ей рот поцелуем.

Однако жертвовать собой Кару не пришлось, в «Очищении» нашлось немало отчаянных ребят, готовых на все во имя святого дела. После коротких дебатов вопрос был решен: изъять список ценой любого риска, опубликовать, провести вокруг этого факта широкую дискуссию, подать протесты, выйти на демонстрации. Чтоб неповадно было преследовать любое прогрессивное движение и его вожаков.

Эдуард стоял на своем. Убедил его аргумент, выдвинутый Серэной: да, тому, кто похитит документ, грозят неприятности, но, если все так и оставить, неприятности грозят многим их товарищам, лидерам «Очищения» и не только «Очищения». Эдуард сдался.

Итак, фальшивка, изготовленная полицейскими специалистами, покоилась в тщательно

запертом на ключ портфеле, портфель спрятан в один из ящиков большого шкафа в кабинете президента Университета, достаточно далеко и в то же время так, чтоб даже самый неопытный похититель мог его обнаружить. Похититель, ловкий, смелый и сообразительный студент второго курса лингвистического факультета, готов. Дата — ночь на воскресенье, когда сторожа Университета обычно теряли бдительность и или спали, или смотрели ночную программу телевидения, — была определена.

Вот теперь Кару оставалось провести вторую часть своего плана, неизвестную не только очищенцам, но и вице-директору Бьорну.

Эта часть была куда сложней, чем первая, и натолкнул Кара на его идею, как ни странно, Эдуард.

Однажды он пригласил Кара к себе домой — эдакая холостяцкая обитель, арендуемая им в пригороде. Они сидели и разговаривали на разные умные темы. Кар любил слушать Эдуарда, он немалому научился во время таких бесед.

Неожиданно зазвонил телефон. Эдуард не спеша подошел к аппарату, нажал кнопку на каком-то небольшом ящике, стоявшем рядом, и снял трубку. Поговорил, снова нажал кнопку и

вернулся к дивану.

— Что за штука? — полюбопытствовал Кар, указывая на ящик.

— Магнитофон — приставка к телефону, — пояснил Эдуард, — Перед тем как снять трубку, нажимаю клавишу, и весь разговор записан.

— Зачем? — удивился Кар.

Эдуард усмехнулся:

— Видишь ли, когда участвуешь в мало-мальски прогрессивном общественном движении, никогда не знаешь, на какие подлости и провокации пойдет правительство и его секретные службы, чтоб на чем-нибудь поймать тебя и вывести из игры. Так что я принимаю кое-какие меры предосторожности. И в переписке, и в некоторых частных разговорах, и в телефонных переговорах. Они наверняка меня прослушивают, но и я все телефонные разговоры, которые веду, записываю. Мало ли что! Знаешь, сколько раз мне угрожали по телефону или, наоборот, делали всякие предложения? Ого-го! У меня все голоса записаны. Все их слова. Так-то!

И когда Кар продумывал свой план, он вспомнил этот разговор.

Накануне дня, выбранного для совершения акции «Портфель», как окрестили для пущей

конспирации очищенцы свой замысел, поздно ночью в квартире Эдуарда раздался телефонный звонок.

Заспанный Эдуард, нащупывая очки, вскочил с постели и бросился к аппарату, едва не забыв нажать кнопку записывающего устройства. Но за долгие месяцы движение это стало автоматическим, так что катушки магнитофона бесшумно закрутились, как только он снял трубку.

— Извините, что разбудил, — услышал он глухой, явно измененный голос. — Слушайте меня внимательно и не перебивайте. Ваш телефон не прослушивается. Я служу в полиции, но у меня есть причины ее не любить. Так вот, вы завтра ночью готовите одно дело. Имейте в виду, это провокация, документ фальшивый, в нем подделана печать, а лица́, подписавшего его, давно нет в живых. Если вы опубликуете его, попадете в некрасивую историю. Теперь, чтоб вы убедились, что я действительно из полиции: во-первых, вы видите, что я обо всем осведомлен; во-вторых, запишите, кто сегодня ночной дежурный, его личный номер, адрес, у него на левой щеке бородавка; в-третьих, запишите номер, по которому звонят в полицию тайные осведомители. Записали? Его никто, кроме нас, не знает. Позвоните

сейчас же, там подходят круглосуточно. Вы скажете «баркас», это пароль. Вам ответят «бросай якорь» и включат магнитофон. Вы сможете опубликовать номер, начнется скандал, и телефонной станции придется номер подтвердить. Все.

Неизвестный повесил трубку.

Эдуард дрожащей от волнения рукой набрал указанный номер.

— Баркас, — произнес он срывающимся голосом, когда на другом конце линии сняли трубку.

— Бросай якорь, — произнес сонный голос.

— Алло, алло! — Эдуард изобразил крайнее волнение (для чего ему не пришлось прилагать особых усилий). — Полиция? Это полиция? Я баркас.

— Да полиция, полиция, — проворчал голос, — чего орешь, бросай якорь…

Но Эдуард бросил трубку.

Он вытер пот со лба. Вот это да! Невероятно. Надо немедленно собрать ребят!

Однако он сдержал себя. Сначала он дважды прослушал обе записи. Потом отрезал их и, засунув в целлофановый пакет, спрятал в отделение для овощей в холодильнике. Тайник не очень оригинальный, но, в конце концов, Эдуард шпионских школ не кончал.

«А не провокация ли этот звонок? — размышлял он. — Но зачем срывать нашу акцию? Ну предупредили, ну не похитим список, ну и что? Зачем было полиции огород городить? Списка мы не заимеем, правильно, но что от этого изменится? Ничего».

Идея подкинуть очищенцам сведения о списке, а потом им же сообщить, что список фальшивый, показалась Эдуарду нелепой. До этого не додумается даже самый кретинистый полицейский начальник. Быть может, полицейские сводят счеты между собой? Или это какие-то шутники. Какие? Ведь звонивший знал о готовящейся акции, о содержимом портфеля, знал номер телефона Эдуарда и его роль в этом деле. Может, есть предатель? Но тогда предатель сообщил бы прежде всего в полицию, и их бы застали на месте преступления. Наконец, кто, кроме полицейского, мог знать интимные детали про дежурного, номер секретного телефона, пароль, да и непроспавшийся тип, снявший трубку, подтвердил, что это полиция.

В ту ночь Эдуард не заснул, голова разламывалась от вопросов. Нет, один он не в состоянии что-либо решить.

Утром он созвал своих товарищей, дал им про-

слушать пленки, снял с пленок копии и раздал каждому по экземпляру. Затем изложил все свои соображения.

Обсуждали создавшееся положение долго. В конце концов решили акцию «Портфель» отменить, записи анонимного звонка и звонка Эдуарда по секретному номеру опубликовать в своей газете, если удастся — и в других, а кроме того, послать пленки на разные городские радиостанции, авось какая-нибудь передаст: для журналистов главное — сенсация.

Так и поступили.

Скандал разразился грандиозный, они сами не ожидали такого.

В понедельник утром, когда все письма и пленки были отосланы, Кар позвонил Бьорну и попросил о немедленной встрече.

— Господин вице-директор, — заговорил он возмущенно, даже не поздоровавшись, едва войдя в их «дом свиданий», как он мысленно называл служебную виллу, — что ж получается! Мы работаем за этих бездельников из полиции, рискуем. И они же нас подставляют! Так нельзя!

— В чем дело, Кар? Объяснитесь!

И Кар рассказал потрясенному вице-директору обо всем, не забыв сообщить, что пытался

звонить ему в воскресенье, предупредить, но телефон молчал.

— Я, знаете ли, по воскресеньям иногда не бываю на службе, — пробормотал Бьорн со злостью. — Вот мерзавцы! Ни на кого нельзя положиться. «У нас люди — могилы!» Этот болван, начальник управления, меня заверял. Лучше б он сам отправился в могилу. Такую операцию сорвать, идиоты! А главное, теперь ясно, что у них, да, да, у них, в главном полицейском управлении, эти очищенцы имеют своих людей! Вы понимаете, что это значит? А? Кар? Их всех надо перетряхнуть, провести строжайшее расследование.

Кар никогда не видел вице директора, обычно столь сдержанного и хладнокровного, в такой ярости. Ярости и растерянности.

За себя Кар не боялся. Голос свой он изменил совершенно. Сообщенные им Эдуарду сведения знали многие сотрудники «Ока», уж не говоря о самих полицейских: и приметы ночного дежурного, и номер «секретного» телефона, который помнил каждый из десятков тайных осведомителей, и дурацкий пароль. Известно ему было и то, что телефон Эдуарда не прослушивается. Ну о чем сверхосторожный Эдуард будет болтать? А вот то, что дежуривший в ту ночь у телефона

полицейский разоспится до такой степени, что спросонья признается в том, кто он, — это неслыханная удача для очищенцев!

Уж они ею воспользуются, можно не сомневаться.

Именно эти слова произнес в конце разговора Бьорн.

— Что ж теперь делать? — изображая растерянность, спросил Кар. — Как же их прищемить?

— Что делать? — проворчал Бьорн. — Теперь надо думать не о том, как их прищемить, а о том, как самим выкручиваться. Впрочем, — подумав, философски заметил он, — шишки-то не на нас посыпятся, а на полицию. Пусть и выкручиваются, мы свой контракт выполнили. И если все сорвалось, то по их вине.

Между тем радио и газеты взялись за дело.

Ох уж эти корреспонденты! Стоило им унюхать сенсацию, и они становились въедливыми и пронырливыми, куда там любому агенту!

Запись телефонного разговора Эдуарда с неизвестным и с полицией передали все радиостанции и напечатали все газеты, последовали бесчисленные комментарии. Газетчики тоже но очень любили полицию, и ей досталось по первое число Заодно попало и руководству Университе-

та. Были напечатаны интервью с пытавшимся оправдаться начальником управления городской полиции и, конечно, с Эдуардом.

Эдуард воспользовался случаем и вовсю пропагандировал деятельность «Очищения».

Печатались и другие материалы. «Очищение» обвиняли в провокациях, в антиобщественной деятельности или, наоборот, в том, что оно лишь мутит воду и ничего реально не предпринимает…

В полиции кого-то наказали, перевели с понижением, отправили регулировать уличное движение (ужасная кара!).

Постепенно скандал начал утихать.

И тут же возник новый, куда похлеще.

Очищенцы особенно болезненно восприняли упрек в неэффективности их движения. Требовалось убедительное доказательство обратного. Оставалось два дня до прихода крейсера, когда Серэна вдруг сказала Кару:

— Скоро мы нанесем им второй удар.

— Какой? — встревожился, хотя и не подал вида, Кар.

— Мы таки не пустим в порт этот крейсер. Нельзя допустить, чтоб он приблизился к городу.

— Ну чем он так уж страшен?

— Да ты понимаешь, что такое атомное оружие? Этот танкер — вообще пустяк по сравнению с крейсером. Сколько уже было случаев, всяких там аварий с самолетами, подводными лодками. Если что-нибудь, не дай бог, случится с этим крейсером, это уже не пляж уничтожит, а весь город, все побережье! Все будет отравлено навсегда!

— Почему с ним должно что-нибудь случиться? Именно с ним и именно здесь?

— Дело не в этом. Дело в том, что вообще корабли с атомным оружием на борту не должны заходить ни в какие гражданские порты. И если мы сумеем этого не допустить, то и в других местах последуют нашему примеру. Вот это главное!

— Главное, чтоб этого оружия вообще не было, — рассудительно заметил Кар, — воевали же мы с автоматами, минометами, пулеметами, и все было тихо, спокойно, — не очень убедительно добавил он.

— Ты хоть думаешь, что говоришь? — Серэна с упреком посмотрела на него.

— И что ж вы собираетесь делать? Я могу помочь?

— Нет, там готовится другая группа, — уклончиво ответила Серэна. — Там нужны первоклассные

пловцы.

— Пловцы? — удивился Кар. — Они что, собираются атаковать крейсер вплавь? — Он рассмеялся. — Ты ведь тоже первоклассный пловец, никогда не забуду, что ты спасла мне жизнь.

Кар обнял ее, прижал к себе.

Политические разговоры уступили место совсем другим…

На настойчивые вопросы Бьорна, который испытывал легкое чувство вины перед Каром за провал столь блестяще задуманной им операции, тот вынужден был отвечать, что ничего не знает.

— Но у нас есть сведения — готовится какая-то акция в связи с прибытием военного корабля. Неужели вы ни о чем не слышали? — настаивал вице-директор.

— Кое-что слышал, но ничего конкретного, — говорил Кар. — Думаю, что этим занимается какая-то другая группа, не мои сокурсники.

Он понимал, что Серэна все знает, но почему-то не хочет ему говорить, и это уязвляло и беспокоило его. Что за тайны от него? Может быть, ему перестали доверять? Да нет, в остальном все оставалось по-прежнему.

К приходу крейсера готовились не только очи-

щенцы, готовился, кажется, весь город. Полиция заранее оцепила порт и прилегающие улицы, выставила заграждения. Портовые власти приготовили цветы и оркестр. Туристы и свободные от дел горожане заняли на набережной удобные наблюдательные посты. Катера береговой охраны бороздили акваторию порта.

Такого не было с тех самых пор, когда несколько лет назад город посетила британская королевская чета.

И вот наступил день… Какой? Торжественный? Решающий? Роковой?

Вдали показался крейсер. Даже одинокий среди безбрежных вод, он казался грозным и зловещим. Над длинным серым корпусом вздымались сложные переплетения надстроек, застыли расчехленные орудия и ракетные установки, застыл белый строй экипажа. Над крейсером вились два ярко-красных вертолета с надписью «Телевидение» на бортах.

Сторожевые катера метались вокруг медленно приближающегося корабля.

Но не только они. Десятки яхт, моторок, лодок, заполненные множеством любопытных, слетались к крейсеру, кто-то махал флагом, кто-то букетом, все фотографировали, кричали, слышна

была музыка, выкрики через мегафоны.

Но внимательный наблюдатель заметил бы, что во всем этом кружении не все идет гладко. Некоторые яхты и моторки извилистыми маршрутами приближались к кораблю, стремясь занять позицию между ним и берегом. В свою очередь сторожевые и полицейские катера старались преградить им дорогу, отогнать подальше. И нарушая эту сложную игру, взад-вперед болтались другие яхты и лодки, не подозревая о том, что творится у них на глазах. Наконец даже самым наивным зрителям все стало ясно: цепочка яхт встала частоколом перед кораблем. На мачтах взвились флаги с эмблемами «Очищения», раздались усиленные мегафонами лозунги, выкрики, песни…

Полицейские тоже активизировались, крупные катера проносились возле самых яхт, стремясь опрокинуть их волной. Команда крейсера устремила на очищенцев мощные брандспойты.

Теперь вся бухта буквально кипела. С ревом носились катера, моторки, брандспойты пенили воду, одни яхты и лодки оцепляли нос крейсера, другие в панике метались по бухте, чтобы куда-нибудь умчаться, но всюду натыкались на препятствия. Могучий военный корабль замед-

лил движение. Он был похож на Гулливера в стране лилипутов. На берегу тоже стоял шум и гам. Демонстранты размахивали полотнищами, кричали в мегафоны, полицейские радиоустановки орали во весь голос, в толпе затесавшихся в это сражение бедных туристов в ужасе вопили женщины, в гневе — мужчины.

Словом, прибывшие на место бригады телевизионщиков, фото- и кинорепортеров, газетных корреспондентов были в восторге. Вот это материал!

Внезапно с некоторых моторок и яхт, на которых находились очищенцы, в воду бросились молодые ребята и девушки, одетые в костюмы для подводного плавания, с желтыми кислородными баллонами на спине, с какими-то аппаратами или ящиками, плохо различимыми с берега.

Они исчезли под водой, быстро направляясь к кораблю. Прорвалось к самому его корпусу и несколько лодок.

Матросы перенесли «огонь» своих водометов на атакующих, но они лишь порой ныряли и не все возникали на поверхности.

Накал битвы усилился.

Все это длилось около двух часов. Наконец полицейским катерам удалось отогнать флот

очищенцев. Многих подводных пловцов и студентов, что были на яхтах, арестовали, остальные сумели ускользнуть. Крейсер медленно продолжил свой путь и наконец причалил в дальней части порта, охраняемой густой цепью военных моряков.

Кар в эти часы был на набережной. Не застав Серэну дома, он носился по прибрежным улицам, по шоссе, по причалам и портовым закоулкам, всюду разыскивая ее. Прихватив свой старый полевой бинокль, он рассматривал яхты и лодки очищенцев, надеясь обнаружить Серэну там.

Но ее нигде не было.

Все вечерние газеты, телепередачи и радиосообщения выли заполнены отчетами о событиях. Журналисты постарались, и если верить им, Трафальгарское сражение было лишь легкой перепалкой по сравнению с тем, что произошло в порту города.

Разумеется, все газетные и телекомментаторы подавали репортажи в соответствии со своей политической окраской. Но главенствовала все же сенсация, поэтому печатались и показывались интервью не только с представителями городских властей, полиции, управления порта, но и с вожаками различных общественных организа-

ций, в основном студенческих, в первую очередь, конечно, «Очищения».

Сообщались и списки арестованных. Большинство полиция вскоре выпустила, по делам других шло следствие. Вот в списке последних Кар и обнаружил имя Серэны.

Это было скверно. Но, вчитавшись в репортажи, он понял, что все обстоит намного хуже.

Очищенцы сделали сверхсенсационное заявление: на крейсере имеется ядерное оружие!

Они даже точно указали его количество.

Командир корабля выступил с довольно туманным опровержением. На что очищенцы ответили сообщением, что команда студентов, подплывших к кораблю под водой или в лодках, сумевших приблизиться к корпусу вплотную, была снабжена специальными приборами, с помощью которых обнаружили атомное оружие. Этим занимались студенты и молодые преподаватели физического и химического факультетов. По телевидению они продемонстрировали неопровержимые доказательства перед приглашенными в студию экспертами. Капитан вынужден был давать путаные объяснения, говорить о том, что его не так поняли, ссылаться на военную тайну…

Вот тогда, кем-то инспирированное (Кар отлич-

но понимал кем), возникло новое толкование событий — студенты, осуществлявшие замер ядерного излучения, руководствовались вовсе не своими пацифистскими убеждениями, как они пытались представить дело, а делали это в интересах одной иностранной державы.

Больше всех кричали военизированные, полувоенные, фашистские организации, различные экстремистские клубы, представители армии, полиции, спецслужб.

Так вот, среди той немногочисленной группы, в адрес которой раздавались эти обвинения, была и Серэна! Это становилось серьезным. Чтоб отвлечь общественное мнение и направить его гнев на «внешнего врага», судьи, если дело дойдет до суда, могли поступить весьма сурово. «Очищение» настойчиво стремились превратить в антигосударственную, антипатриотическую организацию.

Все-таки провокацию, замышленную против «Очищения», удалось осуществить.

Кар не знал, что делать. Он понимал, что в нынешних обстоятельствах бессмысленно обращаться к Бьорну. Эдуард, Роберт, Ингрид и другие сами были в растерянности. Очищенцы устраивали, конечно, демонстрации протеста, требовали

освободить своих товарищей (в конечном итоге их осталось под следствием пятеро), но толку от этого было мало.

И вдруг, когда Кар сидел дома и, ничего не видя, смотрел на экран телевизора, раздался телефонный звонок. Он вяло протянул руку, снял трубку.

— Это я, Альберт, — услышал он тихий, почти неузнаваемый голос Серэны, — приезжай…

Кар не стал перезванивать. Он с такой скоростью вскочил, слетел с лестницы и забрался в машину, что ему мог бы позавидовать самый тренированный пожарный, а гнал эту машину с такой скоростью, с какой не решился бы и опытный гонщик.

Дверь была не заперта, Серэна ждала его на пороге, и они застыли в долгом молчаливом объятии.

Потом сели на диван, и она стала рассказывать.

Как не хотела говорить ему ничего, боясь, что он не пустит ее; как сумела подплыть к крейсеру с аппаратурой; как ее схватили и втащили на полицейский катер; как допрашивали сначала полицейские, потом какие-то офицеры, потом такие же офицеры в штатском — пугали, грозили, требовали, чтоб она призналась, для кого

«Очищение» стремилось выведать секретную информацию, кто именно, и если не она, то кто из ее товарищей, обещали выпустить ее, если она укажет…

И вдруг выпустили!

Отдавая ей ее вещи и документы, офицер в штатском сказал странную фразу:

— Ну что ж, девочка, не захотела нам помочь, пеняй на себя. Думаю, ты скоро пожалеешь, что не в тюрьме, — и усмехнулся.

— Черт с ним, пусть болтает, — Серэна сделала пренебрежительный жест рукой.

Она ничего не поняла, но была так счастлива оказаться на свободе, что сломя голову помчалась домой и сразу позвонила ему. Теперь они вместе, ей ничего не страшно. И вообще, она очень любит его… Серэна целовала его, смеялась, всплакнула, снова смеялась.

Но Кар не улыбался. Он был слишком опытен, чтобы пренебречь непонятной фразой офицера.

«Э нет, он не болтал. Здесь явно готовилась какая-то провокация и скорей всего против Серэны. Но что именно? Что?»

— …Ты меня совсем не слушаешь. Так вот, когда я подплыла…

Он действительно не слушал, беспокойство все

больше охватывало его.

В ту ночь Серэна умиротворенно посапывала на его груди, а он все никак не мог заснуть, прокручивал в голове самые невероятные варианты. «Что ж они такое задумали?»

Что они задумали, стало ясно из утренних «последних известий». «Как стало известно, — бесстрастно сообщил диктор, — следствие по делу антигосударственных действий группы членов движения «Очищение» наконец продвинулось вперед. Это удалось сделать благодаря чистосердечным признаниям одной из задержанных, которая в связи с этим была вчера вечером выпущена на свободу. Из ее показаний можно заключить, что «Очищение» отнюдь не аполитичная организация, а опасное сообщество, имеющее целью…»

Серэна вышла из ванной, и Кар поспешил выключить приемник.

Она весело хлопотала, варила кофе, накрывала завтрак, а он сидел неподвижно, ничего не замечая кругом. Растерянность покинула его. Теперь надо было действовать. Действовать быстро и безошибочно.

— Серэна, — сказал он, вставая, — слушай меня внимательно. Эти мерзавцы из секретной

службы, эти офицеры в штатском, хотят на тебе отыграться, они распустили слух, что ты дала показания, обвинила своих товарищей по «Очищению» во всех грехах, и поэтому тебя, и только тебя, отпустили. Это, разумеется, ложь, но кто-то может ей поверить. Я сейчас поеду к Эдуарду, мы посоветуемся. Прошу тебя об одном — никому не открывай двери, выключи телефон. И жди меня. Обещаешь?

Он ждал истерик, рыданий, криков.

Но к великому его удивлению, Серэна была совершенно спокойна. Она только посмотрела на него тоскливым затравленным взглядом и сказала:

— Обещаю, Ал. Постарайся недолго…

Он спустился по лестнице, обернулся на окно, за занавесками угадывая ее силуэт, и поехал к Эдуарду.

Эдуард заговорил первым:

— Я хочу, чтоб ты знал, Кар, что никто ни на одну минуту в Серэне не сомневался и не сомневается. Мне уже все позвонили. И дело не в нас. Важно, чтобы другие очищенцы, но от нашей группы подальше, не вздумали этому поверить, чтоб она не почувствовала себя без вины виноватой. И вот тут тебя никто не может заменить.

Ты, Кар, будь с ней в это время. Хватит играть в прятки, мы же понимаем, что ты и Серэна…

— Я-то буду, но что дальше? Надо протестовать, опровергнуть!

— Да нет, Кар, это бесполезно. Конечно, мы опубликуем протест. Но для кого? Те, кто не верит в эту клевету, в нашем протесте не нуждаются, а тех, кто поверил, наш протест не переубедит. Надо пройти через это и продолжать борьбу. А в ребятах ты не сомневайся. Они Серэну в обиду не дадут.

Кар уехал от него немного успокоенный.

Но как выяснилось, успокаиваться было рано. Газеты начали систематическую травлю Серэны Рендо. К ним присоединились многие, в том числе и многие члены «Очищения». Особенно бесновались товарищи арестованных, студенты физического факультета. Очищенцы-экстремисты, которых тоже хватало в движении, требовали расправы над предательницей.

Кар пытался уговорить Серэну куда-нибудь ненадолго уехать. Но она категорически отказалась.

— От себя, Ал, никуда не уедешь, — сказала она печально.

Серэна не приходила в отчаяние, не возмуща-

лась, не суетилась. Она оставалась спокойной, равнодушной ко всему, безразличной. И именно это пугало Кара. Он старался проводить с ней все свободное время. Но занятия продолжались. Никто Серэну из Университета не увольнял. Наоборот, начальство всячески демонстрировало к ней свое расположение.

Члены «Очищения», поверившие в ее виновность, попытались было устроить на ее занятиях скандал, грозить ей, но, встретив отпор ее товарищей, прекратили эти попытки. Однако продолжали травить ее на собраниях и в прессе. В «Очищении» наметился раскол.

Бьорн позвонил неожиданно. Или так показалось Кару, как-то забывшему о нем в эти дни.

Вице-директор разговаривал с Каром сочувственно, словно у того болел близкий родственник.

— Я понимаю ваши чувства, Кар, но надо держаться. Все это пройдет, все наладится.

Вице-директор тщательно избегал высказывать свое собственное мнение о создавшемся положении. Будто это его вообще не касалось. Такая вот игра — он делал вид, что ко всей этой войне, провокациям, истории с Серэной не имеет никакого отношения. А Кар делал вид, что верит

в это.

Видимо, Бьорн не терял надежду использовать Кара, несмотря на то, что произошло с его невестой. Он всячески старался показать, что «Око» тут ни при чем.

Кар и Серэна как-то незаметно для себя перестали ездить на свои уик-энды. Они теперь больше проводили время у нее.

Кар подумывал, не рассказать ли Серэне об их доме, не ускорить ли свадьбу. Чего ждать, в конце концов? Ему казалось, что, пожени они, и он сможет взять на себя часть непосильной ноши, свалившейся на плечи Серэны.

А что ноша эта была непосильной, он видел. Серэна почти перестала улыбаться, стала молчаливой, казалось, она все время прислушивается к чему-то, что происходит в ней. Она добросовестно вела занятия в Университете, но отказалась от частных уроков. Избегала встреч с друзьями. Теперь для нее существовал только Кар. Но когда он попытался заговорить с ней о свадьбе, она решительно прекратила разговор.

— Не надо, Ал, пожалуйста. Я вылечусь. Подожди. Я вылечусь и сама тебе скажу. Хорошо?

Что он мог ответить?

Время шло, следствие по делу «шпионов» затя-

гивалось. Возникали новые сенсации, и газеты о нем уже не писали. «Очищение» с трудом приходило в себя после нанесенного ему удара. Раскол ощущался, это мешало совместным акциям. К тому же происшедшие события укрепили позиции экстремистов.

Изредка Кар виделся с Лориданом. Тот был все так же весел, рассказывал о жизни «Ока», уговаривал Кара плюнуть на этот никому не нужный Университет и вернуться в агентство. Вот он никаких дипломов не имеет, а недавно получил прибавку!

Что касается Элизабет, то в редкие минуты, когда им удавалось побыть наедине, она старалась, как могла, утешить Кара.

Крейсер давно ушел, оставив в солнечном городе ядовитый след, куда ядовитей, чем могли это сделать ядерные боеприпасы…

И вдруг «дело о шпионаже», как называли его газеты, неожиданно снова заставило о себе говорить. Один из арестованных сообщил адвокату какие-то новые сведения. Адвокат, в свою очередь, намекнул репортерам, что на суде он выступит с сенсационным заявлением, и кое-кому из руководителей Университета придется плохо. Президент заволновался, следователи стали ак-

тивней. И однажды Серэну вызвали в полицию.

Кар ждал ее перед входом в управление.

Серэна, к его немалому удивлению, пробыла там всего час.

— Ну, что они спрашивали? Тебя не трогали? Чего они хотели? — Кар обрушился на нее с градом вопросов.

— Не знаю, — Серэна пожала плечами, вид у нее был растерянный. — Задавали какие-то дурацкие вопросы, намекали, что в «Очищении» есть люди, которые не спускают с меня глаз, что я ошибаюсь, если думаю, что все, кто меня окружают, действительно мои друзья.

Кар похолодел.

— Они называли какие-нибудь имена?

— Да нет, усмехались, говорили, что я наивная девочка, что мне не студентов учить, а в детском саду работать, что мною, как они сказали, «манипулируют». Что я, мол, этих арестованных жалею, а они меня нет. И вообще, если б я знала, кого защищаю, то пришла бы в ужас. Мол, все наше движение прогнило, там сплошные враги и экстремисты, но у них в «Очищении» свои глаза и уши. И вот эти экстремисты выходят сухими из воды, а таких, как я, которые всем верят, подставляют. И неужели я не хочу разоблачить врагов…

Ну и прочее.

— Так что ж они все-таки хотели?

— Не знаю, Ал, я не поняла. Они сказали, что еще вызовут.

«Что бы это значило? — размышлял Кар. — С чего бы подобные намеки? Обычно полиция и секретные службы тщательно скрывают, что имеют своих осведомителей в различных прогрессивных организациях. А тут все наоборот. Но там сидят не дураки, люди опытные, хорошие психологи. Что они задумали?»

Кар несколько раз встречался с Эдуардом, которого более подробно посвятил в их с Серэной «тайну», и советовался, как быть. Серэна, ее настроение, какое-то растущее безразличие ко всему беспокоили его.

— Думаю, это реакция на пережитое, — успокаивал его Эдуард, — она привыкла к совсем другому отношению. Такие люди, как Серэна, очень впечатлительны. Когда они сталкиваются с подлостью, предательством, они теряются, не сразу приходят в себя. Все это пройдет. Хорошо, что в это время ты рядом с ней.

Ингрид переживала шумно и воинственно.

— Я думаю, надо устроить что-нибудь необычное, — говорила она, сверкая глазами, — мы

можем, например, похитить полицейского и держать его заложником, пока они не заявят, что Серэна ни в чем не виновата!

Кар даже не улыбался, слушая подобные речи.

Очень суетился Лиоль. Он без конца приставал к Серэне с расспросами, возмущался произволом полиции. Говорил, что все это по вине проникших в «Очищение» «безответственных элементов» (это выражение ему очень нравилось, и он без конца повторял его). Он предлагал, чтобы их группа и вообще все здравомыслящие вроде них вышли из «Очищения», организовали свое движение, пусть пока что они будут слабей, зато потом все поймут, кто прав, и присоединятся к ним. Он спрашивал Кара, не предпринять ли какую-нибудь решительную акцию?

Короче говоря, Кар не мог не признать, что полиции удалось нанести университетскому прогрессивному движению жестокий удар. И прекрасно понимал, какую роль в этом сыграло «Око».

Серэну вызывали еще несколько раз. Она продолжала не понимать, чего от нее хотят. Но Кар, который попросил ее запоминать и подробно рассказывать ему все, о чем шла речь на допросах, обдумывал и анализировал услышанное.

Постепенно он начал понимать схему допросов, их стратегическую линию, цель, с которой обрабатывали Серэну.

Раз не удалось убедить ее товарищей в ее предательстве, значит, надо убедить Серэну в предательстве товарищей. Кругом, мол, враги, изменники, и все движение — дело рук провокаторов. Святое дело губят враги. Вот их-то и надо ради этого святого дела разоблачать, выявлять. Уж теперь-то она не должна молчать, должна помочь полиции.

Такова схема.

И они будут долбить в одну точку долго, упорно, все упорней. Полиция, как бульдог, если уж вцепится, не отпустит.

Но почему столько времени Серэну не трогали? Ну мало ли почему — думали обойтись без ее помощи, наблюдали за ней, давали созреть, то есть попросту все глубже окунаться в свое отчаяние. А может, обдумывали, решали, что делать дальше.

Какой же одинокой она должна себя чувствовать. У Кара порой комок подкатывал к горлу, когда, исподтишка наблюдая за ней, он видел ее пустой, тоскливый взгляд, устремленный в пространство. Она теперь частенько сидела так, у окна, с книгой в руках, с книгой, давно открытой

все на той же странице…

Но иногда Серэна отчаянным усилием воли брала себя в руки. Она тщательно готовилась к занятиям, подходила к телефону. Эдуард регулярно звонил ей раз в два дня, и это придавало ей бодрости. Однажды воскресным днем она сказала Кару:

— Мы давно никуда не ездили. Давай поедем туда, в наш ресторанчик. Ладно?

Кар обрадовался. Помчался в гараж, вымыл машину, наполнил бак.

Они долго и не спеша ехали по приморскому шоссе. Еще отдаленно, но чувствовалось приближение осени — то ли море потускнело, то ли солнце не так слепило, то ли свежей стал ветерок.

Добрались до того пляжа, до того маленького ресторанчика-отеля, где впервые их счастье стало полным. Сейчас, кроме них, в ресторанчике никого не было. Они все же выкупались, хотя многие горожане уже перестали купаться, полежали на теплом, уже не горячем песке, молча, закрыв глаза, держа друг друга за руки.

А теперь вот сидели за своим скромным, но таким вкусным обедом, бросали чайкам кусочки хлеба. Чайки вились, кружились над песком (и

как они только не сталкивались!), коротко вскрикивали. Было в их криках что-то тревожное, а в снежной белизне — далекое и недостижимое.

— Ты знаешь, Ал, — говорила Серэна, не отрывая взгляда от посеревшего моря, — мне иногда так хочется уплыть туда, далеко-далеко за горизонт. Плыть, плыть, пока хватит сил. Ведь не обязательно возвращаться? Правда? В жизни же мы никогда не возвращаемся назад. Почему этого нельзя сделать в море?

Кар испугался. Еще этого не хватает! Подобные мысли надо немедленно выбить у нее из головы.

— О чем ты говоришь, Серэна! Ты неправа — в жизни можно возвращаться назад, если возвращаешься ко временам, когда был особенно счастлив. Посмотри кругом, разве мы не вернулись в свое счастье? Разве я ничего не значу для тебя?

— Да, ты, наверное, прав. — Серэна посмотрела на него каким-то странным, взглядом, прижалась к нему, прошептала: — Особенно когда ты и есть все мое счастье — у меня же больше ничего и никого нет, кроме тебя.

Кар бурно запротестовал. А Университет, спорт, занятия, «Очищение»? Ее товарищи и друзья? А прогулки к морю, природа, за чистоту которой

она борется? Да мало ли прекрасного на свете! Стоит ли падать духом из-за мелких неприятностей, из-за подлых людей, такие всегда были и будут. Все это минует и памяти не оставит. И так далее, и так далее. Он еще никогда не был так красноречив.

Серэна внимательно слушала, а он с тревогой следил за выражением ее лица. Наконец, когда он замолчал, не находя больше слов, она, покачав головой, сказала:

— Наверное, ты прав. Но все равно, имей в виду, что у меня ничего нет теперь, кроме тебя. — Она подняла голову и пристально посмотрела ему прямо в глаза.

Они остались ночевать в том маленьком отеле, как тогда, как в тот незабываемый день…

После этой поездки Кару показалось, что Серэна немного ожила. Они побывали в кино, она смотрела телевизор, который давно не включала, интересовалась газетами. Кар старался рассказывать ей всякие новости, по возможности приятные. Оберегал от всего, что, по его мнению, могло ее огорчить или напугать. Он все раздумывал, не рассказать ли ей об их доме? Не рискуя снова заговорить о свадьбе, он рассчитывал, что упоминание о доме заставит ее саму вернуться

к этой теме.

Кар иногда проходил мимо «своего» будущего владения, смотрел, как растет его дом, он вновь представлял, как они будут здесь жить с Серэной. Уж тут, в их крепости, он сумеет оградить ее от обид и неприятностей! Пусть попробуют сунуться сюда! Он старался не думать о том, что главная угроза их счастью таится не во врагах Серэны, а в ней самой, и с этим внутренним врагом бороться куда трудней.

Но вот Серэну снова вызвали в полицию. Она вернулась мрачной и молчаливой, и все пошло по-прежнему. На этот раз она даже ничего не рассказала Кару.

— Я не помню, Ал, не мучай меня. Все равно все это бесполезно. Ну что мы можем против них сделать?..

Кар произнес целую речь, опровергая это утверждение. Серэна молча кивала, но он видел, что его слова не доходят до нее. Она была далеко. Где? В прошлом, в будущем?

Так бы все и тянулось, но однажды, когда Серэна ушла на занятия, а Кар оставался дома, раздался телефонный звонок. Это был Бьорн.

— Нам необходимо повидаться, Кар. — Он говорил деловым тоном. — Мне надо кое-что сооб-

щить вам. Постарайтесь вечером найти предлог и выбраться ко мне. У вас вечером нет дел?

Кар сказал, что придет.

Он обратил внимание на одну деталь. Раньше Бьорн всегда старался намекнуть, что ему точно известно, что Кар в такое-то время свободен, а Серэна занята — мол, не забывай, нам известен каждый и ее, и твой шаг.

Сейчас этого намека не было. Наоборот, Бьорн поинтересовался, свободен ли Кар. Разумеется, не случайно. Что он хотел этим показать? Что за ним теперь не следят, ему абсолютно доверяют? Или что не следят за ней, лишний раз подчеркнуть, что «Око» ко всем ее делам и бедам никакого отношения не имеет? А может, все это ему кажется? Совсем уж ум за разум заходит! Всюду видятся какие-то таинственные намеки, скрытый смысл.

Так или иначе, когда стемнело, он вновь пришел в укромный домик, в котором давно уже не был. Интересно, пиво и орешки будут? По этим признакам он определял теперь тон предстоящего разговора.

Орешки и напитки стояли на столе — значит, будут о чем-то просить, в чем-то уговаривать, морочить голову.

Кар заранее напрягся, он был настороже.

Глава XI
СЧЕТ

Сначала Бьорн поинтересовался, как у Кара идут дела, на этот раз даже осведомился о самочувствии Серэны, выразил надежду, что оно хорошее и что скоро Кар отпразднует новоселье в собственном доме с молодой женой. Затем он напомнил, что в развале «Очищения», этой одиозной организации, есть и его, Кара, заслуга, вспомнил эпизоды из своей университетской жизни. Кар внимательно слушал, коротко отвечал. Когда же будет главное? Ага, вот оно!

— Видите ли, Кар, — незаметно перешел к новой теме Бьорн, — то, что вы получите университетское образование, — прекрасно, более того — необходимо для вашей будущей работы, но это когда-то еще произойдет, а бывают случаи, когда агентству приходится мобилизовать свои лучшие силы, лучших специалистов активных действий, среди которых вы занимаете у нас ведущее место. Сами понимаете, в жизни каждого человека случается много непредвиденного. Что уж тогда говорить о таком разностороннем организме, как «Око»! Поэтому вы должны быть, как,

впрочем, и все работники агентства, в полной, так сказать, форме, в постоянной боевой готовности. Вы — солдат, и уж вам-то это ясно. Поэтому вы не должны терять свое мастерство. Вы следите за ходом моих рассуждений? А? Кар?

— Очень внимательно, господин вице-директор.

— Прекрасно! Наше оборудование, методы и средства действий постоянно усложняются, совершенствуются. Да и традиционные навыки, приемы каратэ, тэквондо, джиу-джитсу, самбо, аикидо, саватты — все не перечислишь — требуют регулярной тренировки, которую, боюсь, вы забросили в последнее время. В стрельбе тоже надо все время практиковаться, даже такому снайперу, как вы. Вы когда последний раз были в нашем тире? А? Кар?

— Месяца два назад.

— Ну куда это годится! Будь вы хоть цирковым стрелком, но держу пари, что прежних результатов не покажете. А надо! Нельзя терять мастерство, тем более таким суперспециалистам, как вы. Надо все это вспомнить, обновить, вновь закрепить. Между прочим, сотрудники «Ока», независимо от специальности, систематически стажируются в наших школах. Как разведчики,

агенты любых армий, любых спецслужб…

— Как террористы… — вставил неожиданно для самого себя Кар.

Бьорн внимательно посмотрел на него:

— Да, и как террористы. Между прочим, их школы могут дать сто очков вперед любым другим. А что в этом плохого? Цели у них плохие, да. И то не у всех. Но это тема другого разговора. А вот методы действий — дай бог каждому! Поймите, Кар, мы одно из лучших сыскных агентств в мире. Мы не можем снижать эффективность нашей работы из-за каких-то глупых предрассудков или условностей, какими связаны официальные полицейские службы, а порой и некоторые секретные. Мы коммерческое предприятие и обязаны выполнять любые заказы клиентов. Нам, между прочим, жалованье платит не государство, а дирекция, которая деньги для этой цели получает от заказчиков, в зависимости от результатов. Это бездельники-полицейские могут валять дурака — им все равно будут платить. А нам такая роскошь недоступна! Так что мы должны иметь сотрудников лишь высшей квалификации, в любую минуту готовых действовать с максимальной эффективностью. Но я отвлекся. Так вот, Кар, вы поедете на двухнедельные курсы.

Условия учебы вам сейчас это позволяют, если надо, мы с Университетом договоримся.

— Но, господин вице-директор, мне бы не хотелось сейчас оставлять Серэну одну…

— Ничего, Кар. — Голос Бьорна зазвучал непривычно твердо. — Мы учли это обстоятельство и пошли вам навстречу: обычно стажировка в наших школах длится два-три месяца, а вы пробудете всего две недели. В воскресенье сможете съездить домой. Поэтому мы вас отправляем не в другую страну, а поблизости. Но учтите, местонахождение наших школ является служебной тайной, так что не вздумайте сообщать его кому-нибудь, в том числе вашей невесте. Это было бы нарушением восьмого пункта договора, который вы подписали, поступая к нам на работу. Но в конце концов, шесть-семь дней — срок небольшой. Пусть Серэна Рендо привыкает, ведь когда вы вновь будете работать в «Оке», в моем отделе, к тому времени, не сомневаюсь, она станет вашей женой, вам придется расставаться и на более длительный срок, будут командировки, поездки, задания… Так что в понедельник к десяти утра прошу быть здесь. Вас отвезут.

Бьорн произнес последние фразы настолько безапелляционным тоном, что Кару оставалось

лишь проститься.

Конечно, ему очень не хотелось оставлять Серэну, но, в конце концов, шесть дней действительно срок небольшой. Воскресенье они проведут вместе, а потом еще шесть дней — и снова вместе, но уже надолго.

Когда он сказал ей, что должен срочно на неделю съездить к брату, тот очень просил, видимо что-то случилось, Серэна страшно расстроилась.

— А как же я? — совсем по-детски спросила она.

— Не огорчайся, в воскресенье буду дома. Позвони ребятам, повидайся с ними.

— Ну что ж, — вздохнула Серэна, — ведь у тебя никого нет, кроме брата. И меня, — добавила она, помолчав.

Кар позвонил Эдуарду, предупредил его, что ненадолго уезжает, и попросил «присмотреть», как он выразился, за Серэной.

Все это время его мучила одна мысль. Он все искал способ, как поделиться своими подозрениями с Эдуардом, не выдавая себя.

Дело в том, что недели за две до этого он случайно вечером проезжал по той тихой улочке, где находилась служебная вилла, на которой он встречался с Бьорном.

Он уже проехал запущенный сад, когда в зеркало заднего вида заметил, как из сада выскользнула и метнулась в сторону соседней улицы какая-то фигура. Фигура показалась ему знакомой. Не долго думая, на ближайшем перекрестке он свернул, выехал на эту соседнюю улицу, снова свернул. Он рассчитывал, что человек выскочит на улицу, как раз когда он подъедет. Так оно и получилось — замеченный им человек торопливо пересек улицу, залез в машину, машина тронулась и проехала в нескольких метрах от Кара. Хотя улица была тускло освещена, ему показалось, что он узнал того, кто сидел за рулем. Шляпа, надвинутая на низкий лоб, суетливые движения… Неужели Лиоль? Не может быть! Откуда он здесь? Неужели?.. Может быть, Кар ошибся?

Но потом ему вспомнились настойчивые расспросы Бьорна, его слова о том, что Лиоль может пригодиться…

Конечно, вряд ли «Око» взяло бы на работу такого человека, но в платные осведомители почему же нет?

Кар задумался. Какие задания мог выполнять Лиоль? Уж наверняка они были связаны с «Очищением». Но почему Бьорн ничего не сказал об

этом ему, Кару? Или такова система — два агента, работающие по одному заданию, не должны знать друг друга? А может быть, Лиолю вменялось в обязанность слежка за ним — доверяй, но проверяй? Или за Серэной? А не сыграл ли Лиоль какой-нибудь роли во всех ее несчастьях? Ну что ж, вряд ли в этом случае ему можно позавидовать.

Кар сжал свои огромные кулаки. Следовало бы все-таки предупредить ребят, уж Эдуарда-то наверняка. Но как объяснить, откуда он знает? Ему вообще не хотелось лишний раз упоминать «Око». А вдруг он ошибся, и это был не Лиоль? А вдруг тот хоть и выполняет задания Бьорна, но эти задания никакого отношения к «Очищению» не имеют? Мало ли в Университете организаций и людей, которые могут интересовать Бьорна. Вот он и завербовал студента Лиоля, чтобы следить за ними.

Словом, вопросов было много, а ответов нет. Последить, что ли, за Лиолем? Но для этого сейчас не было времени.

В конце концов Кар решил, что, вернувшись со стажировки, займется выяснением ситуации с Лиолем.

Что касается Эдуарда, то можно было прибег-

нуть к самому простому решению. Изложить все свои подозрения в письме без подписи и послать ему. Или посоветовать относиться к Лиолю настороженно. Пусть Эдуард сам решает. В конце концов, очищенцы тоже родились не от вчерашнего дождя, у них есть ловкие ребята, сами разберутся.

Ровно в десять в понедельник Кар прибыл к знакомому дому, где его уже ждала машина. Бьорна не было.

Кар молча сел в нее рядом с шофером, здоровым парнем с зловещим лицом. Впрочем, таких в «Оке» было немало. Машина тронулась, и вскоре они уже мчались по шоссе, ведущему в горы.

Кар, как и многие жители этого приморского города, редко бывал в тех местах. А между тем и здесь природа была чудесной. Вдоль поднимавшейся все выше и выше дороги тянулись виноградники, им на смену возникали сначала редкие, постепенно густевшие рощи, дальше потянулись леса, свежие, зеленые. Пригороды, районы загородных роскошных вилл сменились небольшими деревушками с ресторанчиками, барами, кафе, но совсем иными, чем там, на оставшемся внизу побережье. Здесь рекламировали не рыбу, омаров и лангустов, не пиво и виски, а ку-

ропаток, фазанов, мясо горных баранов, красные и белые вина в затянутых паутиной бутылках. Здесь обедали не на нависших над морем открытых террасах, а в защищенных от горных ветров толстыми стеклами уютных залах.

На неожиданно возникавших изумрудных лугах, спрятавшихся в узких долинах, дремали коровы.

Порой навстречу попадались автомобили с пристегнутыми к крышам лыжами, в автомобилях сидели до черноты загорелые пассажиры. Это возвращались домой любители слалома и скоростного спуска. То, что можно было с заснеженных трасс меньше чем за час перенестись на солнечный пляж, как раз и привлекало в город множество туристов.

Залетавший в открытое окно ветер был свеж и прохладен, он нес аромат не соленых водорослей и нагретого моря, а далеких снегов и хвои.

Они ехали уже больше часа и не обменялись ни словом. Кар был погружен в свои мысли.

То ли из-за перемены обстановки, то ли под влиянием горного воздуха, изумительных пейзажей настроение Кара улучшилось, он как-то веселей стал смотреть в будущее.

Что же происходит? Да, «Очищению» нанесен

удар. Но в конце концов, какое ему дело до «Очищения»? Да, у Серэны пора неприятностей. Но из тюрьмы ее выпустили, провокации против нее удались лишь частично, друзья поддержали ее. Да, она в депрессии, она страдает. Но сама ведь сказала, что вылечится, и он вылечит ее, черт возьми! Да, да, ее продолжают вызывать в полицию, но там не столько обвиняют теперь ее, сколько, наоборот, ее товарищей за плохое отношение к ней.

Не так уж все худо. Просто надо вытерпеть, пережить, выдержать. Через год все забудется. Они поженятся, переедут в новый дом, он получит прибавку, повышение. Заживут счастливой жизнью…

Из этих оптимистических размышлений его вывел резкий поворот, который совершала машина. Они свернули на земляную дорогу, карабкавшуюся круто вверх по склону горы. Попрыгав на ухабах, машина проехала километра два и остановилась перед запертыми железными воротами, в обе стороны тянулась каменная стена, увенчанная острыми бутылочными осколками. Шофер посигналил, ворота открылись, вооруженный охранник в форме «Ока» поприветствовал их.

Проехали еще метров двести и остановились перед зданием, стилизованным под горный замок. А может, это и в действительности был горный замок.

Кар вышел и, не попрощавшись с шофером, поднялся по крутым ступеням. В холле, выглядевшем уж никак не средневековo, его встретил дежурный, тоже в форме.

— Альберт Кар из отдела Шмидта, — скорее констатировал, чем спросил он, заглянув в толстую книгу перед собой. — Ваш номер семнадцатый. Идите, располагайтесь, потом обед, а в четырнадцать часов будьте у директора.

Кар взял ключ, поднялся, как ему указали, на второй этаж и нашел свою, семнадцатую комнату, довольно скромное помещение, но с туалетом, ванной, небольшим холодильником, словом, номер в отеле средней руки. Телефонного аппарата, телевизора, приемника в комнате не было. Только переговорное устройство для внутренней связи. О том, что в школу нельзя привозить свой радиоприемник, его предупредил еще Бьорн.

Кар посмотрел в окно. Из него открывался вид на густой парк. За деревьями ничего не было видно, куда-то в глубь парка вели песчаные аллеи.

Кар разложил вещи, принял душ, переоделся

и отправился на обед. Дежурный в холле, завидев его, молча указал на лестницу, ведущую в подвал.

Кар спустился и оказался точно в такой же столовой, какая была в здании агентства в городе — десятки столиков и длинная стойка, к которой каждый подходил и брал себе что и сколько хотел. Разница была лишь в том, что отсутствовал кассовый аппарат. В школе кормили бесплатно.

Народу было мало. Кое-кого Кар видел в агентстве, кое с кем был знаком лично. Поздоровались, обменялись несколькими фразами и принялись за еду. Ровно в четырнадцать часов Кар входил в кабинет директора школы и тренировочного центра. Кабинет находился на первом этаже.

Директор, пожилой, хмурый, какой-то озабоченный, сидел за большим столом, просматривая бумаги. Взглянув на Кара поверх очков и даже не пригласив его сесть, сказал:

— Здравствуйте, Кар. Здесь все занимаются по индивидуальным расписаниям. У каждого своя программа. Это ваша… — И он протянул ему листок. — Там все указано — в каком помещении, в котором часу, какой предмет, кто инструктор. Желаю успеха.

Он сделал неопределенный жест и вновь углу-

бился в бумаги. Кар повернулся и вышел из комнаты.

Занятия в школе строились таким образом, что свободного времени не оставалось вовсе. Вставали рано, ложились поздно, на завтрак, обед, ужин по пятнадцать-двадцать минут.

До обеда — занятия для рук и ног, после обеда — для головы.

На территории школы было несколько одноэтажных зданий, просторных, с большими окнами, по существу — спортивных манежей. Тут шли тренировки по каратэ и другим видам рукопашного боя без оружия. Большинство тренеров были японцы или корейцы. Что касается занимающихся, то никто из них не уступал Кару ни по комплекции, ни по мастерству. В большинстве своем это были здоровенные ребята, побывавшие на войне, или отслужившие в армейских десантных частях, или даже бывшие наемники, хлебнувшие лиха где-нибудь в Африке или Южной Америке.

Тренироваться с ними было тяжело, но поучительно. За неделю Кар не только восстановил многое, что, казалось, подзабыл, но и кое-чему научился. Он с удовлетворением почувствовал, что не утерял ни быстроты, ни ловкости, ни си-

лы. Что он такой же страшный противник для полдюжины не владевших приемами нападавших, каким был раньше (непонятно только, кто собирался на него нападать).

В этих же манежах шли тренировки по метанию ножей, дисков с острыми как бритва краями, утыканных остриями шаров, напоминавших спортивный молот.

Отрабатывали и владение разными, казалось бы совсем мирными, предметами — тростью, ножкой от стула, бутылкой, свернутыми в тугой рулон газетами, дамскими заколками, гитарной струной… Ведь любая вещь годится, чтобы убивать, калечить, ранить человека.

Короче говоря, здесь программа ничем не отличалась от программ, по которым обучались в армейских школах спецподразделений особого назначения. Когда-то Кар всем этим уже занимался, попав в армию.

Разумеется, были и просто спортивные тренировки — качали штанги, отжимались, подтягивались, боксировали, перетягивали канат, бегали кросс по парку, взбирались на скалы, плавали и ныряли в закрытом бассейне. Все упражнения были рассчитаны на развитие силы и быстроты реакции.

На территории школы имелись подземные тиры и большое открытое стрельбище. Здесь Кар опять же не без удовольствия отметил, что по-прежнему хорошо владеет всеми видами оружия, начиная от крохотных пистолетов и кончая автоматами, снайперскими винтовками, индивидуальными гранатометами (трудно, правда, было представить себе, в каких обстоятельствах эти последние могут потребоваться сотруднику частного детективного агентства).

В парке существовал небольшой автомотодром, на котором занимающиеся тренировались в рискованной езде, с крутыми необычными поворотами, в стрельбе из мчащегося автомобиля. Учились вскакивать в машину и выскакивать из нее на ходу. Учились тайно приводить машины в негодность, начинять их подслушивающими устройствами, выявлять, не заминированы ли они.

Интересно, что учились и закладывать в автомобили мины. Как сострил один из тех, с кем Кар занимался в одном потоке: «Это для выполнения заказов богатых наследников. Мы ведь их тоже обслуживаем».

Для занятий по вождению автомобиля использовались окрестные дороги, луга, перевалы, по

которым стажеры носились, пугая жителей местных деревушек.

Существование школы не афишировалось, но особенно и не скрывалось. В конце концов, каждое крупное предприятие имеет свои курсы усовершенствования, переподготовки, повышения квалификации. Заводских инженеров знакомят с новыми роботами, продавцов — с новыми способами рекламы, врачей — с тем, как лучше оперировать, а учителей — преподавать. Почему бы и «Оку» периодически не углублять знания своих сотрудников?

Что касается изучаемых предметов, то не только армейские подразделения, полицейские отряды, группы по борьбе с терроризмом и другие государственные органы занимались по той же программе, но их проходили и в бесчисленных школах наемников, различных фашистских военизированных организаций и даже в частных школах, предлагавших в наш век насилий и грабежей свои услуги, обещая превратить любого старика или женщину в неуязвимого бойца.

Однако имелись послеобеденные занятия, которые были скрыты от глаз посторонних и проходили в подземных лабораториях замка или в отделенной, специально огражденной, тща-

тельно охраняемой части парка.

В расписании, которое директор вручил Кару, это называлось коротко и непонятно: «Изучение техники». Какой?

Оказалось, что специальной. Предназначенной для слежки, подслушивания, подсматривания, обнаружения следов. Были здесь приборы и сравнительно простые, которые Кар знал. Но были и очень сложные. Их стажерам демонстрировали, чтоб они могли попросить добыть для них с помощью этих приборов сведения, которые иным способом не добудешь.

Кар и представить себе не мог, до чего дошла наука в этих делах!

Им показали звукоулавливающие устройства, устанавливаемые в самых невероятных местах, начиная от телефонов, люстр, пишущих машинок, кондиционеров и кончая букетами, пирожками, унитазами, чужими пиджаками, собачьими ошейниками, зубными пломбами; показали аппараты, с помощью которых легко улавливались разговоры шепотом, происходящие на расстоянии двух-трех километров, за плотными стенами и толстыми стеклами.

Были устройства, легко разгадывавшие самые сложные системы запоров по едва уловимым

щелчкам, когда их запирали. И это через стену или слой земли! На экранах перед стажерами возникали лица людей: как они выглядели бы по прошествии многих лет, после пластических операций, если человек отрастил бы себе бороду, усы, или, наоборот, сбрил или перекрасил волосы.

Даже Кар, профессионал, с удивлением узнавал, что отпечатки пальцев можно обнаружить и тогда, когда преступник действовал в перчатках, и что определить этого преступника можно по запаху, который присущ только ему, как и отпечатки пальцев, что невидимые лучи электронной защиты преодолеваются с помощью специальных асбестовых скафандров, но в то же время есть звуковые средства защиты, в которых поступь кошачьих лап звучит как раскат грома.

Он узнавал об инъекциях препаратов, при которых не нужны никакие пытки. Человек сам все охотно и весело рассказывает, а потом забывает об этом.

Им читали лекции о бесчисленных способах совершения преступлений. Компьютеры, гипноз, подделки, передача мыслей на расстоянии, хитроумнейшие взрывные устройства…

Особенно сложной оказалась война между торговцами наркотиками и службой их обнару-

жения. Куда там Эдисоны, тут что ни преступник, то великий изобретатель!

Чтоб переправить наркотики, их завертывали в виде жвачки, детских конфет, упаковав в герметические капсулы, заставляли глотать собачек и кошек, глотали сами, вшивали в тело под видом пластических операций, вдували в шины автомобилей, начиняли ими охотничьи патроны, зубные пасты, пилюли различных лекарств…

А полицейские обнаруживали все эти кокаин, героин, морфий, гашиш, ЛСД, опий, марихуану в сыром, промежуточном или товарном виде с помощью тончайших анализаторов, химических и физических приборов.

Стажеров учили производить обыски в помещении. Причем задача состояла в том, чтобы не оставить за собой никаких следов. Тут методы полиции и частных детективов расходились. Как и в некоторых других вопросах. Здесь тоже существовала целая наука.

Ведь на то, что мог позволить себе жандарм, полицейский — открытое задержание, арест, обыск, допрос, даже применение оружия, — представитель частного сыскного агентства права не имел. Ему приходилось искать иные пути, хитрить, изворачиваться. Порой балансиро-

вать на тоненькой ниточке, отделявшей закон от беззакония. Притворяться, выдавать себя за полицейского, вообще за кого-то другого, иных запугивать, иных обманывать, соблазнять, подкупать, шантажировать. Ох, нелегкая работенка у частного детектива!

А сколько появилось ныне необычного оружия. Самое известное, газовый пистолет или дубинка — со слезоточивым, парализующим, или отравляющим газами. Или сарбаканы, духовые пистолеты, стреляющие еле заметными стрелками. Такие стрелки применяют, чтобы усыпить слона, льва, если им нужно, скажем, сделать операцию. Так и здесь, пустил стрелку — и человек мгновенно засыпает. А вот для дам — изящный баллончик, самопишущая ручка, парфюмерный спрей. Нажал — и хулиган заливается слезами, заходится в кашле. Есть еще такая коробочка, из которой при нажиме вылетает тонкая капроновая сеть и — раз| — обволакивает нападающих (хоть двух, хоть трех), теперь остается дернуть — и они барахтаются на земле. А вот другая коробка: опять нажим — и человек получает такой электрический разряд, что недолго и на тот свет отправиться. Трости с кинжалами внутри, карманные сирены, зовущие на помощь, фабричного

изготовления рогатки, кистени, зонтики, выстреливающие острие, носок ботинка, из которого выскакивает лезвие, бесчисленные автоматические ножи, бронежилеты, бронированные дипломаты, портфели и шляпы, защищающие от пули, шоковые гранаты, на несколько секунд оглушающие или ослепляющие всех вокруг… А сколько приспособлений, чтоб задерживать машины — ленты с шипами, металлические лассо, распылители масла по асфальту, клейкие пластины, набрасываемые на ветровое стекло…

Бесконечный арсенал, который одни люди придумали, чтобы совершать преступления, а другие, чтобы предотвращать. Хотя порой трудно было разобраться, что на что годится.

Кар знакомился и с выставкой систем, предназначенных для охраны жилищ, складов, магазинов, сейфов. Здесь были и совсем невинные, подающие звуковой сигнал или сообщающие в полицию, что кто-то проник в помещение, скрытые телекамеры, абсорбаторы запаха преступника или ловушки, обдающие вора несмываемой краской. Но были и незаметные электроточки на ручках несгораемых шкафов, убивающие быстрее электрического стула, специальные пистолеты, устанавливаемые напротив дверей и стреляю-

щие в грудь входящего, если он, открывая дверь, не назвал предварительно пароль электронному сторожу.

Чего только тут не было!

Но как ни далеко зашла наука и техника, какие только гениальные вещи не были придуманы для борьбы с преступностью, главным все же был человек, в том числе ловкие, неподкупные, непобедимые сотрудники «Ока».

Они всегда защищали честных граждан, честное дело, честно нажитое имущество и готовы были обрушить свой праведный гнев, свои глубокие знания и совершенное оружие на тех, кто становился на преступный путь.

Например, на очищенцев.

При этом, кто честный, а кто преступник, определял директор агентства, точнее, его хозяева, еще точнее, клиенты, и чем они были богаче, тем правильнее они это определяли.

Что же происходило, если какой-нибудь аппарат, механизм, которые использовало в своей деятельности агентство, ломался, выходил из строя? Его выбрасывали, уничтожали, отправляли на слом. Не чинили.

То же делали и с сотрудниками.

В конце концов, они тоже были на службе

«Ока», и если выходили из строя, то куда ж их было девать?

Машину, на худой конец, еще можно исправить, человека — нет.

На какое-то время Кар настолько втянулся в занятия, у него оставалось так мало времени для размышлений, что он забывал все на свете.

И все же, когда выяснилось, что настала суббота и что утром следующего дня он увидит Серэну, у него заколотилось сердце.

Он проснулся рано, проделал все полагающиеся упражнения, пробежался в хорошем темпе, принял душ, плотно позавтракал. Он нарочно делал все не спеша, предвкушая грядущую радость. Кар прошелся по парку, вдыхая аромат дальних снегов, альпийских лугов, лесов… Сорвал несколько маленьких белых цветков, росших в парке, — этот букет он преподнесет Серэне. Правда, брат его жил не в горной местности, но вряд ли Серэна так уж разбирается в ботанике, чтобы заметить это.

Он остановился на небольшом холмике невдалеке от замка. Отсюда поверх окружавшей школу стены открывался великолепный вид на далекое, уходившее к горизонту море, на сверкающий белизной город, что раскинулся вдоль берега, на подножия гор, расцвеченных всеми оттенками

зелени. Птицы весело пели, щебетали, свистели, щелкали. В этот ясный солнечный день у них было веселое, под стать дню, настроение.

В отличном настроении был и Кар.

Стоя здесь, на холме, и любуясь видом, он принял ряд важных решений! Во-первых, он категорически потребует от Серэны, чтобы она стала его женой. Никаких отговорок! Чего ждать? Даже если он не получит прибавки, уж как-нибудь проживут. А тем более, если эта прибавка будет. Во-вторых, надо еще раз все взвесить и поговорить с Бьорном. Может, не так уж нужен ему этот диплом? Языком он овладел уже неплохо, можно условиться с женой (женой!), что дома они теперь будут болтать на этом языке. А сам факт — кончил он Университет, не кончил — так ли важно? Или договориться с вице-директором, что, продолжая учебу в Университете, он сможет одновременно служить. Неужели в агентстве не найдется какая-нибудь временная работенка, которую он мог бы выполнять, одновременно посещая занятия? Ночным охранником, например, — они три дня из четырех свободны. В-третьих, и это было главным, Кар должен найти способ рассказать Серэне про свою работу. Он понимал, насколько это деликатная задача, но скрывать

становилось все трудней. В любую минуту тайна могла раскрыться, и это было бы катастрофой. Ведь в глазах Серэны и ее друзей «Око» было одиозной организацией. Нет, необходимо что-то придумать. Например, что он только что поступил туда приработать, простым охранником или тренером каратэ. Или убедить ее, что он там в каком-нибудь научном отделе, чинит оружие, бухгалтер, наконец. И знать не знает, чем там занимается агентство. Ведь политикой он не интересуется и сочувствует «Очищению» лишь потому, что оно борется за охрану окружающей среды. Что бы еще такое изобрести?

Из этих хлопотных размышлений его вывел сигнал клаксона. Он бросил взгляд на часы. Десять! Черт возьми, машина уже ждет. Кар скатился с холма и, не забегая в комнату, устремился к ожидавшему у дверей замка автомобилю, за рулем которого сидел все тот же молчаливый, хмурый шофер. Но на этот раз, кроме Кара, ехало еще трое стажеров. Они тоже получили разрешение провести воскресенье в городе. Как выяснилось из разговоров — с семьями. Кар среди них был единственный холостяк. Разговаривали немного. Все в мыслях были заняты делами и приятными хлопотами.

Он тоже.

Значит, так. Сейчас домой, переодеться — и к Серэне. Без звонка. В виде сюрприза. В машину — и за город, туда, к «их» местечку. И весь день на пляже, хотя купальный сезон вроде бы кончился. Для всех. Не для них. Они молоды, здоровы, они спортсмены и будут плавать, бродить, а потом проведут ночь в комнатке их маленького отеля.

Просто утром придется встать пораньше, успеть отвезти домой Серэну и самому поспеть к десяти часам к «дому свиданий», где его будет ждать шофер. Остальных они подберут позже.

Кар попросил высадить его в сотне метров от дома (мало ли что бывает!).

Покинув машину и подождав, пока она скроется за углом, Кар заторопился. Он легко взбежал на свой третий этаж, на ходу доставая ключи.

И уже собирался вставить ключ в замок, когда увидел торчащую в замке бумажную трубочку. Кар нахмурился — что бы это могло значить, может быть, Серэна куда-то уехала? Но куда?

Торопливо открыв дверь, он развернул бумажку.

«Как только вернешься, немедленно позвони мне. И никому больше. Эдуард».

Слово «никому» было подчеркнуто.

Кар сразу же бросился к телефону, дрожащими пальцами набрал номер Серэны. Никто не отвечал. Еще, и еще, и еще. Ответа не было. Он набрал номер Эдуарда. Тот подошел сразу.

— Что случилось? — хриплым голосом спросил Кар.

— Приезжай, — только и сказал Эдуард, — разговор не для телефона. Жду.

— Где Серэна? — закричал Кар.

— Жду. Не задерживайся, — был ответ. Раздался щелчок отбоя.

Еще минуту Кар стоял с безмолвной трубкой в руке. Что-то холодное сдавило ему затылок. Стало трудно дышать.

Он пришел в себя, бросился к двери, побежал в гараж. К счастью, бак был полон, и вскоре он уже мчался к Эдуарду.

«Что могло случиться? — Мысли метались в голове. — Где Серэна? Не могла же она мне изменить! Это невозможно! Куда она уехала? Она наверняка оставила бы записку. Она, а не Эдуард. Может, ее снова арестовали? Да, да! Теперь все ясно, они таки добрались до нее. Вызывали, вызывали и в конце концов арестовали. Он неделю был оторван от мира, ни газет, ни радио,

ни телевидения. Наверное, снова подняли дело, может быть, передали в суд. И Серэну вызвали свидетелем. Нет, если б она была свидетелем, ее бы не задержали в полиции. Она обвиняемая! Наверняка обвиняемая! А может, это он все выдумал? Надо взять себя в руки. Взять себя в руки, успокоиться. Мужчина он, в конце концов, или не мужчина! Солдат или не солдат!»

Он подъехал к дому Эдуарда, вышел из машины. Вылезая, заметил на заднем сиденье маленький букет белых цветов, тот, что он набрал утром в парке для Серэны. Минуту поколебался — взять с собой? Потом захлопнул дверцу, запер и направился к подъезду. Все это он делал медленно. Он хотел доказать самому себе, что не волнуется, что спокоен, что причин спешить нет.

Эдуард ждал его на пороге открытой двери.

Он молча провел его в комнату, указал на диван. На столе стояла бутылка виски, столь необычная для этого дома.

Эдуард неумело распечатал бутылку, налил полный стакан, подвинул к Кару. Потом, не садясь, посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Серэна умерла…

Кар не шевельнулся. Словно холодная волна накатила на него сзади, поднялась к голове, стала

горячей, твердой, сжала клещами затылок, потом отпустила, оставив боль.

Он медленно, не глядя, нащупал стакан и залпом осушил его, обжигая гортань.

Эдуард не стал ждать вопросов.

— Она покончила с собой. Во вторник. Я искал тебя. Думал, ты сразу появишься. Это было в газетах. Не читал? — В тоне Эдуарда звучало удивление.

— Ее убили? — Кар не узнал собственного голоса.

— Нет, — помедлив, ответил Эдуард, — в прямом смысле — нет. Она бросилась с десятого этажа университетского корпуса. Было много свидетелей.

— Ее хотели опять арестовать? — почти шепотом спросил Кар.

— Наоборот, судя по тому, что писали газеты, обвинение с нее сняли и во время последнего вызова в полицию, накануне самоубийства, ей об этом сказали.

Так шел этот разговор. Кар говорил, еле шевеля губами, Эдуард — громко и зло. На кого он злился?

— Я расскажу тебе. — Эдуард поправил очки.

И он рассказал.

Судя по тому, что позднее писали газеты, Серэну в одиннадцать утра во вторник в очередной раз вызвали в полицию. Там ей сообщили, что прокуратура прекратила следствие по инциденту во время захода крейсера в город. Кстати, через два дня были выпущены на свободу и остальные арестованные по этому делу. Потом, покинув здание полицейского управления (судя по тому, что удалось установить Эдуарду), Серэна отправилась домой. И никуда не выходила до обеда. Затем куда-то уезжала на машине. Вернулась прямо в Университет, поднялась на десятый этаж университетского корпуса, постояла у окна и бросилась вниз…

Это было окно холла, где всегда много студентов, никто на нее особенного внимания не обращал. Поздоровался кто-то из знакомых, и все.

То, что случилось, оказалось для всех неожиданностью. Никто не успел помешать Серэне совершить ее страшный поступок.

Похороны состоялись в четверг. Пришли сотни студентов, все университетское начальство, очищенцы, члены многих других студенческих движений и организаций, просто горожане.

Неожиданно печальная церемония прошла

спокойно, и стоявшим наготове полицейским вмешаться не пришлось. Хотя вначале в некоторых университетских газетах, в разговорах преобладало мнение, что Серэну затравили, оно было опровергнуто в официальном телеинтервью городского прокурора.

Он сообщил, что следствие было закончено еще несколько дней назад, и Серэну пригласили в Главное полицейское управление для того, чтобы объявить о закрытии дела, как, впрочем, и находившимся в заключении обвиняемым, только на два дня позже.

В этих условиях самоубийство Серэны становилось необъяснимым. Воинственно настроенные студенты, собиравшиеся устроить во время похорон демонстрацию, растерялись и в конечном счете отказались от своего намерения.

— Неужели ты не читал газет, не слушал радио? Или там, где ты был, ничего этого нет? — удивлялся Эдуард, внимательно глядя Кару в глаза. — Ведь об этом было не только в городской прессе, но и в центральной.

Кар молчал. Ему стало трудно дышать. Он снова налил стакан виски и выпил его.

— Где ее похоронили?

— На городском кладбище.

— Поехали. — Кар встал.

— А ничего?.. — Эдуард кивнул в сторону наполовину опустевшей бутылки.

Кар не ответил, он медленно направился к двери, Эдуард последовал за ним.

Городское кладбище раскинулось на холме в южной части города. Здесь под сводами старых пальм высились простые кресты, белые надгробья, монументальные склепы и памятники. В центре стояла совсем дряхлая церковь.

По заросшим дорожкам никто не бродил.

Было тихо и хмуро в природе, осень подобралась совсем близко. Лишь листья пальм слегка покачивались под свежим ветром.

Они шли вдоль могильных рядов по песчаной дорожке.

В дальнем углу кладбища высился небольшой, покрытый увядшими цветами холм. Видна была простая белая плита — имя, год рождения, год смерти, рядом лежал флажок с эмблемой «Очищения».

Кар подошел и положил на плиту букетик белых цветов, что вез Серэне в подарок.

Они постояли. Потом Кар повернулся к своему спутнику.

— Ты оставь меня здесь. Я еще побуду. Я позво-

ню, — сказал он.

Эдуард кивнул, сжал Кару плечо и, не оглядываясь, пошел к выходу.

Кар стоял у могилы еще долго. Он никак не мог собраться с мыслями. Он чувствовал, как растет в нем отчаяние, как все рушится, как ускользает цель жизни, к которой он все это последнее время стремился, ради которой столько делал.

Как жить теперь?

Он не сразу заметил, как отчаяние постепенно уступает место ярости. Волна ярости захлестнула его с такой силой, что он застонал. Что ж, ярость — знакомое чувство, он не раз испытывал его «там», в бою. Но в бою! В разгар атаки, в момент рукопашной, когда рядом падал товарищ. То была ярость в дыму и крови. Кончался бой, и она уходила. И наступала пустота, и тоска, и неизменный вопрос — зачем все это, ради чего?

Но сейчас он ощущал осмысленную ярость. Она была направлена против тех, кто был виновен в гибели Серэны! То была не безумная, животная ярость. А холодная, какая-то неспешная, даже сладостная. Надо найти виновного. И тогда тот пожалеет, что родился на свет!

Полицейский? Следователь? Кто-то из них, кто обвинял вначале Серэну в предательстве? А

может, эти подлецы — журналисты? Ничего, он доберется до них! Убийцу Серэны он найдет!

Вот здесь, на ее могиле, он торжественно клянется, что не даст себе покоя, пока не накажет убийцу Серэны!

Кар бросил прощальный взгляд на холмик, засыпанный увядшими цветами, на белую плиту и медленно побрел к выходу.

Пришел домой, лег, не раздеваясь, на диван, бесцельно смотрел в потолок. Потом подумал, что надо бы позвонить Бьорну, отпроситься, но тот ведь не бывает в воскресенье на работе.

Он сам не заметил, как заснул.

А утром проснулся рано и сразу, как привык просыпаться всегда.

Особенно тщательно занимался гимнастикой, брился, плескался под душем, завтракал.

Попытался позвонить Бьорну, никто не ответил.

Когда сел в машину, шофер сказал:

— Едем к господину вице-директору.

— А не в школу? — удивился Кар.

— Приказано к нему.

— Всем или только мне?

— За теми другой заедет.

На этом разговор оборвался, и оба молчали,

пока не подъехали к «дому свиданий».

Когда Кар вошел, Бьорн встал, подошел к нему, положил руку на плечо, скорбно помолчал.

Потом, усадив Кара в кресло, заговорил негромко и с приличествующей случаю значительностью:

— Дорогой Кар, я хочу выразить вам свои соболезнования, свои и господина директора, который просил передать их вам. Это тяжелый удар, и вам потребуется время, чтобы оправиться от него. Но жизнь продолжается, вы еще молоды, у вас все впереди. Не сомневаюсь, вы будете счастливы. Мое обещание о новом месте в моем отделе, о прибавке к жалованью остается в силе. — Он помолчал. — Понимая ваши чувства, я думаю, вам следует переменить обстановку. А? Кар? — Он вопросительно посмотрел на Кара и, не дождавшись ответа, продолжал: — Думаю, что вам сейчас не хотелось бы ходить в Университет, где вы… словом, давайте прервем временно ваши занятия. Отдохнете недельку, потом снова поработаете у Шмидта, а когда все забудется, я хотел сказать, когда вам станет легче, вы опять приступите к университетским занятиям. Не спешите. Решайте сами. Как только будете готовы, сообщите мне. А пока поезжайте к брату или куда-нибудь

отдохнуть, перемените обстановку. — Он опять помолчал. — Да, ужасная трагедия, такая замечательная девушка. Наш безумный век, все эти нервные перегрузки, стрессы… впечатлительные натуры не выдерживают… Крепитесь, Кар. — Он снова положил ему руку на плечо. — Ведь вы же солдат. В следующий понедельник, — добавил Бьорн уже деловито, — приходите прямо к Шмидту в агентство.

Кар не произнес ни слова в течение всего этого долгого монолога Бьорна, лишь сказал:

— Благодарю вас, господин вице-директор. — И покинул дом.

Он поискал глазами машину, ее не было. И он отправился домой пешком. Путь был неблизкий, раза два-три он заходил в попадавшиеся по дороге бары, выпивал стаканчик. Когда почувствовал, что тяжелеет голова, подумал: «Пора остановиться, так и спиться недолго, если с утра начинать. Нет, мне сейчас нужна трезвая голова».

Он прошелся по набережной, посидел на скамейке, где они любили сидеть с Серэной, зашел в кафе, где они любили бывать, и выпил три чашки черного кофе.

Он чувствовал невероятную пустоту. И еще усталость. С чего бы, неужели от этих нескольких

стаканов? Или дорога утомила?

Наконец он пошел домой. У него не было сейчас цели, желаний, намерений. Может быть, действительно все же лучше напиться и спать, спать, спать, чтоб ни о чем не думать, ничего не вспоминать?

Войдя в подъезд и проходя мимо своего почтового ящика, он вдруг вспомнил, что всю неделю не брал корреспонденцию (хотя кто особенно мог писать ему, разве что брат?), вынул ключ и открыл ящик. Собрав в охапку ворох накопившихся за неделю журналов, рекламных проспектов, бюллетеней, счетов, он запер ящик, поднялся к себе и вывалил всю эту большей частью бесполезную, но неизменно получаемую корреспонденцию на стол. Не садясь, стал перебирать.

«Посетите нашу выставку цветов — цвет, аромат, великолепие…»,

«Адидас» — новые оригинальные модели кроссовок…»,

«Путешествие в Бангкок, Сингапур, Гонконг — только самолетами…»

— мелькало перед его рассеянным взглядом.

«Око» — оплот безопасности, гарантия

спокойной жизни...»,
«Вы можете застраховать свой дом...».

Кар подержал в руках яркие, с броскими заголовками проспекты. «Свой дом!» Зачем он теперь ему, этот дом, который спешат закончить к сроку плотники, каменщики, кровельщики, готовятся обставить мебельщики? Зачем ему дом, в котором не с кем жить? Даже эта квартира ему велика. Не нужна. Без Серэны ему и весь мир не нужен.

Провались он пропадом, этот дурацкий мир, была б одна она!

Он бросил пачку проспектов на стол, взял следующую. Опять рекламы, а вот счета за ремонт машины, за ящик пива, за уборку квартиры, за... А это что за необычно маленький конвертик, затерявшийся меж глянцевых листов и выпавший на ковер? Кар поднял конвертик, повертел — желтый, узкий, его адрес, напечатанный на машинке, послан во вторник с местного почтового отделения, обратного адреса нет. Что за письмо? Опять счет?

Кар разорвал конверт, вынул два тоненьких листка и опустился на стул — ноги не держали его.

Письмо было от Серэны, он сразу узнал ее по-

черк…

Он опустил руку, державшую письмо. Огромный, могучий, прошедший огни и воды солдат, сто раз видевший смерть в глаза и сам убивавший, казалось, застрахованный от любых эмоций, он не находил в себе силы прочесть эти маленькие тонкие листки.

Наконец Кар овладел собой, положил письмо на стол и склонился над ним.

«Когда ты прочтешь эти строки, —

писала Серэна, —

меня уже не будет в живых. Я знаю — звучит банально. Зато верно. Это важней. Возможно, ты догадаешься, почему я так поступила. А вдруг нет? Поэтому хочу объяснить. Альберт! Ты дал мне минуты самого большого счастья, какое может испытать женщина, — когда любит любимый. Я ведь тогда не знала… И вот именно поэтому я должна тебе все объяснить, вдруг ты бы не понял, не догадался. Скорей всего для тебя это мало что значит. Но я могу и ошибиться, если у тебя все же были ко мне какие-то чувства, хоть чуточку

любви? Как бы я хотела ошибиться!

Эти последние дни, ты знаешь, каково мне было. Меня ведь затравили, оклеветали, оболгали. Я же ни в чем не виновата, ты это знаешь лучше, чем кто-нибудь. От меня почти все отвернулись. Кто не отвернулся, всего лишь жалел. Если б ты только знал, как мне было плохо, как страшно…

Я держалась, да, пожалуй, и жила только тобой: ты рядом, ты меня любишь, ты мне веришь. Ты был моей единственной опорой, поддержкой, моей надеждой и утешением. Пока ты есть, я существую — так я думала. И вдруг все рухнуло, понимаешь, Альберт, все в один час, в одну минуту. Ничего не осталось. Знаешь, как будто опираешься на перила балкона и вдруг перила подламываются — и ты летишь в пропасть. Не знаешь? Дай тебе бог никогда не узнать.

А я вот узнала…

Скажу, как было дело (ох, Альберт, когда я вспоминаю этот разговор, у меня разрывается сердце…).

Последний раз, когда меня вызвали в

полицию (сразу после твоего отъезда к брату), там был какой-то человек в штатском, седой такой, с энергичным лицом, с приятным тихим голосом… Зачем я описываю его тебе? Ты ведь его наверняка прекрасно знаешь.

Он говорил очень вежливо, даже ласково. Это он сказал, что с меня сняты все подозрения, что об этом объявят по радио, в газетах. Он долго расспрашивал о разных вещах. Я отвечала, в его вопросах не было ничего особенного, ничего, что могло кому-нибудь повредить. Он спросил и про «Очищение». Знаешь, он спрашивал с интересом, даже сочувственно. Я откровенно рассказала, что мы думаем, за что боремся. Ведь в этом не было ничего плохого, правда?

Я сама не заметила, как повернулся разговор. И вдруг поняла, что он вербует меня! Ты понимаешь, он хотел, чтоб я доложила все о нашем движении, что собираемся делать дальше, какие у нас планы, кто лидеры! Ты понимаешь? Когда я это сообразила, я стала кричать, возмущаться. А он говорит мне:

«Напрасно вы так возмущаетесь, с нами сотрудничают очень достойные люди. Мы их уважаем. И вы тоже. Даже больше, чем уважаете».

Я не поняла. Тогда он достал магнитофон и поставил пленку. Ты знаешь, Альберт, когда я услышала твой голос, когда поняла, что ты говоришь, я чуть не потеряла сознание! Я хотела бежать, убить этого человека, сломать его магнитофон. Но меня словно паралич сковал, я просто не могла пошевелиться. Оказывается, это ты придумал гнусную провокацию с портфелем, ты был так горд ею, он хвалил тебя. А потом, когда нашелся тот честный человек в полиции, помнишь, который предупредил Эдуарда, ты возмущался, что сорвали этот твой мерзкий план. Ту пленку он мне тоже дал послушать. А потом сказал:

«Вот видите, Альберт Кар один из наших лучших сотрудников, его ждет блестящая карьера. У вас в «Очищении» его тоже ценят. Вы его любите. Представляете, как хорошо вы сможете работать вдвоем! Как много можете для нас сде-

лать».

Ты знаешь, что я ему сказала? Что подумаю, а сейчас чтоб отпустил.

Он был очень доволен — наверное, решил, что уговорил меня.

«Конечно, конечно, — сказал, — подумайте. Я надеюсь, что вы примете наше предложение. А? Серэна?»

Я села в машину, поехала домой, а потом туда, в наш отель, где стала твоей, где узнала, что значит настоящее счастье. Я там ходила по пляжу, по которому мы ходили вместе, пообедала так же, как мы тогда…

Я хотела пройти весь наш путь. И притворялась, что ничего не знаю, что ты любишь меня. Я старалась представить себе, что ты познакомился со мной, потому что я понравилась тебе, а не потому, что таковым было твое задание, что ты обнимал меня, потому что любил, а не для того, чтоб выведать у меня про «Очищение», что ходил к моим друзьям, потому что это были мои друзья, а не потому, что нужно было донести на них, узнать их планы, их намерения.

И на мгновение я становилась счастлива…

Потом там, на берегу, я простилась с тем Альбертом, с которым была счастлива, которого любила.

И который любил меня. Да, да! Я считала, что ты любишь меня, а каким ты был в действительности, мне и дела нет! Я ведь тогда не знала…

А потом я вспоминала твой голос на пленке… Ох, Альберт, какая же страшная вещь жизнь! Ничего нет страшнее в жизни, чем жизнь…

Я попросила хозяина, чтоб он сдал мне на несколько часов нашу, помнишь, ТУ комнату. Он очень удивился — ведь я одна, но я объяснила, что ты приедешь позже.

И в этой комнате я написала письмо, которое ты сейчас читаешь.

Я приняла решение, Альберт. Мне было легко его принять. Ведь я теперь совершенно одинока, я ужасно одинока. У меня был только ты, и вот нет и тебя. Человек не может жить без людей, это все равно что без воздуха. Ведь нет тебя! Тебя

же нет! А ты был все, что у меня оставалось…

Я не сужу тебя, Альберт, — какое я имею на это право? И не прощаю — какое тебе дело до моего прощения?

Я понимаю, что ты быстро забудешь меня, я лишь эпизод для тебя, маленькая часть большого задания, которое ты так хорошо выполнил. Что ж, рада за тебя, поздравляю. А вот я буду помнить тебя до конца жизни. Все два-три часа, что остались до этого конца…

Сейчас я запечатаю письмо. Поеду в город, опущу его в первый же ящик. Потом пройдусь по аллеям нашего Университета, поднимусь на какой-нибудь высокий этаж…

Прощай, Альберт.

Серэна».

Кар долго сидел не двигаясь.

Нет, в маленьком узком конверте был не счет за квартиру, холодильник, бензин.

И все же это был счет. Страшный счет, который ему посылала Серэна. Какими деньгами можно оплатить отнятую жизнь? Потому что ему теперь

незачем трудиться и искать ее убийцу. Вот он, перед ним, смотрит на него с настенного зеркала. И если он честный человек, пусть вспомнит торжественную клятву, которую дал на ее могиле.

Поклялся — так сдержи свое слово. Накажи убийцу! Это ведь так просто — вот он перед тобой, а в тумбочке у постели лежит пистолет. Ну же, действуй, чего ждешь?

Кар задыхался от невыносимой тоски.

Серэна ушла из жизни, убежденная в его подлости, в его предательстве, в его лжи. И не было никакой возможности что-то исправить, доказать, оправдаться. Туда, где она теперь, есть лишь один путь…

Но Кар знал, что этим путем никогда не пойдет. Он слишком труслив для этого, у него не хватит духу, он слишком крепко цепляется за жизнь. Он знал, что долго еще будет страдать, но потом все пройдет, как все в жизни. Будет что-то другое. И все же Серэну он не забудет никогда. Надо только продержаться, вытерпеть, не спрыгнуть с подножки… А уж клятву свою он не сдержит, прости, Серэна, не может он наказать убийцу. Не может.

Внезапно Кар встал.

Не может? Еще как может! Да, это письмо — неумолимый счет. Но разве только ему? Разве

только он виновен в ее смерти? В том, что сделали с «Очищением»? Во всех подлостях, что творятся в этом Университете, в этом городе, в этом мире?

Ну нет! А вице-директор Бьорн? А директор «Ока»? А Шмидт? А все эти полицейские, жандармы, агенты секретных служб, сыскных агентств? Провокаторы, осведомители, доносчики? Разве этот счет не всем им?

Да, он один из них. И он понесет свою долю наказания. Никакой суд не вынесет всем им приговор? Ну тогда это сделает он. Здесь ведь джунгли. Значит, и жить надо по законам джунглей. Самому выносить приговор, самому приводить в исполнение…

Кар подошел к тумбочке, достал свой «парабеллум» и, вернувшись к столу, начал тщательно, неторопливо разбирать его, чистить, смазывать, вытирать. Так, как когда-то делал, готовясь к ночным операциям.

Взял патроны, дослал один в ствол, снял с предохранителя. Примерил наплечную кобуру. Потом вынул из висевшего на шкафу пиджака другой пистолет — маленький, почти плоский, остроумное детище оружейной мастерской «Ока». Его он тоже почистил и привел в боевое состояние. Затем специальной лентой прикрепил к щиколотке. Наконец взвесил в руке свое любимое оружие — обоюдоострый нож с заточенным как бритва лезвием. Нож был совершенно плоский. Для него тоже имелся специальный потайной футляр, вшитый в пиджак, он приходился между лопаток. Таким образом, если Кар поднимал, сдаваясь, руки вверх или клал на затылок, ему ничего не стоило молниеносным движением прямо из-за головы со страшной силой метнуть нож во врага. Скорость была такой, что тот не успевал выстрелить.

А уж как он отработал этот прием! Как владел им! На тренировках товарищи восхищались — они не успевали проследить за полетом ножа и лишь с трудом выдирали его из деревянной мишени, в которую лезвие впивалось на несколько сантиметров. В этом упражнении у Кара не было равных.

В таком боевом снаряжении он постоял у зер-

кала, придирчиво всматривался, не заметен ли его арсенал.

Потом сложил все в шкаф и переоделся в легкий костюм.

Кар снова вернулся в пещерный век.

Словно не было первых радостных дней с друзьями — Лором и Бет. Словно не было счастливой любви, Серэны, всех этих золотых дней (когда выяснилось, что есть на свете счастье, любовь, радость, а не только жестокость, ненависть, злоба). Он не узнавал себя. Вернее, именно узнавал. Это снова был прежний Кар — безжалостный, жестокий боец, всегда настороженный, хитрый, готовый к бою.

Он только сейчас осознал, что все это время жил двойной жизнью. В «Оке» — бесшабашный, циничный, эгоистичный. Там — грубость, равнодушие, готовность выполнить, что прикажет начальство, стремление подзаработать, сделать карьеру. Здесь, с Серэной, со своими новыми друзьями, — беззаботная радость, любовь, веселье, интересы других, а не только свои, какие-то идеалы, пусть не всегда понятные ему…

Вот так жил, совмещал и даже не понимал, что это разные жизни, а не только разные люди.

Но теперь с этим покончено! Прощай, Серэна,

прощайте, друзья, теперь он возвращается в джунгли.

И даже если внешне все останется по-старому, это будет лишь внешне. В действительности все изменилось.

У него теперь иная цель. А вот добиваться ее он будет привычными путями.

Кар посмотрел в зеркало, чего до этого дня давно уже не делал. Он с удивлением заметил, что прибавилось седины и морщин, что обострились черты лица, тоньше стали губы и холоднее глаза. Может, это ему только кажется? Да нет, пожалуй…

Ненависть, сдерживаемая ярость, которые не остывали, отодвинули тоску и отчаяние, вернули ему ясность ума, твердость, трезвый расчет. Теперь Кар превратился в боевую машину, какой был когда-то.

И он, и его боевые товарищи.

И вдруг он задумался об их судьбе. Вот вернулись они, не все, о, далеко не все. Родина встретила их оркестрами и цветами. Но и цветы, и оркестры кончались в аэропортах, на вокзалах и причалах. Дальше их судьбы никого не интересовали. Кем же они стали, какими путями пошли?

Кто-то уже не мог обойтись без войны. И они продолжали ее в Африке, в Южной Америке, на дальних островах, встречая там смерть, с которой посчастливилось не встретиться раньше. Кто-то, как он, нашли себе место в частных сыскных агентствах, в полиции, инструкторами-костоломами в военизированных фашистских организациях. Или занялись грабежом, торговлей наркотиками, убийством за деньги. Еще кто-то спился, опустился, стал колоться и нюхать…

У них теперь были цели, ничем не лучше тех, ради достижения которых они дрались в той войне, такие же неправедные и подлые.

Там были джунгли, здесь тоже, почему же стать лучше?

…Первое, что следовало сделать, — это составить план сражения, план боевых действий.

Кар сел за стол и, на минуту задумавшись, начал писать. Он писал долго, порой застывая с пером в руке, что-то вспоминая, прикидывая, рассчитывая, соображая. Иногда он вставал, ходил по комнате, потом снова садился писать.

Глава XII
ДЖУНГЛИ

Кар очень подробно, с несвойственной ему дотошностью написал все, что знал о сыскном агентстве «Око». Оказалось, что знает он не так уж мало. И между прочим, такого, что дирекция «Ока» вряд ли хотела видеть обнародованным. Писал о структуре, об отделе Бьорна и о нем лично, об осведомителях и методах, какими их приобретают. О не совсем законных делах, о полузаконных связях с полицией, университетским начальством, муниципалитетом, хозяевами больших заводов, верфей, банков. О том, как втирались в профсоюзы, как избивали забастовщиков, вспомнил акцию «Портфель» (умолчав о своем участии). Рассказал о школе, о том, кто и что там делал. Словом, написал все, что знал. И хотя во многие тайны Кар не был посвящен, но и того, что знал, хватало для нанесения «Оку» серьезного удара. Закончив писать, Кар прокомментировал написанное и надиктовал комментарий на пленку. Запечатав, отправился в ближайший банк.

Его принял управляющий отделом сейфов.

— Я хочу арендовать сейф, — сказал Кар, — со

следующим условием: я буду приходить каждые две недели отмечаться, так сказать. Если я когда-нибудь пропущу хоть один день, то на следующий день прошу взять находящийся в сейфе пакет и отправить его по адресу, указанному на пакете. Если от меня приедет человек, даже если я позвоню по телефону, это не считается. Только если явлюсь сам!

— Мы всегда выполняем волю клиента, — заверил его управляющий. — Вы далеко не единственный, обращающийся к нам с таким поручением, и до сих пор у нас не было случая, чтобы мы не выполнили его. Можете не беспокоиться. В случае чего, всегда можете предъявить нам претензии.

Управляющий прекрасно знал, что предъявлять претензии за невыполнение таких поручений вряд ли кто-нибудь придет, если только клиента не вызовут с помощью спиритического сеанса. И тем не менее банк всегда держал слово. Это был очень старый банк, и выше всего он ценил свою честность и свою репутацию.

Но управляющий не знал, что подобную операцию Кар проделал еще с двумя банками. Береженого бог бережет.

Что касается адресов на конверте, то это были

адреса крупнейших газет города.

Через два дня Кар явился в агентство. Шмидт принял его с распростертыми объятиями.

— Мальчики, — гудел его бас, — вы смотрите, кто к нам вернулся! Кар, собственной персоной! А то твой друг Лоридан без тебя совсем скис. Карманника и то поймать не может. Ха-ха! — Он громко хохотал и подмигивал. Но чувствовалось, что он действительно рад.

Лоридан же был рад вдвойне.

Кар держался, как обычно, и никто не подозревал о пережитой им трагедии.

Кроме Элизабет. В первый же день его возвращения в «Око» он обедал у Лоридана.

Лоридан был счастлив, что может поделиться с Каром всеми новостями, и не закрывал рта. Кар молча слушал, поддакивая, кивая. Он был за сто световых лет отсюда.

И только когда Лоридан вышел на полчаса в винный магазин, он ненадолго позволил себе расслабиться — Элизабет ведь знала…

Она подошла к нему, крепко сжала его голову ладонями, поцеловала, в глазах ее стояли слезы.

— Я что-нибудь могу? — тихо спросила она.

— Спасибо, Бет. — Он был тронут. — Пока нет. Кто знает, может быть, потом.

Кар с грустью подумал, что, оказывается, Элизабет — единственный человек, на кого он может рассчитывать.

Но он ошибался. Однажды вечером раздался телефонный звонок. Кто бы это? Ему мало кто звонил.

— Кар, — сказал он то, что всегда говорил, подходя к телефону.

— Ал, — услышал он неуверенный голос Ингрид, — это я, ты узнал меня?

— Конечно, Ингрид.

— Я знаю, кем была она для тебя. Я всегда догадывалась, а теперь знаю точно. И все понимаю. Я просто хочу сказать тебе, если что нужно, ты только скажи, я все для тебя сделаю, Ал! Все! Чтобы ты ни попросил…

И Кар ответил ей так же, как Элизабет:

— Спасибо. Пока мне ничего не нужно. Но потом, может быть. Спасибо, Ингрид.

Как-то, проезжая мимо Университета, он увидел Эдуарда. Тот рассеянно оглядывался по сторонам, видимо ожидая кого-то. Кар притормозил.

Они поздоровались. Эдуард рассказал об университетских делах, об «Очищении».

— Готовим новую акцию, — сказал он. — Надеюсь, пройдет удачно. Как-нибудь расскажу.

— Слушай, Эдуард, — спросил Кар. — А как ребята? Роберт, как Боб, Эстебан?

— О, Эстебан и Жюли официально объявили о помолвке. Боб ушел из Университета, жена сказала ему, чтоб он перестал валять дурака, в доме некому мыть посуду и стричь газон. — Эдуард улыбнулся. — А Роберт… Что Роберт, накачивает бицепсы.

— Ну а Лиоль…

— Лиоль — молодчага, такой активист стал, сил нет, очень помогает. Ладно, мне пора, — как-то смущенно засуетился Эдуард. — Да вот еще — ты не стесняйся, Кар, звони, если что, можешь на меня рассчитывать. Да и на ребят, думаю, тоже.

Он заспешил на другую сторону улицы, где его ждала, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, высокая нескладная девушка, в больших очках и немодной длинной юбке.

«Вот и он нашел свое счастье», — подумал Кар и вздохнул.

Потом мысли его приняли другое направление. Лиоль, Лиоль… Интересно, почему он стал таким активным? И что за акцию готовят очищенцы?

Так уж получилось, что особых дел в те дни у Кара не было. Легкая слежка, засада в притоне наркоманов, розыск противной капризной

девчонки, сбежавшей из дома родителей. «Тут куда больше подошла бы Элизабет с ее розгами», — думал он, пока запихивал обнаруженную у приятельницы строптивую девицу, укусившую его во время операции захвата в руку.

Но вечера у него оставались свободными.

И он нашел им применение.

Он даже удивился себе, когда, загнав машину в какой-то пустой проулок, незаметно приблизился к скрытому за деревьями, хорошо знакомому дому. Как он здесь оказался? Как? Чего хитрить с самим собой! Оказался, потому что слежка за этим домом входила в его план.

Он простоял там долго, спрятавшись в кустах расположенного напротив, судя по всему, необитаемого дома. За это время на «прием» к Бьорну приходило три человека. Он всех их заснял с большим увеличением специальным фотоаппаратом, позволявшим снимать в темноте.

На следующий день он сфотографировал еще двоих.

И совсем не удивился, когда на третий день увидел Лиоля. Было бы странно, если б тот не ходил сюда. Взял в техническом отделе якобы нужный ему для выполнения очередного задания аппарат, с помощью которого по вибрации окон-

ных стекол можно было подслушивать разговоры снаружи с большого расстояния. Но ничего не получилось. Бьорн был очень осторожен, и его «дом свиданий» оказался под защитой специального электронного щита, исключающего подслушивание снаружи.

О том, чтобы забраться в дом, Кар и не помышлял, он понимал, что встречавшим его за дверью агентом охрана дома, конечно, не ограничивалась.

Каждый раз он добывал очередную порцию снимков, узнавал людей, записывал номера машин (и такое бывало). Кар размножал все это в трех экземплярах и дополнял ими конверты, лежавшие в банках в арендованных им сейфах.

Проводил он свою разведывательную работу и в недрах «Ока». То, что раньше совершенно не интересовало его, как, впрочем, и большинство других рядовых агентов, теперь он фиксировал, запоминал, сопоставлял.

Он задавал «случайные» вопросы, заглядывал ненароком в безразличные ему раньше документы, заводил беседы с коллегами, особенно когда они были под хмельком. Что-то незаметно фотографировал, что-то записывал на миниатюрные диктофоны.

Его досье росли, и теперь в его банковских сейфах хранились уже не конверты, а толстые пакеты.

Как-то позвонил Эдуард. Он поинтересовался делами Кара, спросил, не собирается ли тот возвращаться в Университет. Из деликатности не спрашивал, почему Кар бросил учебу и чем вообще занимается сейчас, считал, что из-за Серэны.

— А мы готовим великолепную акцию, — похвастался Эдуард, что было ему несвойственно, —хочешь знать — приходи.

— Приду, — сказал Кар, — или давай пройдемся.

«Может, теперь линия прослушивается?» — подумал он.

Они встретились в сквере, откуда открывался чудесный вид на порт — на золотые цепочки фонарей, ярко освещенные корабли, мигающие огни маяков. Они сидели на железной скамейке, над ними шелестели листья пальм.

— Так вот, — увлеченно повествовал Эдуард, время от времени машинальным жестом поправляя очки, — ты знаешь, что миролюбивые армии нашего блока, — он усмехнулся, — проводят учения как раз тут, ну, в ста километрах за нашей границей. Демонстрируются дружба и могуще-

ство двух армий. Высадка десанта на побережье врага. Знаешь?

— Ну знаю, газеты читаю, — подтвердил Кар. — Надеюсь, вы не собираетесь атаковать союзный флот?

— Представь себе, собираемся! — рассмеялся Эдуард. — И притом с воздуха. Хотим бомбардировать высадившиеся части. С воздуха.

Кар молчал, он не понимал.

— Значит, так, — продолжал объяснять Эдуард, — мы зафрахтовали вертолет. Не думай, это трудная штука. Но тут помог Лиоль, у него какие-то там знакомства на аэродроме. Вертолет прогулочный, но на время военных учений все прогулочные полеты запрещены. Так вот…

— Лиоль? — удивился Кар. — А он что…

— Лиоль у нас член комитета по проведению акции и, между прочим, очень активный, я тебе уже говорил. Оказался смелый парень. Так вот, мы загружаем в вертолет несколько корзин цветов — белых и зеленых — словом, цвета «Очищения». (Белый — символ духовной, а зеленый — экологической чистоты.) В момент высадки, когда десантники будут атаковать береговые укрепления, наш вертолет окажется над ними, и мы выбросим на головы солдат цветы. Мы хотим

сказать этой акцией: «Единственные снаряды, которые могут падать на человечество, — это цветы, символы жизни, а не смерти». Ну как?

— А кто полетит в вертолете? — спросил Кар.

Эдуард удивленно посмотрел на него:

— Кто полетит? Я полечу, Роберт, Ингрид, Лиоль, еще человек пять наших активистов, наиболее энергичные.

— Вы не боитесь, что вам помешают? Надо ведь взлететь, пересечь границу, полетать над территорией, где идут учения, вдруг собьют?

— Взлететь взлетим. У нас хороший пилот — друг Лиоля, у него есть разрешение на перелет границы. Лиоль сказал, что все будет в порядке. Конечно, нас, скорей всего, заставят приземлиться. Ну и что, цветы-то уж сбросим. Оштрафуют, продержат в участке пару дней и отправят обратно. Мы ведь действительно сбросим не бомбы, а цветы, и вряд ли они кого-нибудь поранят, даже если солдаты будут бегать без касок.

— Да, конечно, — рассеянно поддакнул Кар, он был занят своими мыслями. — И когда вы собираетесь загрузиться в ваш вертолет?

— По нашим сведениям, высадка начнется в семь утра послезавтра. От города туда километров двести, до границы сто и еще сотня. Это минут

сорок. Словом, в шесть мы будем на аэродроме. А Лиоль так вообще там будет ночевать — проследит, чтоб ничего не случилось с цветами, мы их, кстати, уже спрятали — десять корзин цветов — в домике около аэродрома. За два дня не завянут.

— Скажи, Эдуард, а кто знает, где спрятаны цветы?

— Никто не знает, даже пилот, — ответил Эдуард, он снова удивленно взглянул на Кара. — И потом, они будут там под охраной Лиоля. А почему ты спрашиваешь?

— Значит, спрятали в надежном месте?

— Да что ты беспокоишься! Я ж тебе говорю — сегодня ночью туда поедет Лиоль и за всем проследит.

— Ну что ж, желаю успеха. — Кар поднялся: — Действительно, вы придумали остроумную акцию. Пойду спать.

Они попрощались, и Кар торопливо направился к дому.

Он поднялся к себе и быстро переоделся. Надел джинсовые брюки, черный свитер, пиджак, тот самый, с футляром для ножа, надел наплечную кобуру с пистолетом и прикрепил второй пистолет к ноге, засунул в карман черный капюшон с прорезями для глаз. Прихватил миниатюрный

диктофон, моток нейлонового шнура. Все эти причиндалы, напоминавшие реквизит для детективного фильма, числились в арсенале многих частных агентов.

Кар спустился к машине, включил мотор и выехал на ночную улицу.

Он подъехал к дому, где жил Лиоль, и принялся ждать.

Ждать, к счастью, пришлось недолго, не прошло и часу, как Лиоль вышел из подъезда, огляделся, залез в свою машину и поехал в сторону аэродрома. Кар ехал вслед. Слежка за Лиолем не представляла труда. Тот не имел никакого опыта в таких делах. До аэродрома доехали быстро. Кар сразу установил, в каком доме спрятаны цветы: небольшая деревянная хибара, стоявшая в стороне от дороги и, видимо, давно заброшенная.

Лиоль долго возился с замком, вошел, зажег свет, наверное, задернул занавески, потому что свет стерся.

Кар вышел из машины, обошел дом кругом. Лиоль действительно проявлял удивительную беспечность — окно в кухню даже не было закрыто. Кар бесшумно влез через окно. В кухне царил беспорядок, воняло помойкой, нечистотами. Осторожно открыв дверь, он увидел коридор,

в который выходило три двери. Из-под одной пробивался свет. В коридоре ощущался крепкий аромат, и Кар не сразу сообразил, что это пахли цветы.

Он подкрался к двери, заглянул в замочную скважину. Лиоль сидел к нему спиной и читал газету. На столе стояли банки с пивом и маленький приемник. Из приемника лилась тихая музыка.

Кар начал медленно, миллиметр за миллиметром, открывать дверь, ведь в любое мгновение она могла скрипнуть. Но дверь оказалась тихой. Он проскользнул в комнату, неслышно приблизился к Лиолю, заученным приемом обхватил ему шею, нажав на сонную артерию, подождал, пока затихли судорожные движения и тело обмякло.

Вынув из кармана нейлоновый шнур, он привязал Лиоля к стулу так, что тот не смог бы сделать ни одного движения. Кар действовал точно, быстро. Все это ему довелось десятки раз проделывать на тренировках. На всякий случай он натянул себе на голову капюшон, взял со стола открытую банку с пивом и плеснул несколько раз Лиолю в лицо, тот медленно пришел в себя.

Кар остался стоять у него за спиной. Диктофон он повесил у себя на шее и включил.

Лиоль, еще ничего не соображавший, начал

отчаянно дергаться, пытался оглянуться. Кар подождал, пока он поймет безнадежность своих усилий, приставил к его затылку пистолет и, изменив голос, что он тоже неплохо научился делать, сказал:

— Говори все, что знаешь про акцию с цветами. Быстро. Не врать. — И он довольно сильно стукнул Лиоля пистолетом по голове.

Лиоль вскрикнул, он не узнал голоса нападавшего, решил, что это кто-нибудь из секретной службы, кто не в курсе…

— Я не с ними, — заговорил он, давясь словами, — можете проверить. Я готовлю акцию, то есть наоборот, я сорву, можете проверить…

— Как?

— Позвоните господину Бьорну из «Ока», я дам телефон, я не с ними… А вы кто? — наконец спросил он, приходя немного в себя.

Последовал еще более сильный удар рукояткой пистолета.

— Подробности! — приказал Кар, — Твоя роль?

Лиоль застонал, заговорил еще быстрее:

— Цветы. Они должны выбросить цветы, там, на учениях, полетят на вертолете и выбросят…

— Твоя роль, — повторил Кар и притронулся пистолетом к голове Лиоля.

— Не бейте, не бейте! Я скажу. Я не с ними. Я сказал, что достану вертолет, пилот тоже из «Ока». Когда пересекут границу, им не дадут лететь дальше, их посадят, обыщут и тогда найдут… — Он испуганно замолчал.

— Что? — Кар снова ударил его.

— Ой, не бейте, не бейте! Найдут героин, там, в цветах. Я спрятал. Их арестуют: мол, под предлогом этих цветов перевозили наркотики. Тогда им конец и «Очищению»…

— А ты? — перебил Кар.

— Я в последнюю минуту не полечу, почувствую себя плохо или ногу подверну, придумаю…

— Кто дал задание?

— Я сказал — господин вице-директор «Ока» Бьорн, можете проверить. Я на них работаю, вот телефон…

— Что делал для «Ока»? Подробно. — Кар старался говорить короткими фразами. Впрочем, он был уверен, что перепуганный, ошеломленный Лиоль и так не узнает его голос.

— «Око» само нашло меня. Я согласился.

Он подробно рассказал, как разыскал его Бьорн, как завербовал, пообещав хорошо платить, и действительно платил хорошо, какие задания давал, в каких он, Лиоль, провокациях участвовал (его

даже посылали однажды в другой город, где его не знали). Он старался подчеркнуть, что всегда честно работал, никогда не разделял взглядов «Очищения» и даже намекнул, что для государственной службы готов работать бесплатно, ну, скажем, за маленькую плату.

Бесшумно накручивалась проволока миниатюрного диктофона, фиксируя рассказ Лиоля.

— О себе, — приказал Кар, — все о себе!

Лиоль, которому уже нечего было терять, подробно рассказал свою биографию, назвал по требованию Кара номера своих документов — водительских прав, кредитной карточки, банковского счета.

Кар завязал Лиолю глаза, подошел к корзинам с цветами, которыми был заставлен угол комнаты, и, взяв наугад несколько букетов, поднес их к лампе. Его опытные глаза сразу обнаружили крохотные нейлоновые трубочки, вставленные в отрезанные стебельки. Да, пограничникам не пришлось бы их долго искать. А эти восторженные очищенцы, которые так радовались своей хитроумной акции, — разве бы им когда-нибудь могла прийти в голову такая провокация?

Кар вернулся на свое место за спиной Лиоля.

— Деньги есть? — спросил он.

Лиоль застонал. На этот раз не от физической боли. Как бы ни был велик страх, который он испытывал, но мысль расстаться со своими деньгами была ему еще больней.

— Есть немного, — жалобно сказал он.

— С утра поедешь и снимешь со счета все деньги, — зловеще шептал невидимый человек ему в ухо, — и уедешь на край света. Понял? Потому что вечером пленка с записью всего, что ты здесь говорил, окажется в «Оке», а они тебе этого не простят…

— Но вы, — бормотал, окончательно сбитый с толку, Лиоль, — вы… Вы кто? Я же не с ними, не с «Очищением», можете проверить…

— Зато с ними я, — жестко сказал Кар. — И торопись уехать. Лучше на Марс.

Он развязал Лиолю руки, зная, что тот потратит еще добрых полчаса, пока полностью освободится от пут. Затем покинул дом, бегом добрался до машины и на полной скорости помчался к Эдуарду. Он разбудил его в три часа ночи.

Эдуард, заспанный, встревоженный, неверной рукой надевал очки, запахивал пижаму.

— Что случилось, Альберт, что случилось? — без

конца спрашивал он.

— Слушай меня внимательно. Нет, давай выйдем, вдруг у тебя в доме «жучки». Оденься, быстро, выйдем на минуту.

Ничего не понимавший Эдуард накинул плащ, всунул ноги в свои разбитые ботинки и последовал за Каром. Он был очень смешон — взлохмаченный, в коротком плаще, с торчавшими из-под него худыми бледными ногами, засунутыми в огромные ботинки. Но было не до смеха.

Они остановились у фонаря. Эдуард слегка дрожал под порывами прохладного ночного ветерка.

— Дай слово, — сказал Кар, — что ни о чем спрашивать не будешь.

— Даю, — неуверенно пообещал Эдуард, — но объясни, что… — и тут же замолчал.

— Так вот, Лиоль — предатель, он работает осведомителем в полиции. Впрочем, он исчезнет, так что это уже не имеет значения. Но вся афера с цветами — провокация, в них запрятан героин…

— Не может быть! — воскликнул окончательно пришедший в себя Эдуард.

— Не перебивай. Запрятан, я сам видел. И когда вы пересекли бы границу, вас приземлили бы полицейские вертолеты или посадил пилот — он

тоже в сговоре, — а пограничники обыскали бы… Чем это могло кончиться, сам понимаешь.

— Героин, откуда? — недоверчиво спросил Эдуард. Спросил не Кара. В пространство.

— Лиоль положил. Да не в этом дело. Надо срочно предупредить твоих. Вы где встречаетесь?

— Они все соберутся у меня, а потом…

— Вот пусть соберутся, а потом разъедутся по домам.

— Но почему я должен верить, — в раздумье сказал Эдуард, — вдруг ты ошибаешься?..

— Я не ошибаюсь, — с горечью произнес Кар. — Уж ты поверь мне. Доказательства у меня есть, я записал признание Лиоля. Да время не ждет. Или вот! Ты помнишь, тогда тебе звонил человек, предупредил насчет акции «Портфель»? Помнишь? Ты бы узнал его голос?

— Еще бы! — усмехнулся Эдуард. — Он его, конечно, изменил, но я запомнил…

— Так вот, это был я, — сказал Кар тем самым голосом. — Я предупредил тебя тогда, предупреждаю и сейчас.

Эдуард остолбенел, у него дрожь прошла по спине. Он смотрел на Кара, на его лицо, всматривался в печальные глаза. Он вдруг обратил внимание на его необычную одежду, заметил в

распахе незастегнутого пиджака пистолет под мышкой…

— Кто ты, Кар? — спросил он тихо.

— Ты обещал не задавать вопросов. Прощай.

Кар повернулся и зашагал к машине.

…Утром он с нетерпением читал газеты, слушал радио. Ничего особенного. Обычная жизнь — кого-то убили, кого-то изнасиловали, кого-то ограбили… обычная жизнь. Военные учения проходили успешно. В солдат летели условные пули, на них обрушивались условные бомбы. Цветов на них никто не сбрасывал.

Ему несколько раз звонили по телефону. Он не подходил. Дважды кто-то звонил в дверь. Он не открыл.

Рано утром он сам позвонил Эдуарду, Ингрид, Роберту. Все были дома, и он каждый раз молча вешал трубку. У Лиоля никто не подошел.

Жизнь текла по-старому. Мелкие задания, нравоучения Шмидта, бодрость Лоридана, дружба с Элизабет, полное молчание Бьорна. Как-то позвонил Эдуард и спросил, не хочет ли Кар с ним повидаться. Кар ответил то же, что в свое время Ингрид.

Однажды утром Шмидт вызвал к себе Кара и Лоридана и сказал им:

— Предстоит труднейшее задание, мальчики! Такого по трудности еще не было.

Он долго рокотал в бороду о немыслимых трудностях нового задания.

«Мальчики» терпеливо ждали, когда Шмидт заговорит по существу.

— Видите ли, — сказал он наконец деловым тоном, — к нам обратились друзья из службы по борьбе с контрабандой наркотиками. Просили помочь. Не в первый раз, кстати. Ладно, не будем мелочиться, они нам тоже не отказывают, в случае чего. Так вот, надо внедриться в банду. Есть тут шустрые ребята, мотаются на прогулочной яхте, заходят то в один порт, то в другой, изображают эдаких бездельников-плейбоев, миллионерских сынков, — вино, красивые девушки, оргии, швырянье деньгами, ну и так далее. А в действительности забирают в море подальше партии героина, кокаина, уж не знаю чего, и доставляют в порты, к нам и ближайшим соседям. Банда серьезная, в расходах не стесняется. Вот на ту яхту нужны человека четыре-пять красивых ребят. Им двоих не хватает. У службы по борьбе с контрабандой наркотиками там свой человек, его просили подобрать, а он нас. Будете играть роль, мальчики! Дело нетрудное, там вопросов

не задают — и вы, и вам. Поплаваете, побалуетесь с красотками, — Шмидт подмигнул, — поживете недельку-другую, как живут миллионеры, вернее, их ближайшие родственники. Жалко, я старый, а то бы сам на такое задание обеими ногами побежал.

Он подождал бурных протестов насчет его возраста, не дождавшись, хмуро продолжал:

— Видите ли, надо быть настороже. Там народ серьезный. Кто те двое-трое других, мы не знаем. Ваша роль такая: два бездельника, но не миллионера, готовые на любую работу, а уж тем более на такую. И не любопытных. Что там возят, куда, зачем — не ваше дело, у вас один интерес — получать свои деньжата, тем более что не маленькие, и тем более за то, за что все остальные люди как раз немалые деньжата платят. Это для них. А для нас — фиксировать, где загружают товар, где выгружают, кто за ним приезжает и так далее. Как заходите в порт, тут же мне звонок — то да се. Никаких записей! И не напейтесь, а то еще распустите язык. Ладно, ладно! Я не хотел вас обидеть, это так, для порядка. Когда будут заканчивать операцию, если нужно, подсобите их хватать. Но я думаю, эти из службы сами справятся. Вопросы есть?

Какие тут могли быть вопросы? Лоридан, тот заранее потирал руки, предвкушая сладкую жизнь, и даже слегка похрюкивал. Но, поймав на себе осуждающий взгляд Кара, стушевался.

Согласно уговору, они сначала встретились с «владельцем» яхты, руководившим этой морской контрабандой.

Встретились в модном баре, эдакие богатые красавчики. При первом же взгляде на «владельца» Кар понял, что задание у них действительно не из легких. Высокий, атлетически сложенный, с острым взглядом черных прищуренных глаз, в которых затаилась такая жестокость, что Кару стало не по себе, «владелец» говорил тихо, мало, цедил слова сквозь зубы и смотрел на собеседников, словно хотел загипнотизировать их, словно заранее прикидывал, куда всадить пулю. Да, с таким шутки плохи!

Он объяснил Лоридану и Кару условия контракта. Он повторил то, что говорил Шмидт, с легкими уточнениями. Заканчивая разговор, сказал:

— Вопросов не задавать, ни во что нос не совать. Пейте, занимайтесь девочками, поменьше болтайте и получайте свои деньги. Все! А завернете не туда, у нас руки длинные, достанем и на полюсе. Ясно?

— Ясно, — ответил Лоридан, — нас ваш бизнес не интересует, нас интересует наш бизнес. Сколько вперед?

— Вот это разговор. — «Владелец» яхты был удовлетворен. Он представился как Марио. — Получите задаток. — И он протянул каждому по солидной пачке. — Завтра в двенадцать отчаливаем.

— А если девочки начнут задавать вопросы? — спросил Кар.

— Не начнут, — усмехнулся Марио, — не беспокойтесь, они у нас дрессированные, как в цирке.

На том встреча закончилась.

На следующий день Кар и Лоридан в роскошном «роллс-ройсе» (предоставленном, разумеется, «Оком») подъехали к причалу и взошли на борт яхты. При взгляде на нее Кар подумал, что как ни богато «Око», но мафия наркобизнеса в сто раз богаче. «Дельфин» (так не очень оригинально именовалась яхта) была великолепным сооружением. Ценные сорта дерева, медь, дорогие ковры; спальные каюты, салон, бар были обставлены и отделаны с невероятной роскошью. Какие-то особенные нейлоновые паруса, рулевая рубка оснащена сплошной автоматикой, компьютерами, какими-то непонятными приборами,

минибары и холодильники, забитые изысканными напитками, а главное — сверхмощный мотор, позволявший развивать огромную скорость, все это стоило сотни тысяч.

«С таким мотором ее не всякий сторожевик догонит», — подумал Кар.

Еще великолепней яхты были ее пассажирки — пять ослепительной красоты девушек, словно сошедших с обложек модных журналов, — все длинноногие и длинноволосые, все загорелые, с огромными глазами, сверкающими зубами и, разумеется, потрясающими фигурами. Они быстро разобрали мужчин и по вечерам уверенно приходили в их каюты, словно к себе домой.

После того как Кар встретился с Серэной, у него не было других женщин. Они просто не существовали для него, как не существовала и эта Сабина, доставшаяся ему. И то, что во время кутежей, ужинов в приморских ресторанах, танцев в приморских дискотеках она была все время с ним, что каждый вечер она приходила ночевать в его каюту, оставляло его совершенно равнодушным, хотя он и старался не показать ей этого. Но задание есть задание, и его следовало выполнить как можно лучше. Раз роман с Сабиной входил в задание, что ж делать, значит, надо…

Однако присмотревшись, он понял, что Сабина увлечена им ничуть не больше. Она тоже была на службе, правда, у противной стороны.

Дни тянулись, похожие один на другой, — просыпались едва ли не в полдень, завтракали на верхней палубе, потом купались в бассейне, расположенном на той же палубе, бездельничали, слушали музыку, немного пили.

Кроме Кара, Лоридана и уже знакомого им Марио, были еще двое — «капитан» и «матрос». Такие же капитан и матрос, какими Лоридан и Кар были гостями. Все это знали, и потому те вели себя на борту, как и остальные. Это были двое здоровенных детин с равнодушными грубыми лицами, преступление давно стало их постоянной профессией.

Вечерами приставали к берегу в каком-нибудь модном курортном городке, ужинали, шли на танцы… Охмелевшие, возвращались на борт в два-три часа ночи.

«Неужели, — размышлял Кар, — все миллионеры живут подобной жизнью? Сдохнуть можно». Но, судя по его наблюдениям, в том-то и была хитрость мафии, что таких яхт и таких богатых бездельников моталось по побережью множество. «А я-то думал, что миллионеров мало»,

— сетовал Кар.

Наконец однажды ночью его разбудил Марио. Зажег ночник и поманил Кара из кабины. Сабина пробормотала что-то во сне, повернулась на другой бок и продолжала спать.

На верхней палубе свет не горел, яхта тихо покачивалась. Все пятеро мужчин стояли здесь, молча застыв в напряжении. Внезапно неожиданно близко мигнул огонек, надвинулась черная масса. Это была рыбачья шхуна, тоже без огней, кроме того маленького, мигнувшего.

Тут Кар в полной мере смог оценить мастерство «капитана» и «матроса». Они подвели яхту к борту шхуны так ловко и точно, что лишь легкий толчок засвидетельствовал, что произошла стыковка.

Минут десять в молчании в темноте со шхуны на яхту переносили какие-то мешки и так же незаметно разошлись.

«Интересно, — подумал Кар, — как я могу засечь это место ночью, черт знает где, без приборов?..»

Но прибор, оказывается, был — миниатюрный, замаскированный в пачке из-под сигарет. Он имелся у Лоридана, который прятал его в кармане шорт. Другой вопрос, почему Шмидт доверил его именно Лору и ничего не сказал Кару и почему

сам Лор поделился своей тайной лишь теперь? Он был этим немного уязвлен.

Веселая жизнь на «Дельфине» продолжалась двенадцать дней. За это время они еще раз встретились с таинственной шхуной и переправили свой груз на берег, вынося его небольшими порциями в пляжных сумках, посудных корзинах для пикников, полых радиоприемниках.

Предстояло вынести товар третий раз.

За это время, бывая в прибрежных ресторанах и дискотеках, они с Лориданом звонили Шмидту или незаметно встречались со своими коллегами из «Ока» в туалетах, табачных лавчонках, у газетных киосков. Теперь они знали, что брать шайку будут в следующем порту и что должны быть готовы.

Но то ли у их гостеприимного хозяина тоже имелись свои источники информации, то ли сработала интуиция, он в указанный день, вместо того чтобы, как обычно, выносить товар утром у всех на виду, дождался ночи.

Когда в порту погасли огни, к тому месту, где причалила яхта, не особенно скрываясь, подкатила машина. Из нее вышли четыре человека и приблизились к «Дельфину». Груз приготовили на палубе заранее, оставалось лишь снести его

к машине.

И тут Марио, сжимая в руке пистолет, выскочил из рулевой рубки, где находилась и радиосвязь, и зашептал:

— Быстро, быстро, ребята, на тот борт, быстрее же!

Оказалось, что машина, люди на причале — все это было лишь маскировкой. К противоположному борту тем временем бесшумно подплыла надувная лодка, и именно на нее предстояло сбросить товар.

На мгновение Кар и Лоридан растерялись. Как быть? Оружия у них не было, а трое переправщиков наверняка, судя по Марио, вооружены… Начать свару? Дать уйти наркотикам? Подать сигнал? Но размышлять им не пришлось. Внезапно набережную, яхту, машину осветили мощные прожекторы, десятки людей выскочили из своих укрытий и бросились к «Дельфину».

— В воду! Бросай в воду! — уже не скрываясь, закричал Марио и первым кинулся к мешкам.

В этот момент с крыши рубки раздалась четкая, прозвучавшая как выстрел команда:

— Стоять! Не шевелиться!

Со своего места Кар увидел неузнаваемую Сабину, с разметавшимися по плечам волосами (такая,

какой он оставил ее, сладко спавшей, полчаса назад в кабине), она стояла теперь во весь рост, крепко держа перед собой двумя руками тяжелый револьвер. Прямо кадр из модного кинобоевика!

— Стоять! — повторила она.

На какое-то мгновение все застыли, потом все произошло сразу и невероятно быстро. Марио поднял пистолет и направил его на Сабину, Кар прыгнул на него, сбив с ног, и подмял под себя, выламывая руки. Лоридан нанес молниеносный удар ребром ладони «капитану», и тот упал замертво. А вот «матрос» успел дважды выстрелить раньше, чем пуля Сабины угодила ему в лоб. Первым выстрелом он едва не уложил Кара, а вторым попал в Сабину. Она еще успела два-три раза нажать на спуск, но потом выронила револьвер и медленно осела на палубу.

Все это длилось какие-то секунды.

Но уже десятки агентов вбежали на яхту, схватили «хозяина» и «капитана», забрали груз, все фотографируя, снимая кинокамерой; быстроходный катер, отрезав путь надувной лодке, приблизился к ней и снял с нее экипаж; мужчин, что приехали на машине, запихнули в полицейский фургон. Кругом стоял шум, крик, рев моторов, женский визг (остальные-то девушки

не были тайными агентами и в панике метались по яхте).

Наконец операция закончилась. Преступников и контрабанду увезли, на яхте начали обыск, Сабину понесли в санитарную машину, и Кар успел разглядеть лишь ее мертвенно-белое лицо, закрытые глаза и кровь в уголках губ.

Что касается Кара и Лоридана, их собрались отправить в отель. Можно было отдохнуть, выспаться. Но Кар, к удивлению всех, особенно Лоридана, попросил отвезти его в аэропорт.

Никто не мог понять, почему он спешил.

— Чего ты торопишься? — удивлялся Лоридан. — Теперь-то куда спешить? Шмидту уже все доложили, подняли беднягу среди ночи с постели. Поспим, отдохнем. А твоя Сабина — молодчага, вот уж не догадался бы! Ты ее когда-нибудь у нас видел? Я — нет.

— Вот и узнай завтра с утра, как она. Выкарабкается? А меня, Лор, извини. У меня дома серьезное дело. Нужно поспеть.

Лоридан подозрительно посмотрел на своего друга, прикидывая, что это за «серьезное дело» — блондинка или брюнетка, и пожал плечами.

Но серьезное дело Кара было действительно серьезным — завтра в шесть часов вечера исте-

кал срок его явки в банк. Участвуя в операции, он ни на минуту не забывал об этом. Мысль о банке всегда была при нем. И он всегда точно рассчитывал время. С запасом. Если б операция с яхтой затянулась, он под каким-нибудь предлогом съездил бы в свой город из любого места, где могла задержаться яхта. Впервые на этот раз время было впритык. Хотя если самолет вылетал в семь, то уже в девять, а то и раньше он будет на месте. И все же его грызло беспокойство.

Приехав на аэродром, он уселся в кресло и задремал. Не так-то долго ждать. Уже четыре часа ночи.

В половине седьмого он подошел к кассе, взял билет и стал прохаживаться по холлу аэропорта. Аэропорты в этих курортных городах были маленькие, местные, их обслуживали тоже маленькие тихоходные самолеты.

Кар нетерпеливо поглядывал на часы. Наконец объявили посадку. В столь ранний час пассажиров было мало. Какие-то обалдевшие туристы, сонные бизнесмены — всего человек тридцать. Зарокотали моторы, подпрыгивая и трясясь, самолет понесся по взлетной полосе и наконец поднялся в воздух.

Уже через пять минут Кар спал мертвым сном.

Он проснулся от толчка, самолет приземлился. Кар сладко потянулся и тут же провел рукой по подбородку. «Таким небритым я еще никогда не был», — подумал он.

Потолкавшись в узком проходе, где на что-то ворчащие пассажиры гуськом черепашьим шагом покидали кабину, Кар вышел к трапу и остолбенел.

На фасаде здания аэропорта он прочел название того городка, из которого вылетел.

— Что случилось, куда мы прилетели? — ничего не понимая, спросил он у стюардессы.

— О, вы знаете, это такой редкий случай, я три года работаю, и это первый раз…

— Да в чем дело, черт возьми!

— Грозовой фронт. Полет запрещен. Придется подождать.

— Но мне надо лететь! Я не могу ждать! — закричал Кар, прекрасно понимая бессмысленность своего протеста.

— Конечно, конечно, — профессионально заулыбалась стюардесса. — Я уверена, что это ненадолго.

Что оставалось делать? Мечась, как тигр в клетке, по холлу аэропорта, он без конца смотрел на часы, на экран объявлений, подходил к справоч-

ной. Пассажиров все время обнадеживали, но ничего не менялось.

Когда время перевалило за полдень, он взял себя в руки и стал просчитывать все варианты. Стало ясно, что ни на местном поезде, ни на машине он до закрытия банка вернуться в свой город не успеет. Значит, по-прежнему оставался самолет. А следовательно, ожидание.

То, что пережил за эти часы Кар, не опишешь. Время тянулось чудовищно медленно и одновременно бежало слишком быстро. Большинство пассажиров — а их уже много собралось на все рейсы — молча сидели, тупо и обреченно глядя в пространство.

Грозовой фронт оказался не выдумкой гидрометеорологов. В какой-то момент с моря стремительно налетели тучи, небо стало густо-свинцовым, засверкали молнии, раскатисто прокатывал свои рулады гром, сплошной дождь завис над взлетной полосой, ангарами, зданием аэропорта.

Постепенно дождь ослабел, тучи ушли, и небо посветлело. Но посадки все еще не объявляли.

Кар понял, что положение становится критическим, он вошел в телефонную будку и позвонил в банк управляющему отделом сейфов.

— Это говорит Альберт Кар! — торопливо, волнуясь, закричал он. — Я в другом городе, из-за этого проклятого грозового фронта задержаны все вылеты. Я могу опоздать к закрытию…

— Я понимаю, господин Кар, — услышал он любезный голос управляющего. — У вас, кажется, сегодня последний день. — Он сделал паузу, послышался шелест бумаг. — Да, вот я вижу, у вас сегодня последний день подтверждающей явки.

— Да! Да! — еще громче закричал Кар (ему почему-то казалось, что это звучит убедительней). — Но поймите, гроза! Не летают самолеты! Это единственная причина задержки. Я могу опоздать…

— Я понимаю, господин Кар, — прозвучал тот же любезный голос. — Но вот тут параграф третий нашего договора, читаю: «Если я не явлюсь лично, и только лично, до истечения назначенного срока…»

— Да поймите вы, наконец, — орал Кар, — не летают самолеты, ясно? Не летают…

— Я понимаю, господин Кар. — Голос оставался прежним. — Но мы всегда твердо выполняем требования клиентов, здесь ваша подпись, вы просите не считать телефонные звонки… Ведь бывает, что звонят по принуждению…

— Хотите, — Кар хрипел в трубку, — я сейчас позову свидетелей, начальника аэропорта, полицейского, они подтвердят, все подтвердят!

— Извините, господин Кар, — впервые в голосе послышалось тщательно скрываемое нетерпение, — наш банк еще ни разу не нарушал приказов клиентов. Вы сами потребовали, чтоб считалось только ваше личное присутствие. Так что постарайтесь прийти до закрытия. Извините…

Кар, не дослушав, бросил трубку. В два других банка он звонить не стал.

Весь мокрый, он вышел из душной кабины. И услышал, как пассажиров его рейса приглашают на посадку. Расталкивая людей, он бросился к накопителю, словно, войди он в самолет, тот немедленно поднялся бы в воздух.

Всю дорогу он мотался взад-вперед по проходу, раздражая пассажиров, мешая разносившим прохладительные напитки стюардессам. Когда же самолет приземлился, он, снова расталкивая всех, бросился к выходу и, не успел трап коснуться борта, оттолкнув стюардессу, помчался к зданию аэропорта…

Он вскочил в первое же такси, вынул крупную купюру и, сунув ее под нос шоферу, закричал:

— В город, в банк! Успеешь, получишь еще! — и назвал адрес.

Чтоб не остановилось сердце, он не смотрел на часы. Шофер засунул купюру в карман и погнал машину с недозволенной скоростью, хотя Кару казалось, что они стоят на месте.

Наконец показался банк, и машина в визге тормозов остановилась. Кар бросил взгляд на часы и понял, что проиграл…

Он медленно вышел из машины, подошел к дверям, потрогал. Двери были заперты, решетки опущены. Стоявший невдалеке полицейский, увидев небритого, взлохмаченного детину в помятом костюме, ощупывающего банковскую дверь, положил руку на кобуру и успокоился, лишь когда Кар вернулся и снова залез в такси. Он велел ничего не понимавшему шоферу ехать домой.

Bank
TAXI

Дома он бросился на постель не раздеваясь и сразу заснул.

Проснулся, как всегда, мгновенно и настороженно. Посмотрел на часы, сразу все вспомнил. До открытия банка еще час.

Он встал, проделал свои гимнастические упражнения, очень долго плескался под душем, отмывая вчерашние события, брился, завтракал.

Положил на стол небольшую дорожную сумку, потом, внимательно осмотрев и придирчиво отобрав, засунул в нее несколько рубашек, белье, немнущийся костюм, обувь, еще что-то. Постоял, подумал и бросил сумку в угол.

Надел удобные брюки, легкую рубашку, пиджак со спинным футляром для ножа, ботинки с выщелкивающимся лезвием, наплечную кобуру — словом, все, что надевал, когда шел к Лиолю.

В дипломат уложил запасные патроны, ножи, диктофон, туалетные принадлежности.

Тщательно осмотрел квартиру, особенно содержимое письменного стола, тайник. Кое-что выбросил в мусоросборник, кое-что спустил в туалет, а кое-что сжег на вынутом из плиты железном листе. Посмотрел на часы. Восемь.

Он подошел к телефону, набрал номер управляющего банком. Когда тот снял трубку, спросил

будничным голосом:

— Здравствуйте, это Кар. Мои указания выполнены?

Последовала пауза. Видимо, управляющий немного растерялся. Это был первый случай, чтобы клиент, дававший такие указания, выяснял потом, исполнены ли они.

— Да, конечно, господин Кар, — раздался наконец его любезный голос. — Вчера с вечерним курьером ваш пакет доставлен по адресу. Можете проверить, в книге есть расписка в получении.

— Благодарю вас, — сказал Кар, — при случае загляну. До свидания.

Он опять не стал звонить в другие банки.

Значит, так — с вечерним курьером. Материалы попадут в двенадцатичасовой выпуск. Вряд ли успеют в утренний. У него четыре часа. Не следует терять времени.

Он еще раз обвел взглядом комнату, где провел столько радостных и горьких минут и в которую уже никогда не вернется, вышел, тщательно заперев дверь, спустился в подъезд, бросив по дороге ключи в свой почтовый ящик.

В гараже осмотрел машину, проверил, полон ли бак, протер стекла, сел и поехал в банк. В тот, где хранил свои деньги.

К разочарованию кассира, он взял все, что у него было, и не в чеках, а наличными, запихнул толстые пачки в дипломат и вышел.

Теперь оставался пустяк — бежать на другой конец света… А где он, этот конец света? Кар по опыту знал, какие у «Ока» длинные руки.

Он еще размышлял на эту тему, а «мерседес» уже, словно лошадь в конюшню, вез его в аэропорт.

Чтобы подъехать туда, имелся лишь один путь — довольно широкая дорога, проложенная вдалеке от моря и сужавшаяся каждый раз, как на ее пути встречался городок или поселок. Городские власти давно обещали построить скоростную магистраль, но обещания оставались обещаниями.

Кар не хотел приезжать в аэропорт раньше времени. (Какого? Если он даже не знал, куда полетит?) Он зашел в бар, заказал кофе, посмотрел на часы — одиннадцать, газеты выйдут в двенадцать. Он неторопливо прихлебывал свой кофе, рассеянно глядя на экран установленного в углу телевизора, где крякали, пищали и пели герои детских мультфильмов. Куда же лететь?

И вдруг в одно мгновение все изменилось. На экране возник диктор и сообщил:

«Передаем специальный выпуск последних известий. Благодаря любезности наших коллег из… —

и диктор назвал крупнейшую городскую газету,

—

мы хотим сообщить вам сенсационную новость…»

И далее он рассказал, что

«крупнейший, главнейший, искуснейший агент сыскного агентства «Око» исповедуется перед гражданами. Он раскрывает все тайны этой малопочтенной организации».

Кар не случайно адресовал один из своих пакетов в ту газету, он знал о напряженных отношениях между нею и агентством.

Диктор зачитывал документы, включал пленку, показывал фотографии. Учитывая его комментарии, все это должно было произвести на зрителя ошеломляющее впечатление: «Уважаемое агентство, а в действительности шайка жуликов, шантажистов и насильников, и это в самой-то

демократической стране мира, в их населенном такими уважаемыми, порядочными людьми городе! Позор!»

Кар досмотрел до конца передачу, длившуюся довольно долго, узнал из нее, что специальные выпуски газеты через несколько минут покинут типографию, расплатился и направился к машине.

Значит, так, «Око», а точнее, специальный отдел вице-директора Бьорна начнет действовать немедленно. Может быть, свяжутся с полицией или секретными службами, чтоб те неофициально помогли им, ну хотя бы сообщили, если увидят Кара в аэропорту, у причалов, на железнодорожном вокзале.

Но может быть, он еще успеет?

Сев в машину, Кар поехал в аэропорт. Он ехал со строго лимитированной скоростью. Еще не хватало оказаться в руках дорожной полиции! Хорошо, что он пил только кофе.

Внимательно смотря по сторонам и в зеркало заднего вида, Кар проезжал одну за другой узкие горловины городков, куда втягивалась дорога. Нет, кажется, все спокойно, слежки нет.

Он выезжал уже из последнего на его пути селения, уже была видна штурманская башня

аэродрома, когда неожиданно он заметил стоявшую у края дороги машину, показавшуюся ему знакомой, — маленький, не очень новый «форд».

Кар напрягся, расстегнул куртку. Но когда он почти поравнялся с машиной, то с удивлением обнаружил стоявшую около нее Ингрид. Волосы ее растрепались от ветра и все время захлестывали лицо. Она была одета в синий комбинезон, сапожки, свитер с высоким воротом. Увидев приближающуюся машину Кара, Ингрид выскочила на середину дороги, чуть не попав под колеса.

Кар опустил стекло.

— Скорей, — задыхаясь, проговорила Ингрид, — Скорей же, они уже там! — Она показала на аэродром.

— Что ты тут делаешь? — спросил Кар. — Что с тобой?

— Да скорей же, — чуть не плача, повторяла Ингрид. Она открыла дверцу «мерседеса», своими сильными руками тащила его.

Кар вышел, еще не совсем понимая, что от него хочет Ингрид, но она уже запихивала его в свой маленький «форд». Завизжав на повороте, машина помчалась обратно в город.

Кар сидел неподвижно, устремив взгляд перед собой. Теперь он понял. Но при чем здесь Ингрид?

Он не успел задать вопроса, она сама начала объяснять:

— У Эдуарда в типографии этой газеты друзья, они сообщили ему по телефону, а потом началась передача по телевидению. Он позвонил нам, и мы сразу начали действовать: Роберт поехал в порт, Эдуард — на вокзал, я — сюда. Боже, как я рада, Альберт, как я рада, что перехватила тебя! Если б они убили тебя, я б умерла, нет, я бы убила их! Но теперь мы тебя спасем, спрячем — мы уже знаем где, я туда тебя и везу. Как я рада! А потом мы тебя вывезем и так спрячем, что они тебя никогда не найдут. Мы с тобой уедем в Швецию, ко мне. Уж там я о тебе позабочусь. Ты увидишь…

Она не закрывала рта. Но Кар не слушал. Да, значит, все же есть у него настоящие друзья. Он не одинок. Но они сами не понимают, в какую историю, опасную историю ввязались. Это ведь не цветы сбрасывать с самолета и не демонстрировать у здания муниципалитета. Это смертельная схватка с убийцами, профессионалами высокого класса, не знающими слова «пощада». Он представлял себе директора, вице-директоров, в первую очередь Бьорна, сейчас. Как они сидят в своих кабинетах или в зале для заседаний, как отдают распоряжения, приказы, как заработал весь

огромный, могучий механизм «Ока», как помчались агенты, его бывшие коллеги, его товарищи, с которыми он еще вчера работал вместе. Как они помчались на этот раз охотиться за его жизнью…

Гончие, гончие, идущие по следу! Какой еще вчера был он сам.

Как они все вместе радовались, обкладывая преступника, замыкая кольцо, зная, что теперь он никуда не уйдет, хлопали друг друга по плечам, смеялись…

Теперь обкладывали его.

И вот с этими десятками, а потребуется, сотнями тренированных, безжалостных людей, вооруженных до зубов, знающих все тонкости своего ремесла, тайно поддерживаемых полицией, секретными службами, имеющих в своем распоряжении любую технику, оружие, автомобили, вертолеты, — с ними собирается сразиться за него маленькая кучка неопытных, наивных юнцов.

Кар улыбнулся про себя. Бедные ребята, искренне верящие, что что-то можно изменить в этих джунглях, что есть на свете доброта, порядочность, честность…

Он не может позволить втянуть их в эту безнадежную схватку. Он очнулся от своих мыслей,

когда маленький «форд» свернул на проселок и, проехав сотню метров, остановился возле заброшенной фермы.

Таких ферм было немало в округе. Их разорившиеся или перебравшиеся в город хозяева продавали свои запущенные владения богатым приезжим. Те превращали их в роскошные Виллы. Внешне все оставалось нищим, внутри — наоборот. Эдакий вошедший в моду стиль.

Но та ферма, на которую они приехали, действительно находилась в состоянии упадка.

Ингрид вылезла из машины и, схватив Кара за руку, завела в дом.

— Здесь тебя никто не найдет. Это когда-то принадлежало родителям Мари. Сегодня на совещании мы решили, что тут самое надежное место. Сейчас все устроим. Завтра навезем еду. Ты останешься здесь, пока все утрясется, а потом мы вывезем тебя на машине, если надо, в багажнике. Пока поживешь здесь. Я буду готовить тебе, я останусь с тобой? — Она бросила на него неуверенный и вызывающий взгляд.

Он обнял ее и прижал к себе. Ингрид положила ему голову на плечо, плечи ее вздрагивали… А Кар стоял неподвижно, устремив взгляд далеко-далеко за эти стены, за деревья, за моря и горы,

туда, где стреляли, и убивали, и взрывали, и умирали, но где все было ясно, не было сомнений и не надо было ломать голову, как уберечь эту девочку от гибели…

Они прошли по комнатам. Все носило следы запустения. Разбитые стекла, поломанные двери, мусор на полу.

Лишь одна комната более или менее подходила для жилья. Там и расположились.

— Никуда отсюда! Жди! — Ингрид вся светилась от счастья. Она боролась за любимого и ради него готова была уничтожить всех его врагов. — Не беспокойся. Мы их проведем за нос!

«Если бы», — внутренне усмехнулся Кар. За окном раздался звук заводимого мотора. Ингрид поехала за подкреплением.

Кар осмотрел дом, прикинул, откуда может последовать нападение, как и куда лучше отходить, где спрятаться. Он попросил Ингрид оставить ему автомобильный приемник и теперь включил его.

Материалы, отправленные им в газеты, вошедшие в специальные утренние выпуски, переданные по радио и телевидению, уже вызвали скандал.

К вечеру Ингрид вернулась с таким коли-

чеством продуктов, что их бы хватило Кару, останься он в своем убежище, еще года на два. С ней на своей машине приехал Эдуард.

— План такой, — приступил он сразу к делу, — отсидишься здесь неделю-две, хоть месяц, если надо, а потом мы тебя тихо вывезем, решим как — морским путем, может быть, или в машине. Сюда ездить будет только Ингрид. Нечего привлекать внимание. Я привез портативный телевизор, радиоприемник, вот сегодняшние газеты. Так что будешь в курсе дела.

Ни о каких других делах Кара он не говорил и вопросов не задавал. Они попрощались, Эдуард уехал. Ингрид загнала свою машину в бывшую конюшню и стала готовить ужин. Кар подумал, что она останется ночевать.

Она и осталась. И заснула, бесконечно счастливая, положив ему голову на грудь. А он лежал неподвижно, не засыпая, устремив взгляд в потолок и думая о Серэне, единственной женщине, с которой был счастлив, о своей вине перед ней и об Ингрид, тихо дышавшей возле него, и своей вине, если с ней что-нибудь случится, о жизни и смерти, о том, как хорошо было бы оказаться сейчас на другой планете… И еще он думал о том, что, пока он лежит здесь и размышляет, сотни

людей бродят по округе, разыскивая его.

…Кар прожил на заброшенной ферме неделю.

Скандал разрастался. «Око» оказалось в трудном положении, оно неустанно оправдывалось, что-то отрицало, что-то объясняло… Все это было неубедительно. Ряд общественных организаций, в том числе «Очищение», затеяли процессы, обвиняя «Око» в разных грехах — провокациях, нарушении тайны переписки, подслушивании телефонных разговоров, подкупах и шантаже. К ним присоединились некоторые частные предприятия, считая, что по вине «Ока» стали достоянием гласности их коммерческие тайны. Против иных агентов начались уголовные процессы. Господин Бьорн был с шумом изгнан, как обманщик, творивший от имени «Ока» разные темные дела. Его сделали козлом отпущения. Полиция, муниципалитет выступали с опровержениями, они отрекались от «Ока». Но самое страшное — катастрофически упало число клиентов. Ну кто, скажите, захочет доверять свои тайны агентству, которое даже не в состоянии сохранить эти тайны в тайне? Нет уж, поищем другое!

Очищенцы радовались. Эдуард, Ингрид и другие считали, что скандал отвлек все силы «Ока»

и ему не до Кара.

Но сам-то он придерживался другого мнения. Он понимал, что усилия по его розыску продолжаются. Он должен быть наказан за свое предательство. Для «Ока» это был важнейший принципиальный вопрос. Другие агенты (разумеется, только агенты, а не общественность!) должны знать, что предательство всегда карается смертью и никто этого не избежит!

Как и когда Кар почувствовал, что его нащупали? Вряд ли он и сам мог бы ответить на этот вопрос. Такое вот ощущение. Инстинкт хищника, почуявшего охотников. Он ничего не сказал Ингрид. Не хотел понапрасну беспокоить — вдруг ошибся?

Но ночью с превеликой осторожностью, чтоб не разбудить, выскользнул из ее объятий, бесшумно вылез из окна и так же бесшумно, прячась за кустами, за развалившейся оградой, стал обходить ферму…

Он обнаружил человека по тихому, хорошо знакомому мурлыканью кинокамеры. Человек снимал вход в дом, ворота, загнанную в конюшню машину, особенно ее номерной знак. Камера могла снимать в темноте.

Сначала Кар решил: достаточно одного удара

и… Потом подумал: «Что дальше? Раз уж нащупали, не выпустят. Это как прожектор — поймал в свой луч самолет, так и будет вести, пока артиллеристы не собьют. Нет, это ничего не даст». Он стал соображать. Пока наблюдатель вернется, пока доложит, пока там решат, что да как, наступит день. Днем они ничего предпринимать не будут. Значит, следующей ночью. Но что? Пристрелить, прирезать — не могут. Это было бы уж слишком. Нет, на это не пойдут. Значит, надо инсценировать что-нибудь убедительное, например пожар. Ворвутся, оглушат, зальют в рот виски, а потом подожгут. Мол, напились с любовницей, во сне сбросили керосиновую лампу (тем более что на ферме давно не было электричества). И пожалуйста — спектакль готов, зовите публику.

Значит, надо покинуть ферму до наступления ночи. И одному. Если он уедет, они бросятся за ним (надо только, чтоб заметили). Ингрид ничего не будет грозить, она им не нужна. Но если она будет с ним, они прихлопнут ее заодно. И не поморщатся.

Он вернулся в дом, оделся, забрал все свое оружие и сел у изголовья постели. Он долго смотрел на спавшую Ингрид, на ее разметавшиеся по подушке золотые волосы, на голое загоревшее

плечо, на девчоночью румяную щеку. Во сне она чему-то улыбается. Безмятежно и счастливо.

Когда за окном забрезжил рассвет, Кар осторожно поцеловал ее, едва коснувшись губами, вышел и приколол к двери записку:

«Уехал, не жди, не ищи, за все спасибо».

Сухая записка, когда она увидит ее, наверное, заплачет, жестоко обиженная. Но сначала записку увидят те, для кого она и предназначена. Увидят, быть может, заглянут в окно, быть может, обнаружат отсутствие машины и уйдут. Лишняя предосторожность. Страховка ее жизни.

Ингрид будет тихо спать, проснется, заплачет. Но потом (а жаль!) все забудет. И будет с кем-то счастлива.

Он посмотрел на светлеющее небо. Вгляделся в окрестные поля, в заросли кустов, в дальние леса, в развалины соседней фермы.

Откуда-то они же должны наблюдать за ним. Они наверняка где-то поблизости. Он вывел машину, слегка пошумел мотором на случай, если наблюдатель задремал. Просыпайся, черт возьми! За что жалованье получаешь!

Кар не спеша проехал по проселку. Где же

они? Ах, вот! Какой-то фермер наламывал сучья для раннего очага. В старой шляпе, для убедительности, и в бороде. Кар усмехнулся — хоть бы научили его сучья ломать! Стреляет этот «фермер», наверное, без промаха, а вот по части деревенских работ…

Выехав на шоссе, он прибавил скорость и через несколько километров увидел фургончик с надписью «У смеющейся коровы молоко всегда здорово!». Если б всемирно известная молочная фирма «Смеющаяся корова» знала, как используется ее фирменный знак! Кар хорошо знал эти фургончики с самыми разными рекламными надписями на борту. Сколько часов провел он в них. В фургончиках тех не было молока, масла или сыра. Они были заполнены ультрасовременной электронной аппаратурой, оружием, людьми.

Фургончик стоял на обочине, и водитель копался в моторе.

Он не обратил внимания на проезжавшего Кара. Но когда Кар через несколько километров обернулся, то увидел вдалеке следовавший за ним фургончик. Он вынул пистолет и положил на сиденье рядом с собой. Надо поторопиться в город, там они ничего не смогут с ним сделать. По крайней мере, в первое время. А может, обра-

титься в полицию? Или в одну из тех газет, куда он послал свои пакеты? Кар даже улыбнулся при этой абсурдной мысли. В лучшем случае — отсрочка, так к чему она?

Ему вдруг все стало безразлично. Что ждет его впереди? Постоянное бегство, боязнь собственной тени. Они будут идти за ним по пятам, пока не догонят. Пока не раздавят. Большая потеря для человечества! Что свершил он хорошего на земле? Убивал и разорял ничего плохого не сделавших ни ему, ни его родине людей? Ловил, избивал, сажал в тюрьму каких-то незнакомых ему бедолаг? Довел до гибели (да чего там, убил!) единственное родное ему существо? Что еще в активе? А ничего. Вот разве что спас от смерти Ингрид, да и то от смерти, в которой он тоже был бы виноват.

Так что же впереди? Эти наивные ребята, эти очищенцы, вот у них есть какой-то смысл в жизни, какая-то светлая цель, а у него? У него ничего нет, ни прошлого, ни настоящего, ни будущего…

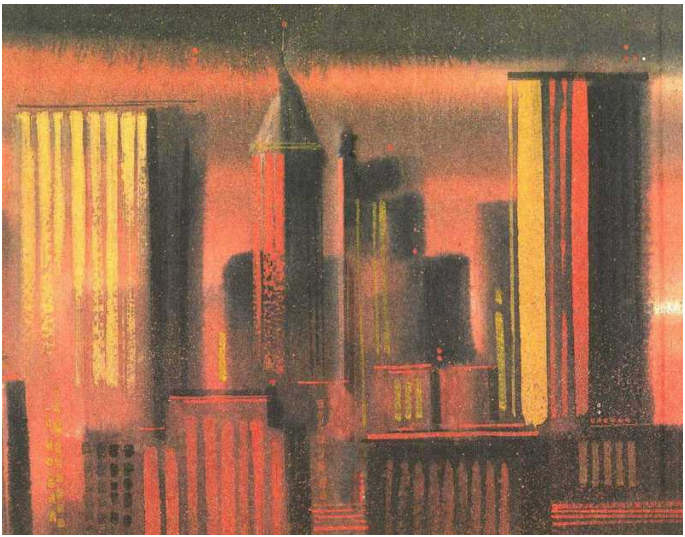
Утро уже вступило в свои права. Дорога оживилась. В обе стороны мчались теперь по ней легковые машины, огромные грузовики, фургончики, автобусы, трейлеры. Он ехал не спеша. То и дело навстречу ему или обгоняя со свистом

проносились машины. Теперь ближе к городу они шли сплошной вереницей. Кар не следил за ними, погруженный в свои мысли.

Поэтому он и не заметил, как гигантский встречный бензовоз, неожиданно выехав на встречную полосу, со страшной силой налетел на маленький «форд». Не успел заметить.

Бензин от удара загорелся. Через мгновение сплющенная в лепешку легковушка и огромный бензовоз пылали. Шофер успел выскочить. Никто не увидел, как его тут же подобрал фургончик молочной фирмы.

Костер на середине дороги пылал, окутывая все черным едким дымом. Раздался визг тормозов, рев клаксонов, крики. Издали уже доносился вой полицейской сирены.



1р.10к.

